

№ 2 (9) 1999

Церковь и время

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

- *Святейший Патриарх
Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ II*
«ПОДЛИННЫЙ СТАРЕЦ БЕРЕЖНО
ОТНОСИТСЯ К КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ»
- *Митрополит Сурожский АНТОНИЙ*
«БЕРЕГИТЕСЬ, БРАТЬЯ МОИ,
СВЯЩЕННИКИ»
- *Архимандрит КИРИЛЛ (Павлов)*
«ДУХОВНОГО ОТЦА НАДО ИСКАТЬ
ПО РАСПОЛОЖЕНИЮ СВОЕЙ ДУШИ»
- *Преподобный НИКИТА СТИФАТ*
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА
- *Епископ Дюклайский КАЛЛИСТ*
«НУЖНО МОЛИТЬСЯ ЗА ВСЕХ».
СПАСЕНИЕ ПО УЧЕНИЮ
ПРЕПОДОБНОГО СИЛУАНА АФОНСКОГО

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*

Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

№ 2 (9) 1999

**Журнал издается Отделом внешних церковных сношений
Московского Патриархата**

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации

Свидетельство о регистрации № 922 от 13 июня 1991 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

Заместитель главного редактора:

Иеромонах Иларион (Алфеев)

Члены редакционной коллегии:

Протопресвитер Виталий Боровой

Архимандрит Елисей (Ганаба)

Протоиерей Всеволод Чаплин

Священник Владимир Кучумов

А. С. Бувеский

Ответственный секретарь:

Е. Ю. Петровский

Выпускающий редактор:

И. В. Соловьев

Адрес редакции:

113191, РОССИЯ, Москва, Даниловский вал, 22
Отдел внешних церковных сношений
Редакция журнала «Церковь и время»

Телефакс +7-095-230-26-19

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнения авторов статей, помещенных в журнале,
не всегда совпадают с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНОСТЬ И ДУХОВНИЧЕСТВО

<i>Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II</i> «Подлинный старец бережно относится к каждому человеку» ..7	
Определение Священного Синода	16
<i>Митрополит Солнечногорский Сергей</i> «Смысл духовничества — облегчить жизнь человека»	21
<i>Митрополит Сурожский Антоний</i> «Берегитесь, братья мои, священники!»	34
<i>Архимандрит Кирилл (Павлов)</i> «Духовного отца надо искать по расположению своей души»...74	

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл</i> «Обстоятельства нового времени». Либерализм, традиционализм и моральные ценности объединяющейся Европы.....	79
<i>Протоиерей Всеволод Чаплин</i> Русская Церковь и новая Европа	89

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

<i>От редакции.....</i>	103
Слово Патриарха Алексия II при открытии II Всемирного русского собора	105
Обращение Патриарха Алексия II в связи с празднованием Дня защитника отчества	108
Послание Патриарха Алексия II и Священного Синода в связи с 50-летием победы в Великой отечественной войне..	109
Речь Патриарха Алексия II на торжественной встрече в Кремле.....	112
Обращение Патриарха Алексия II к участникам вооруженного нападения на Буденновск.....	113
Заявление Патриарха Алексия II для первого канала ОРТ	114
К трагическим событиям на территории бывшей Югославии .	115
Заявление Патриарха Алексия II	120
Заявление Патриарха Алексия II в связи с трагическими событиями в зоне балканского кризиса	122
Заявление Патриарха Алексия II в связи с событиями в Кизляре	123
Приветствие Патриарха Алексия II Межконфессиональной конференции «Призваны к одной надежде в союзе мира»	124
Итоговый документ Межконфессиональной конференции «Призваны к одной надежде в союзе мира»	127
Заявление Патриарха Алексия II и Священного Синода	134

БОГОСЛОВИЕ, АГИОГРАФИЯ

<i>Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл</i> «Преодолеть разрыв между богословием и жизнью»	138

К 1050-летию со дня рождения преподобного Симеона Нового Богослова

<i>От редакции</i>	149

<i>Преподобный Никита Стифат</i> Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова, пресвитера и игумена монастыря святого Маманта Ксирокерка.....	151

<i>Преподобный Симеон Новый Богослов</i> Послание об исповеди	209

БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Епископ Диоклийский Каллист</i> «Нужно молиться за всех». Спасение по учению преподобного Силуана Афонского	231

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

<i>Д. В. Поспеловский</i> Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон ...	259

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

<i>М. Силонова</i> Письмо главному редактору. Отзыв о книге «Человек Церкви»	299
<i>Б. Кутузов</i> По поводу антистарообрядческих публикаций.....	303

ДУХОВНОСТЬ И ДУХОВНИЧЕСТВО

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II*

«ПОДЛИННЫЙ СТАРЕЦ БЕРЕЖНО ОТНОСИТСЯ К КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ» *

Наблюдая отрадный процесс возрождения церковной жизни в нашей стране, когда многие люди, искусственно оторванные от церковной традиции, в последнее десятилетие приходят к Богу, мы не можем не видеть, что главной трудностью является утрата связи нынешнего поколения российских христиан с поколением новомучеников, чей подвиг свидетельства о Христе, опыт жизни в Духе должен быть основой бытия нашей Церкви в XXI веке.

Со времен апостолов в Церкви Христовой епископы, как апостольские преемники, подают народу Божию благодатные дары Святых Таинств. «Без епископа нет Церкви, — говорит священномученик Игнатий Богоносец, — где епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и соборная Церковь» (см.: К Смирнянам, гл. VIII).

В последнее время прошлое нашей Церкви нередко выставляется в искаженном свете, ее епископы становятся объектом злонамеренной клеветы. Это порождает у младенцев в вере превратное представление о епископах. И делается это сознательно — *поражу пастыря, и рассеются овцы* (Мф. 26:31).

Хотелось бы напомнить, что наши предшественники, Предстоятели Церкви мучеников и исповедников, сталкивались с этими тенденциями с момента возрождения Патриаршества в 1918 году.

Святой исповедник Патриарх Всероссийский Тихон и священномученик митрополит Крутицкий Петр подвергались критике за мнимые уступки существующему строю со стороны лю-

* Из выступления на Епархиальном Собрании г. Москвы 23 декабря 1998 г. Перепечатано из «Журнала Московской Патриархии» № 2, 1999.

дей, которые, находясь в безопасности за рубежом, считали возможным судить гонимых собратьев и ставить свои амбиции выше интересов Русской Церкви. Они же пытались дискредитировать Патриарха Сергия, чей диалог с властью предержащими позволил избежать смерти многим тысячам христиан, а может быть — и уничтожения самой Русской Православной Церкви. Святейший Патриарх Алексий I, который, по воспоминаниям современников, литургисал так, что многие, только видя это, оставались верными Матери-Церкви, также был обвиняем в отступлении от Православия за возродившиеся по его благословению экуменические контакты, которые в то время были единственным способом противостоять гонениям на Церковь.

Это поношение не прекращается и поныне, хотя зарубежные критики, упрекавшие нашу Церковь в зависимости от тоталитарного государства, потеряли сейчас свой главный аргумент.

Прискорбно видеть, что и среди живущих в России находятся люди, стремящиеся подражать этому «радению о Православии». Даже некоторые клирики нашей Церкви, сохраняя на словах преданность своему Священноначалию, ведут себя как раскольники, претендуя на роль неких «старцев». Критикуя Священноначалие, они, в отличие от духоносных отцов прошлого и настоящего, критикой пытаются привлечь к себе внимание и таким образом создать себе авторитет. Как правило, непременным и единственным условием спасения они объявляют полнейшее подчинение себе тех, кто прибегает к их руководству, превращая их в неких роботов, не могущих без благословения такого «старца» совершить любое дело, каким бы незначительным оно ни было. Человек, таким образом, лишается той благодатной свободы воли, которая ему дарована Богом. Для подтверждения своей правоты они неправомочно используют ссылки на творения святых отцов, профанируя их великое делание и извращая само понятие старчества.

Подлинный старец, прежде всего благодаря высокой духовности, бережно относится к каждому конкретному человеку. В силу своей опытности и благодатного дара он раскрывает образ Божий в человеке теми средствами, которые созвучны его духовному устроению и возрасту. Отдельные же современные «старцы» (а вернее их будет называть «младостарцами»), не обладая духовным рассуждением, налагают на воцерковляющихся *неудобоносимые бремена* (Лк.11:46), применяют в своей пас-

«Подлинный старец бережно относится к каждому человеку»

тырской деятельности штампы, губительные для духовной жизни, необоснованно применяют к мирянам, по большей части духовно еще не окрепшим, формы духовного руководства, уместные только в монашестве.

Нередко в доказательство преданности себе они требуют от приходящих к ним продать их скудное имущество, в результате чего те, лишившись имущества и жилья, попадают в абсолютную зависимость от такого пастыря. Столь превратное толкование слов Спасителя: *все, что имеешь, продай... и... следуй за Мною* (Лк. 18:22) больше согласуется с практикой современных тоталитарных сект, наводнивших Россию в последние годы, чем с духом Евангельских заветов.

Подобными же «старцами» распространяется и практика заключения браков, при которой благословение на совместную жизнь преподается людям малознакомым или вообще незнакомым друг с другом. Часто это соединяется с внушением неправославного взгляда на это Таинство, при котором смысл брака усматривается исключительно в рождении детей. Такой взгляд совершенно не согласуется со святоотеческим пониманием Таинства Брака как школы возрастания в христианской любви, как таинственного единения духа, души и тела супругов. Такое младостарческое толкование брака сужает полноту духовной жизни, возможную в христианской семье, сводит ее до проявления одного человеческого естества. Оно мешает созиданию домашних церквей, в чем, по мысли одного современного апологета, для Русской Церкви и заключается ее будущее: «Научатся ее члены создавать домашние церкви — будет существовать Русская Церковь, не сумеют — Русская Церковь иссякнет» (*Протоиерей Глеб Каледа. Домашняя Церковь. М., 1997. С. 12*).

Те же младостарцы довольно часто не допускают до Причастия людей, «не снявших венцы», то есть не расторгнувших церковный брак. В результате люди, порой в возрасте 60—70 лет, много лет назад разведенные и не имеющие никакого намерения вступать в новый брак, осаждают Патриархию с требованием снятия благословения с брака. Правда, случаются среди них и люди весьма молодые, уже вступившие в брак во второй раз, которым, снисходя к их немощи, действительно дается такое благословение, для этого имеется соответствующий чин второбрачного венчания. Но для тех, кто намерен использовать подобный развод лишь для более свободного шествия по грехов-

ному пути прелюбодеяния, благословение, естественно, даваться не может.

То гипертрофированное значение, какое придается в младостарческих приходах личности священника, пагубно сказывается и на богослужебной жизни. Ее центром становится исповедь, которая обставляется неуместными церемониями, превращаясь из сугубо личного Таинства в массовое действо, о чем я еще скажу несколько позже. Литургия в таких случаях совершается с непозволительным небрежением, иногда с перерывами для продолжения исповеди.

В проповедях эти священнослужители, обращая внимание своих прихожан на важность Таинства Покаяния, не раскрывают им полноты значения Святой Евхаристии как Таинства, создающего Церковь.

Нездоровая зависимость новообращенных от личности младостарца порождает искаженные формы приходской жизни. Люди идут в церковь, чтобы встретиться со «своим батюшкой», а не со Христом, чтобы поговорить со знакомыми, а не для молитвенного общения с Полнотой Церкви. Характерная для воцерковляющихся ущербность церковного сознания, в котором не находится места понятию о соборности и вселенскости Церкви, поддерживается такими пастырями, внушающими своим чадам, что спасение возможно лишь в пределах их общины, и для утверждения в этом осуждающими других священнослужителей, тем самым отталкивая людей от них. Это ведет к самоизоляции подобных общин от других приходов, от епископа и, в конечном счете, от Церкви.

Самоизоляция часто имеет следствием недопустимую политизацию таких общин, когда «левая» или «правая» политическая ориентация объявляется единственно соответствующей православному миропониманию. В таких общинах легко приживается та губительная для церковного единства критика Священноначалия, о которой мы только что говорили. Неудивительно, что болезненные формы общинной жизни в этих приходах больше напоминают сектантскую замкнутость раскольнических общин или обособленность протестантских групп. Подобных общин в послереволюционные годы возникало множество, и печальная участь их нам известна. Община, не возглавляемая епископом, отсекает себя от Церкви, а значит, уже обречена на духовную смерть.

«Подлинный старец бережно относится к каждому человеку»

Названные искажения пастырской деятельности, литургической и общинной жизни имеют серьезные экклезиологические последствия. Священники, подобными путями утверждающие свой авторитет, фактически присваивают себе честь, которая по праву может принадлежать только епископу. Происходящее в связи с этим разрушение церковного сознания как у них самих, так и у их паствы, формирует в Церкви идеологическое и экклезиологическое течение, по сути, протестантского типа, в котором теряется Дух, созидющий богослужебные и организационные формы Православия, наполняющий и животворящий их. И, как результат этого, люди, нашедшие «дорогу в Церковь», отворачиваются от нее, несмотря на воссоздание внешнего благолепия храмов и их материального благополучия. И в этом, к сожалению, вина не их, а подобных «старцев»-лжепастырей.

Не меньше отталкивает людей от Церкви и формальное отношение священнослужителей к своим пастырским обязанностям.

Чрезвычайно важно как можно скорее перейти от практики формального требоисполнительства к благоговейному, вдумчивому совершению Таинств и обрядов, прежде всего крещения, исповеди, брака и отпевания. Здесь всегда необходимо сердечное участие священника, необходимы катехизация — подготовка к совершению Таинства — и проповедь, так как в эти главные моменты человеческой жизни особенно легко найти контакт с открывающимся навстречу Божественной правде сердцем человека. Напротив, формальный или даже «коммерческий» подход священника к приходящим в Церковь людям надолго, если не навсегда, отталкивает от храма, внушает презрение к алчному духовенству. Церковь — это не магазин духовных товаров, здесь недопустима «торговля благодатью». *Туне прияте — туне дадите*, — заповедал нам Христос. Тот, кто превращает свое пастырское служение в средство скверного прибытка, достоин участи Симона-волхва. Лучше, чтобы такие люди покинули пределы Церкви и занимались бизнесом на рынках.

Наибольшие нарекания вызывает практика совершения некоторыми священниками Таинства Покаяния.

Одни священники, в основном из белого духовенства, зачастую вовсе не выслушивают кающихся. В какой-то степени это оправдывается в многолюдных приходах большим стечением на-

рода в праздники, хотя нами уже неоднократно давались указания о выделении в таких приходах для совершения исповеди большего количества священников.

Не лучше и другая крайность, характерная в основном для духовенства монастырей. Человеку, пришедшему на исповедь, внушают, что он должен вспомнить и рассказать каждый грех до мельчайших подробностей. И не только грех, но даже и помысел. Результат бывает плачевным: человек, отходя от исповеди, чувствует себя неисцеленным, а то и приходит в полное отчаяние, осознавая невозможность вспомнить абсолютно все.

Таким духовникам надлежало бы вспомнить первоначальное предназначение Таинства Покаяния. Здесь не требуется большой премудрости, надо только открыть Требник и посмотреть вопросы, задаваемые кающемуся в последовании исповеди. Изначально к этому Таинству прибегали в тех случаях, когда человек совершал смертный грех, через который отпадал от Церкви.

Что же касается грехов пожеланий, совершенных в мыслях (борьбы помыслов), то они открывались обычно на исповедании помыслов, совершаемом прежде в монастырях. Но исповедание помыслов не было связано с Таинством Покаяния — его принимал старец, порой не имеющий сана. При этом он давал наставления и, конечно же, не читал разрешительной молитвы, поскольку это была беседа.

В наши дни многие так называемые младостарцы, не имея должного понимания Таинства Покаяния, превращают исповедь либо в истязание кающегося, либо в беседу, длящуюся порой по часу с каждым человеком, невзирая на то, что стоит масса исповедников. В результате, как правило, задерживается начало Божественной литургии, а многие из пришедших на исповедь уходят без нее.

Нередко такие «духовники» совершают подобные исповеди и во время Литургии: на антифонах, во время чтения поминальных записок, запричастного стиха, совершая одновременно и Божественную литургию и нарушая тем строгий порядок богослужения.

Некоторые верующие, готовясь к исповеди, делают записи. Этот обычай, полезный сам по себе, при неправильном понимании смысла исповеди имеет отрицательное воздействие на душу кающегося. При подходе, требующем «рассказать все до мель-

«Подлинный старец бережно относится к каждому человеку»

чайших подробностей», у верующего вырабатывается отношение к исповеди как к рапорту перед Богом о допущенных грехах. На исповеди таких людей хорошо прослеживается желание зачитать все как можно быстрее (по недостатку времени) и полнее, чтобы что-то не упустить, иногда без всякого покаянного чувства. После исповеди такие люди часто подходят вновь и неоднократно, говоря, что забыли такой-то грех. При этом, как правило, они просят священника разорвать или сжечь запись, считая это действие чуть ли не главным тайносовершительным моментом всей исповеди.

Еще хуже, когда священник, взяв такую запись, прочитывает ее либо, не читая, разрывает и, ни слова не говоря, читает разрешительную молитву. Таким образом он ставит себя в положение вершителя суда Божия. Помнит ли такой священник обращение к кающемуся, произнесенное им самим перед началом исповеди: «Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое... Аз же точию свидетель есмь». Знает ли он свое место при совершении Таинства Покаяния? Знает ли он, что является не судьей, а свидетелем и духовником? Человеку, дающему священнику написанный текст и говорящему при этом: «Прочитайте сами», следует объяснить, что грех исповедуется перед Богом, что самому священнику это знать неинтересно, а если и нужно, то только для свидетельства и для духовного совета, способствующего исцелению от болезни греха. Следует объяснить верующему, что исповедь — не отчет перед Богом, а тем более перед духовником о совершенных грехах, а запись — лишь памятка для самого исповедующегося. Не надо, гоняясь за дешевой популярностью, рвать или сжигать запись исповеди, а наоборот, надо объяснить, что разрывание бумажки никакого сакраментального значения не имеет, а является если не суеверием, то фарисейством («согрешений моих рукописание раздери»). К сожалению, мы часто рассматриваем Таинства статически, а их следует рассматривать динамически. Надо объяснять верующим, что главное на исповеди — не слова, а осознание своей греховности, отпадения от Бога через грех, желание вернуться к Нему и не повторять ошибок прошлого. Следует сосредотачивать внимание не столько на прощении грехов, сколько на благодати для борьбы с грехом, подаваемой в этом Таинстве, и на ответственности за получаемую благодать. Здесь уместно вспомнить притчу о талантах, процитировать слова из

требника: «От сих отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаешися».

В наши дни вседозволенности издано много брошюр типа «Чинопоследование исповеди», «Таинство Покаяния» и тому подобных. Многие изданы без нашего благословения, хотя на первой странице и напечатано: «По благословию Святейшего Патриарха Алексия». В них можно встретить вопросы духовника или образец исповеди во всех грехах, начиная от помыслов и оканчивая уголовными преступлениями. Один пример для иллюстрации качества некоторых из этих брошюр. Можно, например, встретить упоминание о таком грехе, неизвестно, правда, против какой заповеди: «Тратила много времени на ненужную стирку белья». И это предлагается для подготовки к исповеди мирскому человеку, женщине, хозяйке?! Что же — бездельничать и ходить в грязи, это будет христианский образ жизни? Не у всех ведь есть сегодня возможность приобрести импортные автоматические стиральные машины. Читал ли составитель этой брошюры слова Апостола Павла: *кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5:8)?

Печально, что некоторые священники, в основном иеромонахи, считая исповедь по таким брошюрам углубленной и исчерпывающей, активно пользуются ими при совершении Таинства Покаяния без учета возраста, пола, положения человека в обществе. Можно себе представить, как чувствует себя невинная пятнадцатилетняя девочка, когда, называя вещи своими именами, ей задаются вопросы о содомском грехе и тому подобном, или порядочная семейная женщина, когда такого рода духовник начинает расспрашивать об интимных подробностях ее супружеских отношений. Причем это особенно характерно для младостарцев и монашествующего духовенства. Будет ли желание приступать к Таинству Покаяния еще раз у людей, прошедших такую генеральную исповедь? Думаю, что нет. Конечно, частично эти вопросы указаны в Требнике в обычном последовании о исповедании. Но там же сделана оговорка, что духовник должен задавать вопросы «со всяким разумным испытанием смотря различие лиц и потому испытание творя: инако бо духовна, инако людина, инако монаха, инако мирска, инако юна, инако старца».

Очевидно, для современного человека наиболее приемлемой

«Подлинный старец бережно относится к каждому человеку»

является исповедь в порядке десятословия Моисеева в христианском истолковании, причем исповедующемуся должна принадлежать не пассивная, а активная роль, в первую очередь он сам должен исповедовать то, в чем его укоряет совесть, а вопросы при необходимости следует задавать дополнительно как напоминание кающемуся о чем-то забытом.

Иногда верующие не допускаются до Причастия без достаточных оснований. От Причастия отлучает лишь смертный грех или неподготовленность. Игумен одного из подмосковных ставропигиальных монастырей за два дня до праздника Рождества Христова не счел возможным допустить до Причастия молодую женщину только потому, что она скромно, в семейном кругу, не нарушая поста, встретила Новый год и выпила немного вина. На праздник Рождества Христова эта женщина осталась без Причастия Святых Христовых Таин. Этому игумену следовало бы перечитать великопостный Устав. Даже Великим постом в праздничные дни разрешается вино, начиная с первой субботы поста. Что же касается Рождественского поста, то наиболее строгая его часть начинается лишь со следующего дня, 2 января по новому стилю.

Сохраняется формализм и в подходе к Таинству Крещения. Во многих храмах в погоне за доходом сохраняется «конвейерный метод», когда первой, главной и последней частью подготовки к Крещению является оформление за свечным ящиком — уплата денег, а священник ставится в положение требоисполнителя. В каждом храме необходимо сделать так, чтобы священник имел хотя бы одну предварительную встречу с обращающимися по вопросу о Крещении.

Само же Крещение надлежит совершать в соответствии с правилами и традицией нашей Церкви, то есть через полное погружение. Недопустимо совершение его в малом количестве воды.

Стремящимся к большим доходам следует помнить, что предварительное наставление, катехизация, даже с откладыванием совершения Таинства Крещения может принести больший доход в будущем. Человек, принимающий Святое Крещение формально, больше в храм не придет. Человек, осознавший его значимость, станет постоянным прихожанином...

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

В заседании Священного Синода 28 декабря 1998 года
под председательством ПАТРИАРХА

ИМЕЛИ СУЖДЕНИЕ об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью «вязать и решить» (Мф. 18:18).

Справка: В последнее время участились случаи злоупотреблений в духовнической практике, негативно сказывающиеся на состоянии церковной жизни.

Некоторые священнослужители, получившие от Бога в Таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что таковое право означает безраздельную власть над душами людей. Не памятуя о том, что отношения между духовником и духовными чадами должны строиться на основе взаимного уважения и доверия, таковые пастыри переносят сугубо монашеское понятие беспрекословного подчинения послушника старцу на взаимоотношения между мирянином и его духовным отцом, вторгаются во внутренние вопросы личной и семейной жизни прихожан, подчиняют себе пасомых, забывая о богоданной свободе, к которой призваны все христиане (Гал. 5:13). Подобные недопустимые методы духовного руководства в некоторых случаях оборачиваются трагедией для пасомого, который свое несогласие с духовником переносит на Церковь. Такие люди покидают Православную Церковь и нередко становятся легкой добычей сектантов.

Некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме. Случается, что духовник настаивает на расторжении брака между супругами, когда один из супругов не принадлежит к православной вере. Иные монашествующие духовники запрещают своим духовным чадам вступление в брак и принуждают их к принятию монаше-

Определение Священного Синода

ства на том основании, что монашество якобы выше брака. Некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в «невенчанном» браке, отождествляя таковой брак с блудом; запрещают своим духовным чадам вступление во второй брак на том основании, что второй брак якобы осуждается Церковью; запрещают супружеским парам развод в том случае, когда в силу тех или иных обстоятельств семейная жизнь становится для супругов невозможной.

Имеют место случаи, когда пастырь «не благословляет» тому или иному из своих прихожан жениться или выйти замуж по любви, но предлагает «по послушанию» вступить в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем.

Также имеют место случаи, когда пастырь запрещает пасомым обращаться за медицинской помощью, препятствует исполнению пасомыми своих гражданских обязанностей — участию в выборах, службе в вооруженных силах. Некоторые пастыри навязывают пасомым те или иные политические взгляды. Иные духовники считают учебу в светских учебных заведениях «ненужной» или вредной для спасения. Подобные требования не только нарушают право каждого христианина на принятие самостоятельных решений, но и входят в противоречие с действующим законодательством.

Участились случаи создания теми или иными пастырями таких церковных общин, в которых жизнь строится на авторитете самого пастыря, подкрепляемом негативным отношением к церковному Священноначалию, а также к другим пастырям и приходским общинам. Таковые пастыри забыли о том, что их задача — вести людей к Богу, а не группировать прихожан вокруг самих себя. В подобного рода приходах создается атмосфера собственной исключительности, несовместимая с духом соборности, на которой зиждется Православная Церковь.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Имея в виду участвовавшие жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение, на недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к следующим действиям и решениям: принятию монашества; несению какого-либо церковного послушания; внесению каких-либо пожертвований; вступлению в брак; разводу или отказу от вступления в брак, за исключением случаев, ко-

Определение Священного Синода

гда брак невозможен по каноническим причинам; отказу от супружеской жизни в браке; отказу от воинского служения; отказу от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей; отказу от получения медицинской помощи; отказу от получения образования; трудоустройству или перемене места работы; изменению местожительства.

2. Напомнить всем пастырям Русской Православной Церкви, несущим духовническое служение, о необходимости в духовнической практике строго следовать букве и духу Священного Писания и Священного Предания Православной Церкви, заветам Святых Отцов и каноническим установлениям, а также о недопустимости для православных пастырей вводить в духовническую практику какие-либо нравственные и иные требования, выходящие за рамки предписанного означенными установлениями, и по слову Спасителя, «возлагать на людей бремена неудобносимые» (Лк. 11:46).

3. Напомнить всем пастырям-духовникам о том, что они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина. Подчеркнуть, что беспрекословное послушание, на котором основывается отношение послушника к старцу в монастырях, не может в полной мере применяться в приходской практике во взаимоотношениях между священником и его паствой. Особо указать на недопустимость для пастырей вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из их пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета.

4. Подчеркнуть недопустимость негативного или высокомерного отношения к браку, напомнив всем священнослужителям правило 1-е Гангрского Собора: «Аще кто порицает брак и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яка не могущую внити в Царствие, да будет под клятвою». Особо подчеркнуть, что принятие монашества является делом личного выбора христианина и не может совершиться «по послушанию» тому или иному духовнику.

5. Напомнить монашествующим о недопустимости, согласно правилу 21-му Гангрского Собора, «принимать подвижничество в повод гордости», «превозноситься над живущими просто» (то есть состоящими в браке) и «вопреки Писаниям и церковным

Определение Священного Синода

правилам вводить новости». Правило 10-е того же Собора гласит: «Аще кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися, да будет под клятвою».

6. Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку, а также к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православной вере, в соответствии со словами святого апостола Павла: «Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (1 Кор. 7:14).

7. Напомнить пастырям о том, что в своем отношении ко второму браку Православная Церковь руководствуется словами апостола Павла: «Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит... Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе» (1 Кор. 7:27—28, 39).

8. Напомнить пастырям о необходимости соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности при обсуждении с пасомыми вопросов, связанных с теми или иными аспектами их семейной жизни.

9. Особо указать на недопустимость для пастырей создания вокруг себя таких общин, в которых имеет место оппозиционное и критическое отношение как к высшему церковному руководству, так и к другим пастырям и приходским общинам.

10. Подчеркнуть недопустимость использования церковного амвона для проповеди тех или иных политических взглядов.

11. Призвать епархиальных Преосвященных обратить особое внимание на то, как пастырями вверенных им епархий осуществляется духовное окормление паствы. Усилить надзор за строгим соблюдением пастырями установлений и норм Православной Церкви, касающихся различных аспектов духовнической практики.

12. Призвать верующих Православной Церкви обращаться к своему правящему архиерею во всех случаях, когда пастырь-духовник превысил данную ему Богом власть «вязать и решить». Напомнить православной пастве о том, что советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлени-

Определение Священного Синода

ям Православной Церкви; в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним. В связи с этим обратить внимание на слова преподобного Симеона Нового Богослова о том, как должны строиться отношения между духовным чадом и духовником: «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения Святых Отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с Божественными Писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей».

13. Епархиальным Преосвященным довести настоящее постановление до сведения священнослужителей, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви.

Патриарх Московский и всея Руси	Алексий
Члены Священного Синода:	
Митрополит Киевский и всея Украины	Владимир
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский	Владимир
Патриарший Экзарх всея Беларуси,	
Митрополит Минский и Слуцкий	Филарет
Митрополит Крутицкий и Коломенский	Ювеналий
Председатель Отдела внешних церковных сношений,	
Митрополит Смоленский и Калининградский	Кирилл
Архиепископ Краснодарский и Новороссийский	Исидор
Архиепископ Саратовский и Вольский	Александр
Епископ Витебский и Оршанский	Димитрий
Епископ Саранский и Мордовский	Варсонофий
Епископ Читинский и Забайкальский	Иннокентий
Епископ Мурманский и Мончегорский	Симон
Управляющий делами Московской Патриархии,	
Архиепископ Солнечногорский	Сергий

«СМЫСЛ ДУХОВНИЧЕСТВА — ОБЛЕГЧИТЬ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»

**Беседа митрополита Солнечногорского Сергия,
управляющего делами Московской Патриархии,
с корреспондентом журнала «Церковь и время»**

— Ваше Высокопреосвященство, в последние годы много говорится о необходимости возрождения духовности, однако в это понятие вкладывают самый разный смысл. Как бы Вы определили понятие «духовность»?

— Сейчас модно говорить о духовности, особенно в светских кругах. Люди искусства говорят, что они вносят большую лепту в развитие духовности народа. Может быть, есть здесь доля правды, но именно доля, потому что духовность может достигаться, прежде всего, путем работы над собой. Мы имеем опыт такой духовной работы Святых Отцов, аскетов, подвижников, тех людей, которые отдали свою жизнь за Христа. Без этого опыта вряд ли можно было бы вообще говорить о духовности.

Мое определение понятия «духовность» может быть дано только с точки зрения традиции Русской Православной Церкви. Каждый человек, вступая на путь духовной жизни, начинает понимать, что в Православной Церкви есть все для духовного совершенствования. Все таинства ведут к тому, чтобы человек стал духовным и сделал свою жизнь духоносной, чтобы истины Евангелия стали внутренним законом жизни человека, чтобы Евангелие стало источником, из которого человек черпал бы глаголы жизни вечной.

Достижению высот православной духовности способствуют многие вещи. Прежде всего, это молитва, это послушание, обязательное для каждого человека, где бы он ни трудился. При этом не обязательно быть монахом или священником, потому что послушание может быть не только духовному отцу, но и от-

цу семейства. Взаимная обязанность супругов, обязанности родителей по отношению к детям и детей к родителям — все это связано с послушанием. Без послушания ничего не достигается. Целомудренное поведение человека, соблюдение постов, которые ведут к духовному очищению, также служат стяжанию духовности. Наконец, если человек начинает изучать опыт свято-отеческой духовности — творения Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Игнатия Брянчанинова, беседу преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым, то он постепенно осваивает уникальный опыт человечества по стяжанию подлинной духовности, которая делает его духовно богатым, наполняет жизнь человека смыслом. Когда человек идет по пути, указанному Святыми Отцами, происходит такое чудо: чем больше человек отдает, тем богаче он становится. В этом, я думаю, коренное отличие православной духовности от светской.

— Владыко, в беседе с Мотовиловым, о которой Вы упомянули, преподобный Серафим говорит, что целью жизни христианина является стяжание Святого Духа Божия. Иными словами, духовность каждого христианина — это собственно причастность Святому Духу. Но давайте поговорим в широком плане о духовно-нравственном состоянии общества в целом. Как бы Вы его оценили? И в чем, на Ваш взгляд, заключается роль Церкви в духовном возрождении России?

— Это вопрос довольно сложный, на него нельзя ответить однозначно. Говорить о бездуховности нашего народа не совсем верно. Я думаю, всех должно беспокоить состояние безразличия, покорности судьбе, безысходности, которое сейчас является доминирующим в нашем обществе. Жизнь часто ставит человека в тупик, а тупиковые ситуации создаются не только в смысле материальном, но и в духовном.

Христос говорил: «Познай истину, и истина сделает тебя свободным». И это действительно так. Истина Христова — истина вечная, это краеугольный камень, который должен быть положен и в основание личной жизни христианина, и в основание общественной и государственной жизни. Если нет этого основания, то постепенно нарушается духовный баланс в жизни человека, что приводит к катастрофам, которые иногда заканчи-

ваются даже самоубийством. И причина самоубийства не бедность и не нищета.

Человек богатый, обеспеченный, так же, как и бедный, нередко кончает жизнь самоубийством. Он тоже не справляется с проблемами, поставленными перед ним действительностью. Богатство не делает человека свободным от тех нравственных терзаний, которые влечет за собой состояние бездуховности. Я уверен, что наше общество исцелилось бы, если бы нам удалось возродить духовность в народе. А начинать надо с того, чтобы каждый человек занял активную позицию в жизни. Только истина Христова дает человеку возможность посмотреть на жизнь другими глазами и найти нравственную опору.

Мне действительно хотелось бы, чтобы наше общество возродилось нравственно, духовно. К сожалению, то, что якобы делается в этом направлении через телевидение, литературу, искусство часто, наоборот, ведет к развращению человека. А если общество становится нравственно разложенным, то оно готово принять на веру любую теорию, любую философию. Эта философия будет жить и процветать. Можно привести такой пример: после революции верующей России была предложена коммунистическая идеология, и вчерашние христиане Святой Руси вдруг стали гонителями христианства. Это ведь парадокс. В этом случае мы можем говорить о подмене духовности в нашей стране псевдодуховностью.

Я бы хотел еще раз подчеркнуть опасность состояния теплоты, безразличия — человек должен быть активен, и мы призываем, чтобы он был активен в добре. Эта активность в добре должна быть плодом Святого Духа. Человек должен стремиться к нравственному совершенству, к святости, к деланию добрых дел, заботиться о том, чтобы ближнему было хорошо, должен хорошо работать на том месте, где он поставлен: будь то рабочий, крестьянин, президент, патриарх, священник. Все это укрепляет веру, наполняет внутреннюю жизнь человека духовным смыслом.

— Вы упомянули тот критический момент в истории нашей страны, когда произошла подмена истинной духовности лжедуховностью, идеологией, навязанной народу. Сейчас мы переживаем другой критический момент, когда страна выходит из идеологического плена, встает на новый путь. Интересно, что о

духовности, о духовном возрождении сейчас говорят не только люди, непосредственно связанные с духовной сферой, но также и те, кто в совсем недавнем прошлом являлись апологетами воинствующего атеизма, а сейчас столь же воинственно пропагандируют идеологию, в которой православие переплетено с националистическими, шовинистическими идеями. Не происходит ли в таких случаях подмена истинно православной духовности суррогатом?

— Вы знаете, мы живем с вами в очень интересное время. Действительно, нас сейчас не заставляют вступать ни в какие партии, нас не преследуют за те или иные убеждения, мы живем в условиях свободы. Эта свобода предполагает и подразумевает, что мы можем ответить на вызов времени. Что будет с нашей Россией, с нашим обществом, каким мы его увидим? Это зависит от каждого из нас.

Мы как православные люди конечно заинтересованы в том, чтобы каждый человек получил возможность узнать истину и узнать ее. Я как епископ Церкви прежде всего заинтересован в том, чтобы человек узнал о ценностях Православия, потому что, с моей точки зрения, это осуществление свободы совести каждого гражданина. Мы живем в конкретном геополитическом пространстве — в России, которая имеет свои духовные, культурные, политические, экономические корни. Чтобы понимать свою историю, чтобы взять оттуда что-то доброе, человек должен узнать хотя бы азы Православия. Необходимо познакомиться с Православием глубже, чтобы увидеть в нем не только лишь византийский блеск богослужения, который некоторых восторгает, а некоторых, наоборот, отвращает от Церкви, но чтобы действительно увидеть духовную сущность Православия.

Если человек усвоит основы Православия, то никакие партии, которые носят название православных, но на самом деле ничего общего с Православием не имеют, не собьют его с истинного пути. Я встречался с лидерами таких партий: они не имеют никакого понятия не то что о Православии — о Боге. Но поскольку это модно, они создают православные партии, или что-то в этом роде. Конечно, это недопустимо, это безнравственно. Нравственный человек никогда не позволит себе спекулировать верой.

Коснемся такого понятия, как патриотизм. В России всегда, во все исторические периоды мы встречаем подлинный патриотизм. Но есть ведь и ложный патриотизм, проявляющий себя в уродливых формах шовинизма, антисемитизма. Россия никогда не была антисемитской страной.

Если вы посмотрите духовную литературу, например, труды Антония Храповицкого, то увидите, что он очень много говорит об антисемитизме как о нездоровом явлении. Настоящие православные патриоты России никогда не позволят себе оскорбить человека другой нации, другой веры. Мне всегда вспоминаются слова Достоевского о том, нравственно или безнравственно преследовать сектантов. Он говорит, что всегда задумывался над тем, как бы Христос ответил на этот вопрос, и всегда получал ответ, что Христос никогда не стал бы преследовать инакомыслящих.

Я уверен, что национализм, шовинизм, антисемитизм несовместимы с подлинным патриотизмом, с православным пониманием роли человека в обществе, в государстве. Церковь никогда не поддерживала этих маргинальных движений.

— Вернемся к разговору о духовности. С понятием «духовность» в православной традиции тесно связано понятие духовничества. Каким качествам, на Ваш взгляд, должен отвечать духовник в современной России? В декабре прошлого года Святейший Патриарх в выступлении на епархиальном собрании резко критиковал некоторых священнослужителей за неправильный подход к духовничеству и к таинству исповеди. Вскоре после этого Священный Синод принял особое определение, посвященное злоупотреблениям в духовнической практике. Вы уже высказывались по поводу этого определения в «Независимой газете», отметив, что Священный Синод лишь напомнил о том, что всегда было учением Церкви и что должно быть известно каждому священнику. И все же, почему именно сейчас возникла необходимость в таком напоминании?

— Я думаю, что возникновение проблем в области духовничества — это закономерное явление в жизни нашей Церкви и нашего общества. Сейчас открылось очень много новых общин, храмов, мужских и женских монастырей. Опытных священников не хватает, тогда как человек всегда хочет видеть в священнике

именно опытного духовного отца, способного дать добрый совет, а не только требоисполнителя.

Возьмем в качестве примеров преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского, оптинских старцев. Очень интересно, как они готовили себя к духовничеству. Преподобный Серафим молился 1000 дней и ночей в одиночестве на камне, преподобный Сергей ушел на гору Маковец, и только спустя несколько лет вокруг него стала собираться братия, преподобные оптинские старцы тоже сначала уходили в затвор, а потом уже начинали духовно окормлять народ. Суть затвора в том, что в это время человек полностью соединялся с Богом, он молился, размышлял о своей жизни, просил о прощении своих грехов, которые каждый из них имел как человек, живущий на земле. И только потом, когда они очищали свои души и становились жилищами Святого Духа, они выходили к народу, имея дар прозорливости и видения человека во всей его полноте. Только тогда они могли оценить человека и дать ему те или иные советы или епитимьи за грехи. Теперь этот духовный опыт, к сожалению, в значительной степени утерян.

Жизнь очень резко затребовала от нашей Церкви ответов на насущные вопросы. К сожалению, представители нового поколения священнослужителей, зачастую сами не разобравшись в своей душе, не наведя порядок в своей жизни, берут за основу не совсем те принципы святости, которыми руководствовались великие подвижники Церкви. Считая себя очень опытными, такие священники приносят в церковь дух времени.

Святейший Патриарх постоянно подчеркивает опасность младостарчества. Это понятие связано не с возрастом священника, а с его неопытностью. Будучи духовно младенцем, человек начинает считать себя старцем и губить души, давая людям советы не только в духовной, но зачастую и в практической жизни. Между тем, вопросы, связанные с практической жизнью, часто вовсе не относятся к компетенции духовника. Только прозорливые старцы могли советовать в таких случаях. Преподобный Серафим, например, оставил у себя на несколько дней приехавшего к нему купца, у которого из-за промедления могла не состояться сделка. Но, как впоследствии выяснилось, тем самым спас его от смерти.

Есть у нас и сейчас хорошие духовники и прозорливые старцы, но их единицы. Каждому из нас надо подходить к во-

просу духовничества со смирением, очень осторожно. Ведь чтобы целить больного, нужно самому быть здоровым, чтобы увидеть сучок в глазе брата, надо сначала вынуть бревно из собственного глаза. Если священник с таким смирением будет подходить к вопросу духовного окормления, то тогда он сделает очень много хорошего и полезного. Если же вместо того, чтобы приводить людей к Богу, к Церкви, священник насаждает культ своей личности, то может случиться беда. Часто такой духовник считает себя выше епископа, по благословению которого он совершает все таинства.

Стала частой практика, когда священник принимает указы епископа, только посоветовавшись со своим духовником. Это показатель того, что в Церкви не все благополучно. Нужно очень много трудиться, чтобы исправить ситуацию. Во-первых, опытные духовники должны объяснять людям, которые кажутся себе святыми, что они находятся в состоянии духовной прелести. Я бы хотел, чтобы каждый из нас, каким бы святым или популярным проповедником или духовником он ни был, думал о себе как о человеке, который сам нуждается в исцелении грехов, в наставлениях, в советах. При этом мы постоянно подчеркиваем, что роль епископа в нашей Церкви несомненно выше, чем роль духовника. По всем спорным вопросам высшей инстанцией является не духовник, а епископ.

— *А в какой степени духовник вообще полномочен требовать от своих духовных чад беспрекословного послушания?*

— Нельзя смешивать понятия духовничества и старчества. В наше время очень хорошая древняя традиция, к сожалению, получила болезненное развитие. В Оптиной пустыни, в других известных монастырях существовала эта традиция. Насельник монастыря каждый день приходил к старцу и открывал ему все свои помыслы. Старец давал ему совет, потому что он как духовно опытный человек видел, к чему может привести тот или иной помысел.

Что же происходит сейчас? Молодые, а то и пожилые священники, искажая древнюю монастырскую практику, начинают заниматься духовничеством по своему произволу, требуют себе беспрекословного послушания. Сначала у них бывает достаточно много приверженцев, а потом они остаются одни, потому что

народ видит, что странные советы, которые дает такой батюшка, часто идут вразрез с объективными обстоятельствами жизни человека. Ведь духовник очень многое может: он может консолидировать какие-то общественные силы, и наоборот; может создать, а может и разрушить семью.

Перед декабрьским постановлением было сделано заявление Синода, в котором подчеркивалась святость семейных отношений. Это делалось в связи с участвовавшими случаями ухода в монастырь супругов по распоряжению их духовника. Это вещи недопустимые. Духовник не может или одному, или обоим супругам благословить уход в монастырь и требовать развода. Брак законен, признан обществом и Церковью, даже если и не освящен ею, на это я хотел бы обратить особое внимание. Некоторые так называемые младостарцы требуют развода, если один из супругов не желает венчаться. Семья в таком случае распадается, все заканчивается трагедией. Иногда духовники требуют переезда из одного города в другой с продажей имущества, что также недопустимо.

К Церкви подобного рода вопросы никакого отношения не имеют, к духовному состоянию человека — тоже. Это сфера, которой духовник не должен заниматься. Он должен лечить духовные раны людей, исправлять все с любовью, не отвращая от Христа, от Церкви. Человек должен увидеть всю глубину греховности своей жизни, но при этом не отчаиваться, а увидеть, что к нему протянута рука для спасения, что если он пойдет по тропе церковной жизни, то жизнь станет для него гораздо легче и счастливее. Вот в чем смысл духовничества — облегчить жизнь человека, избавить его от греха, быть свидетелем покаяния и направить его на путь истинный, но не вмешиваться в семейную жизнь человека.

— В практике налицо повышенный интерес к различным аспектам семейной жизни. Одни, например, могут на исповеди начать расспрашивать о деталях брачных взаимоотношений. Насколько правомочен духовник вмешиваться в такие вопросы? И что делать человеку, который, к своему несчастью, попал к такому духовнику, оказался на такой исповеди — исповеди, которую Святейший Патриарх справедливо назвал истязанием. Выходя от такой исповеди, то человек не чувствует духовного

«Смысл духовничества — облегчить жизнь человека»

очищения, он чувствует себя оплеванным, униженным. Многие даже покидают Церковь.

— Во-первых, не нужно покидать Церковь. Нужно пойти к опытному священнику и посоветоваться. Опытные духовники хорошо знают людей. Надо пойти к ним, все рассказать и постараться забыть о том моральном уроне, который нанесен таким лжедуховником. Конечно, не дело духовника копаться в интимной жизни кающегося грешника. Это настолько интимная и святая для человека тема, что ее вообще нельзя касаться. Человек, возможно, давно проклинает себя за совершенные некогда плотские грехи, а лжедуховник возбуждает в нем страсть и достигает обратного — человек опять впадает в тот же грех. Таких лжедуховников надо опасаться.

Если кто-то расспрашивает вас о подробностях вашей интимной жизни, то вам нужно расстаться с таким духовником, потому что, может быть, он психически нездоров, не видит наносимого им духовного вреда, не видит целостности человека. Нужно каяться в грехе, а не в том, каким образом он совершен. Когда священноначалие узнает о такого рода духовниках, то всегда пытается воздействовать на них с тем, чтобы они одумались, отрезвились. Но часто бывает и так, что излишне подробная исповедь у определенной части людей вызывает одобрение. Человеку иногда хочется выговориться, очиститься от греха, рассказав все до мельчайших подробностей. Это ложное представление о грехе и о покаянии. Сам духовник должен остановить человека, если он кается в чем-то слишком подробно.

— А Вам как управляющему делами Московской Патриархии приходится разбирать жалобы на подобного рода действия со стороны духовников?

— Да, конечно. Мы не раз восстанавливали семьи, прося епископа вмешаться в подобного рода ситуации, когда уходят в монастырь, оставляя детей или больных родственников, или же, в ситуации, связанной с деятельностью лжедуховников. Слава Богу, все это удается как-то улаживать.

— То есть Вы подобного рода жалобы, как правило, адресуете местному епископу?

— Это компетенция местного епископа. Он должен хорошо знать и следить за духовной жизнью не только на приходах, но и в монастырях. Он должен знать, кто из духовников пользуется популярностью, должен следить, какими средствами он пользуется для лечения духовных чад. Бывают вещи потрясающие. Не буду называть конкретную епархию, но недавно поступило письмо от жены одного священника. Она покаялась на исповеди в каком-то грехе, это стало достоянием гласности и обсуждалось в священнической среде этой епархии. Это недопустимо. Тайна исповеди неприкосновенна: все, что говорит человек на исповеди, должно быть забыто вместе с разрешительной молитвой и совершившим грех, и принявшим покаяние.

— Приходится ли Вам, Владыко, разбирать такие ситуации, когда клирики какой-либо епархии оказываются в конфликте со своим епископом. Ведь у нас много говорилось о необходимости возрождения церковного суда, но церковного судопроизводства у нас не существует. Что Вы делаете, например, с письмом, которое приходит на Ваше имя или на имя Святейшего Патриарха от клирика, который подвергся незаслуженному, с его точки зрения, наказанию или прещению от епископа? Вы рассматриваете это письмо лично, или представляете на суд Патриарха, или переадресовываете обратно епархиальному архиерею, или же создаете специальную комиссию по расследованию?

— Это зависит от содержания жалобы. Если жалоба серьезная, то, конечно, Святейший Патриарх ее рассматривает сам. Если я чувствую, что вопрос можно уладить самому, так как Патриарх очень занят и всего охватить не может, то я ему докладываю суть вопроса и спрашиваю его благословения на то, чтобы решить этот вопрос лично. Потом я, как правило, звоню епархиальному архиерею и так, между прочим, спрашиваю о конкретном приходе. Он дает мне какую-то справку.

Часто епископ оказывается прав. Это не потому что мы защищаем епископов. Но нередко бывает так, что священник, переведенный епископом на другой приход, обращается к Патриарху или в Синод, чернит епископа, представляя себя святым, а потом выясняется, что у него одежда темноватого цвета. Жаль, что епископ в таком случае не всегда решается приехать в общину и рассказать обо всем откровенно, побеседовать с прихо-

жанами, объяснить, каким был тот или иной священник и что побудило епископа перевести его на другой приход.

Сейчас бывают разные искушения. Священник, которому нужно восстанавливать храм, подчас становится добычей нечестных, недостойных людей. Иногда криминальные структуры проявляют интерес к его деятельности, и он начинает использовать их для святого дела. Мы должны твердо знать, что такое понятие, как «деньги не пахнут», для Церкви не подходит. Лучше год-два повременить, но чтобы все было хорошо и по справедливости, чем прибегать к помощи криминальных структур.

Таким образом, разные бывают случаи. Когда на епископа поступают коллективные жалобы, тогда выезжает комиссия, которая изучает этот вопрос на месте. Комиссия встречается со всеми сторонами конфликта и потом делает свои выводы. Затем эти выводы вместе с материалами, которых обычно комиссия привозит очень большое количество, докладываются на Синоде. Синод рассматривает эти материалы и выносит решение о степени виновности епископа или священника.

— Владыко, Вам наверняка приходится посещать духовные школы. Наверное, многие проблемы, возникающие во взаимоотношениях между пастырем и прихожанами в наших храмах, в частности, те, о которых говорилось в декабрьском определении Синода, коренятся в недостатках существующей ныне системы духовного образования. Ведь именно там, в духовных семинариях и академиях, будущие пастыри получают то мировоззрение, которое потом несут в массы. Каковы, на Ваш взгляд, основные недостатки нынешней системы духовного образования, и какие меры необходимы для их устранения в контексте предполагаемой реформы духовных школ?

— На этот вопрос не так легко ответить. На мой взгляд, сейчас духовные школы не отвечают запросам жизни. Приходят совершенно разные люди, с разными убеждениями и образованием. У нас не продумано, как их всех вовлечь в процесс образования, чтобы всем было интересно учиться — и молодым людям, которые с молоком матери впитали Православие, и тем, которые пришли ко Христу совсем недавно, желая стать священнослужителями, но не представляют себе сложностей обра-

зовательного процесса в духовных школах. Им часто становится скучно и неинтересно.

Поставлен вопрос реформы духовного образования. Она осуществляется очень медленно, потому что духовная школа, с моей точки зрения, не была готова к возможностям, открывшимся в результате политических изменений в нашей стране. Мы идем по накатанному в советский период пути, когда многое запрещалось. В свое время нам хотелось что-то изучать, но нам не давали, говоря, что слишком образованные священники не нужны. А сейчас есть все возможности повысить уровень духовного образования. Мне кажется, есть некоторая косность в том, что, духовная школа не может быстро перестроиться и ввести те дисциплины, те программы, которые отвечали бы запросам всех учащихся. Если бы предмет преподавался на соответствующем уровне, то его было бы интересно изучать. Я помню, когда я учился в академии, запрещали изучать новейшую историю Католической Церкви, и даже Православных Церквей. Это изучалось только в аспирантуре, а сейчас изучается в семинарии.

У меня есть пожелание к нынешним духовным школам. Мне хотелось бы, чтобы преподаватели, профессора наших духовных школ совместно работали над будущим нашей богословской науки, которая должна развиваться. Эта мысль должна работать, должна пробиваться, должен найтись ученый, который бы ее воспринял, развил, тем самым обогатив нашу духовность. Нужно изучать таких наших философов, как, например, отец Сергей Булгаков. Вот та богословская традиция, которая должна быть продолжена.

— Вы имеете в виду традицию русской богословской школы, которая продолжалась в эмиграции, в частности, в Свято-Сергиевском институте в Париже?

— Да, в Париже в свое время были сосредоточены мощные богословские силы. Я не говорю о современном Свято-Сергиевском институте, а о 30-х — 50-х годах, о богословах, труды которых можно и нужно сейчас свободно изучать. Когда я учился, для нас они были недоступны. Только когда я выехал на работу за границу и столкнулся с этим богословским наследием, я смог оценить его по достоинству. Труды парижской школы — это, с

моей точки зрения, развитие принципов нашей дореволюционной русской богословской школы. Это очень хороший пример, который должен быть нами воспринят. Очень интересно, что после революции, когда здесь, в России, все рушилось, там мы обнаруживаем всплеск богословской мысли. Я желаю, чтобы наши духовные школы начали жить столь же активной духовной жизнью.

— Благодарю Вас, Владыко, за беседу. Есть ли у Вас какие-либо пожелания читателям нашего журнала?

— Мне нравится ваш журнал. Он очень соответствует своему названию — представляет жизнь Церкви в современном мире. Мне хотелось бы, чтобы мы сейчас в наше нелегкое время прониклись созидательной силой. Чтобы эта созидательная сила дала нам возможность творить, любить, делать добрые дела, чтобы и наше государство благодаря нравственным, духовным позициям своих граждан обрело духовный стержень. Чем больше в нашей стране будет людей верующих, православно образованных, духовных, целостных, тем здоровее будет наше общество. Все кризисы, по моему глубокому убеждению, будут преодолены, если мы преодолеем духовный кризис.

«БЕРЕГИТЕСЬ, БРАТЬЯ МОИ, СВЯЩЕННИКИ!»

**Беседа митрополита Сурожского Антония
с корреспондентом журнала «Церковь и время»**

— Владыко, как Вы оцениваете определение Священного Синода от 29 декабря 1998 года, посвященное «участившимся случаям злоупотреблений в духовнической практике, негативно сказывающимся на состоянии церковной жизни»?

— Значение этого документа трудно переоценить. Давно пора было такой документ написать. И главное, недостаточно удовлетворяться просто призывом к людям безответственным или греховно настроенным, или обезумевшим от своего «величия», связанного с саном, — надо принимать какие-то меры. Это определение совершенно справедливое и нужное, но я думаю, что за ним должны бы следовать действия. Духовники, которые своими поступками разрушают церковную жизнь, разрушают человеческие души или вносят соблазн в среду своих духовных чад, должны бы подвергнуться строгим дисциплинарным мерам. Некоторых следовало бы просто лишиться права исповедовать, оставив за ними только право совершать Божественную Литургию; никакого духовного руководства они не должны никому предлагать. В случае же нарушения такого правила они должны быть окончательно запрещены в служении, потому что здесь речь идет не о том, как духовник ведет свою работу, а о том, как он строит или разрушает чужие души.

Поэтому определение Синода своевременно и очень важно, хотя оно могло быть и более резким, но за ним должны следовать дисциплинарные меры по отношению ко всякому священнику или

«Берегитесь, братья мои, священники!»

епископу, который разрушает человеческие души, — каков бы ни был его уровень или сан. Речь не идет о том, чтобы он разрушал Церковь как таковую. Церковь — купина неопалимая, никто ее пламени не погасит; но люди могут погибнуть от таких духовников.

— *Определение Синода в церковных кругах окрестили «определением по младостарчеству». Хорошо известны Ваши высказывания об этом явлении. Какой смысл вкладываете Вы в это понятие? Имеется ли в виду молодой возраст или духовная незрелость пусть даже и весьма пожилого священнослужителя, претендующего на роль старца?*

— Конечно, речь не идет о том, чтобы различать между молодыми или старыми безумцами. Речь идет здесь о том, чтобы по возможности оценить духовную зрелость человека, его способность быть руководителем для человека. *Старец* — это не просто человек, который долго занимался пастырской работой и приобрел какой-то навык или опытность; *старец* в настоящем смысле — это нечто иное, это благодатное состояние. Старцев не «выделяют», старцы силой Святого Духа рождаются; и если говорить о том, что характеризует старца, то я скажу коротко и о том, каково место старчества по отношению к обычному священству.

Мне кажется, что есть в духовничестве три степени. Есть приходской священник, роль которого — совершать таинства Церкви. Он может не быть хорошим проповедником, он может не давать никаких советов на исповеди, он может ничем не проявлять себя в пастырском отношении. Достаточно того, что он совершает Божественную литургию, если только он помнит, что чудо Божественной литургии или других таинств совершается Господом. В Литургии ясно нам указано, что *Христос* является единственным Тайносовершителем и что только Дух Святой — та Божественная сила, которая может из обыкновенного хлеба и вина сотворить Тело и Кровь Христовы. Это надо помнить нам, священникам. Мы произносим слова, но действие совершается Христом и Святым Духом.

Мне вспоминается один молодой священник, который как-то, приступая к Литургии, вдруг почувствовал, что он не в состоянии

совершить это таинство, что ему слишком страшно, что он *не может* его совершить. Он сказал: «Господи, что мне делать?!» И в тот же момент почувствовал, как между ним и престолом Кто-то встал, так что ему пришлось отступить назад. И в течение всей Литургии он произносил слова, которые предписано священнику произносить, и знал, что Совершитель литургии — Сам Христос, Который стоял между престолом и им. Это должен бы если не испытать (потому что это чудо, которое не всякому дано), то по крайней мере понимать каждый священник. В молитве на Литургии священник говорит Христу: «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш»... Поэтому любой священник, если он благоговейный, чистый в своей жизни, если он устремлен к совершению своего христианского подвига и священнического служения, приемлем и может быть принят Церковью и людьми.

Но это не значит, что ему дано право или возможность руководить другими людьми. Рукоположение не дает человеку ни ума, ни учености, ни опытности, ни духовного возраста. Оно дает ему страшное право стоять перед престолом Божиим там, где только Христос имеет право стоять. Он в каком-то смысле икона, но он не должен воображать, будто он святыня. Я вспоминаю, как в Московской духовной академии, после моей беседы о священстве, один студент спросил: «Как же совместить то, что вы сказали о человеческой слабости священника, с тем, что нам говорят, что священник — это икона?» Я ему ответил (может быть, слишком резко): «А ты знаешь, что такое икона? Это доска с красками и линиями. И пока эта доска не освящена, она просто дерево и краски. Но даже после того как она освящена, она делается святыней для того, кто стоит перед ней, тем, что она включена в тайну церковной святости. И человек в ней может видеть икону в полном смысле слова, если только сумеет не линии и краски видеть, а через них, как перед прозрачным стеклом, стоять перед ликом Христа Спасителя, Божией Матери». Это очень важно нам помнить: что икона в каком-то смысле должна стать для нас прозрачной, мы должны научиться стоять перед иконой и уже не икону видеть, а сознать присутствие Спасителя. Святой Иоанн Златоуст говорит в одном из своих писаний, что, когда ты хочешь помолиться, стань перед ико-

«Берегитесь, братья мои, священники!»

ной, закрой глаза и молись Богу... Казалось бы, почему *стать перед иконой* для того, чтобы закрыть глаза? Потому что только глазами веры, глазами духа мы можем войти в общение *сквозь* икону, даже не «через», а *сквозь* икону, со Христом, с Божией Матерью, с святыми, которые изображены на ней.

И вот молодой священник должен помнить, что да, он икона, но он только тогда станет в полном смысле иконой, а не намалеванной доской, когда благодатью Святого Духа через него будет светиться свет Христов, когда люди, глядя на него, уже не будут его видеть, а будут *сквозь* него видеть Христа. Есть место в писаниях старца Силуана: он однажды смотрел, как исповедовал один из духовников Афонского монастыря, старик с длинной бородой и седыми волосами. И когда он молился над исповедующимся, Силуан вдруг его увидел как сияющего юношу, как Христа. Этот человек превратился в полном смысле слова в икону — на то время, которое было посвящено тайнодействию, совершаемому Христом и Духом Святым.

Это положение простого, нормального приходского священника. Сверх совершения таинств, он может говорить проповеди. Он может, с одной стороны, учиться у древних или у современных проповедников; он может, если он честен и не старается казаться людям больше, чем он есть, совершенно откровенно и искренне делиться с ними тем, что у него на душе, — не лирической болтовней, а тем, что ему было дано пережить, когда он читал Евангелие.

Я могу рассказать позорный случай из моей жизни о том, как я читал Евангелие на Литургии и чувствовал, что читаю эти слова, их понимаю, но до души моей они сейчас не доходят, они, как об стену, ударяются и отскакивают. Я подумал: как же я могу сказать проповедь?.. И когда пришло время для проповеди, я вышел и сказал примерно следующее: «Вот что со мной сегодня случилось. Я читал вслух Евангелие. Спаситель Христос со мной лично говорил, Он обращался ко мне со Своим словом, а единственное, что я мог Ему ответить, это: Твои слова до меня не доходят, они сегодня для меня пустой звук... Какой ужас!.. Но подумайте сами о себе (сказал я прихожанам): когда читается Евангелие в церкви или когда вы его читаете дома, можете ли вы сказать, что каждый раз слова

евангельские, слова, которые Спаситель Христос обращает лично к вам, ударяют в вашу душу, потрясают ее до глубин, зажигают в ней какой-то свет, новую жизнь вам дают? А если нет, то вы оказываетесь в том положении, в котором оказался я, только мое положение более страшное, потому что Христос меня поставил возвещать вам истину Его, а я сегодня не смог Его слов услышать. Простите меня, помолитесь обо мне и подумайте о себе. Аминь!» Вот проповедь, которую я тогда сказал, которая была правдой, искренностью; и я думаю, что люди были этим, с одной стороны, потрясены, а с другой стороны — чему-то научены. Я мог бы от ума, от какой-то небольшой начитанности им дать комментарий на этот отрывок Евангелия, но это было бы неправдой, это был бы «кимвал звучащий». Поэтому я думаю, что и молодой священник может делиться своим. Если он скажет то, что сам пережил во время чтения Евангелия, если он глубоко это воспринял, как бы ни были просты его слова, они дойдут.

Есть другая степень. Это священник опытнее или старше, который более научен и призван давать наставления другому человеку о том, как идти от земли на небо. И этот священник должен быть предельно осторожен. Знаете, когда вы уходите в горы, вы выбираете себе проводника, который ходил туда, куда вы хотите прийти, и живым вернулся оттуда, а не погиб на пути. Вот таков должен быть духовник в полном смысле этого слова. Он не должен говорить того, чего он опытно не пережил или чего он как-то своим нутром не знает. Мы приходим к духовнику с тем, чтобы встретить проводника до дверей Царства Божия. Но если он сам там не бывал, он нам ничего не может дать. Об этом должен задумываться каждый духовник, каждый священник, к которому приходят люди на исповедь. Можно ли сказать, что каждый священник имеет в себе способность каждому человеку сказать то, что ему нужно? Нет. Бывает так, что исповедующий священник или просто священник, к которому пришел человек на духовную беседу, слышит его, понимает то, что говорится, но ответа у него нет. В таком случае священник должен быть честен и сказать своему духовному чаду: «Все, что ты мне сказал, я понимаю, но ответа у меня для тебя нет. Я буду молиться о тебе. И ты молись, попроси Бога о

том, чтобы Он мне простил то, что по своей неопытности я не могу тебе и Ему послужить в этой встрече, но я тебе не могу сказать ничего». Я часто вспоминаю рассказ из жизни святого Амвросия Оптинского о том, как он отказался дать *от ума* ответ на духовные нужды двух людей, потому что на его молитву о просветлении Божия Матерь не отвечала.

Порой бывает иначе: ты слышишь беседу, исповедь или разговор, который с тобой ведет верующий, и у тебя нет такого ответа, который был бы только для него, как мы видим в Евангелии: Христос дает ответ одному человеку, а слушают разные люди. Одни воспринимают, потому что они на уровне того человека; другие не воспринимают, потому что им это все чуждо, качают головой и говорят друг другу: о чем же Он говорит? что за непонятные объяснения Он дает на непонятный вопрос?.. И вот бывает так, что мы слышим и понимаем, но у нас в опыте нет ответа, и озарением Святого Духа мы тоже не можем дать ответ, который шел бы прямо от Бога. Тогда мы можем сказать исповедующемуся: «У меня нет ответа, который обращен к тебе лично, но я тебе могу сказать, что в Евангелии или у Отцов я вычитал, что, как мне кажется, относится к тому, что ты говоришь», и процитировать слова Христа, слова того или иного святого.

Я помню один случай, который меня потряс. К нам в маленький храм в Париже ходил один священник, который не служил никогда, потому что он тяжело пьянствовал. Он приходил в храм с глубоким покаянием, с сердцем сокрушенным, и я его ставил в угол и становился перед ним с тем, чтобы, если он упадет, он упал бы на меня и никто этого не заметил. А потом, в какой-то момент во время немецкой оккупации, нашего приходского священника арестовали, и заменил его тот священник, который обычно не мог служить, потому что не был трезв. Тут он опомнился и стал служить; и служил со слезами, с глубиной, которая потрясала наши души. Я раз к нему пришел на исповедь, открыл ему свою душу, и он стоял рядом со мной и надо мною плакал — не пьяными слезами, а плакал слезами сострадания и понимания. Когда я кончил свою исповедь, он мне сказал: «Ты знаешь, что я за человек; я недостойн ни слышать твою исповедь, ни давать тебе совет. Но ты молод, у тебя вся

жизнь впереди, опомнись, не стань, каким я стал, и для этого я тебе скажу, что Христос тебе сказал бы в Евангелии...» И он мне процитировал несколько слов Спасителя Христа. Это была одна из самых потрясающих исповедей, которые я пережил. Этот человек дошел до дна в своем покаянии и из этих глубин мог родить во мне покаяние, мог дать совет, — совет, взятый из его собственной трагической жизни, но освященный словами и учением Христа. Это второй пример того, как можно исповедовать.

А есть еще третий уровень. Это старчество, уровень тех людей, которые, говоря образно, почти всю дорогу прошли до дверей Царства Небесного, может быть, не вошли в него, а может, допущены были в него, но были посланы обратно на землю, к нам, чтобы нас вести в это Царство. Вот это *старец*. Это человек, который весь путь прошел до глубин своей души, дошел до того места, где запечатлен образ Божий в нем, и который может говорить из этих глубин.

Но старцем самого себя не сделаешь, и, если можно так выразиться, старцами не рождаются. Это люди, которых коснется благодать Святого Духа и которые отзовутся на нее и будут верными, — верными тому, чему учит нас Христос, и верными тому, что говорит Дух Святой в их душах. Старцы — явление редкое. И когда речь идет о старчестве, о священстве, о «младостарчестве», мы должны помнить, что речь не идет о возрасте телесном, о том, седая ли у тебя борода или еще русые локоны, а о том, до какой глубины тебя увлек Святой Дух, чему ты научился и что ты можешь сказать. Причем старец не обязательно будет давать приказания, он может давать советы, он может давать указания, но должен хранить, беречь нашу свободу, потому что Бог не ищет себе рабов, а ищет Себе детей, братьев, сестер: *Я не называю вас больше рабами, потому что раб не знает воли Господина своего, а Я вам все сказал...* Это духовник должен помнить.

И поэтому каждый из нас, идущих по пути священства, должен постоянно ставить перед собой вопрос: где я стою? являюсь я просто священником — честным, добротным совершителем таинств, способным сказать доброе слово на проповеди, или являюсь человеком с большим опытом, который может поделиться уже и собст-

«Берегитесь, братья мои, священники!»

венным опытом и тем, что узнал от других людей? или в данную минуту — не обязательно все время, но в данную минуту — Дух Святой мне говорит: «Этому человеку скажи то-то»?

Я знаю такие случаи в жизни духовников нашего времени, когда человек исповедовался, духовник молился, слушал его исповедь и потом вместо ответа на то, о чем говорил исповедующийся, ему давал ответ на нескáзанное, на то, что ему Дух Святой открыл о человеке, — не о каких-то особенных грехах, а о тайне его души. Я это знаю из опыта нескольких людей, которые так приходили на исповедь, принося честное покаяние во всем том, что они знали о себе, и которым духовник отвечал на то, чего они о себе еще не знали. Поэтому искать старчества не надо, надо искать того, чтобы быть добросовестным совершителем таинств и человеком, который готов поделиться своей душой с исповедующимся или с приходящим к нему за советом, причем не красуясь, а просто делясь, как мы делимся с другом.

Надо еще помнить, что на исповеди священник — не судья. В коротком обращении, которое священник произносит в начале исповеди, говорится: «Не уса́мись передо мной, я только свидетель, ты говоришь со Христом»...

Но почему нужен свидетель? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить значение слова «свидетель». У этого слова по крайней мере три значения. Представьте себе: вы идете по улице и вдруг видите драку. Подходит полиция и спрашивает: «Что вы видели?» Вам совершенно все равно, кто прав, кто виноват, вы просто говорите полицейскому то, что видели. Вы не защищаете одного, не клеймите другого, вы только описываете то, что видели ваши глаза или слышали ваши уши.

Есть другое состояние свидетеля — на суде свидетель *за* подсудимого или *против* него: он сделал выбор.

Но есть и свидетель совершенно иного рода — это тот самый близкий нам человек, которого мы приглашаем быть свидетелем на нашем браке, свидетелем при самых таинственных и таинственных случаях нашей жизни, свидетель, которого мы хотим иметь с собой, когда самое дивное или самое страшное совершается с нами. Вот таковым является священник. Он — как друг жениха, который

приводит жениха к невесте или невесту к жениху. Он *друг Жениха* в том смысле, что он присутствует на тайне встречи Бога и кающегося человека. Это самое дивное, что можно себе представить. Бог его приглашает присутствовать при этой глубинной встрече, при этом браке живой души с Живым Богом. И с каким же чувством должен стоять священник! Как он должен понимать, что он только свидетель, — не в том смысле, что он сторонний человек, которому дано видеть что-то, но что он приглашен участвовать в этой тайне брачной встречи... И раз так, то он должен понимать, что встреча происходит между Спасителем и кающимся, что сам он, друг Жениха, приводит кающегося, как невесту, и стоит в изумлении, в благоговении перед этой тайной. Если бы самый неопытный священник так относился к исповеди, то он был бы уже тайносовершителем; а старец только тогда старец, когда он именно так может относиться к человеку — и на исповеди и вне исповеди при всякой встрече.

Я старался ответить на вопрос о том, чем отличается старец от обыкновенного духовника, и *так* мне хотелось бы сказать громко, на всю Русь: *Берегитесь, братья мои, священники!* Берегитесь, не принимайте на себя роль, которая не соответствует вашему духовному возрасту, будьте просты! Будьте просто священниками — это уже так много! Человек, который силой благодати Святого Духа может совершить Литургию, может окрестить ребенка, может помазать миром, это не мало, это нечто столь великое!

И надо всегда в этом отношении искать смирения. Не в том смысле, что — «ах, я ничто, я не достоин»... Это все слова; а смирение заключается в том, чтобы *смотреть* на то, что совершается между Богом и человеком, и понимать, что ты тут ни при чем, что ты не можешь этого создать, что ты не можешь этого сделать и что тебе только дано в трепете, в ужасе, в благоговении присутствовать при этом чуде. Вот здесь начинается, только *начинается* смирение священника. Что такое смирение — мы не знаем. Те, кто им обладает, его не определяют, а те, у кого его нет, путают смирение с другими переживаниями. Смирение — это такая открытость Богу, такое изумление, такое умиление... И вот если священник в себе воспитывает по отношению не только к Богу, но к каждому челове-

ку, который приходит к нему, такое состояние, то он может стать духовником. Потому что тогда он о себе и помнить не будет, поскольку весь охвачен благоговейным трепетом, любовью, ужасом, ликованием, и во всем этом нет никакого места для того, чтобы он о себе вспомнил; нет уже места ни тщеславию, ни гордыне, ни учености, ничему. Ибо это — тайна любви.

— *Давайте обратимся к конкретным случаям, упомянутым в определении Синода от декабря 1999 года. Нередко случается такое: духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. В подобной ситуации иногда оказываются выпускники духовных школ, перед которыми стоит выбор: либо вступить в брак, либо стать монахами. Будучи не в силах принять собственное решение, они едут за советом к старцу, и тот говорит им что-то вроде: «Монашество — твой путь; благословляю на постриг».*

— Мне кажется, что такое положение настолько уродливо и возмутительно, что надо принимать самые строгие меры к тому, чтобы такое не могло случиться. Потому что и монашество, и брак требуют свободы и зрелости. Свобода, по определению Хомякова, это то состояние, когда человек является полностью *самим собой*; не жалким изображением того, что он думает о себе или чем — ему кажется — он должен бы быть, а в полном смысле *самим собой*. Поэтому если человек не знает, принимать ли ему монашество или идти на брак, это значит, что он ни к тому, ни к другому не готов, ни для того, ни для другого не созрел. Я понимаю, что из практических соображений академия и семинария хотят, чтобы выпускники поскорее делались священниками, и поэтому наталкивают их на монашество или на брак. Я помню один случай, когда духовник поставил молодому выпускнику ультиматум: в течение одной недели найти себе невесту и жениться, потому что он хочет представить его к рукоположению. Это ужас, это преступление. Человеку надо дать время и возможность созреть.

Кроме того, это преступление против невесты и против самого молодого человека, который станет священником, потому что на

брак надо идти с глубокой подготовкой. Связывать жениха и невесту должна глубокая любовь, благоговейная любовь, такая любовь, которая человеку говорит, что он всю жизнь готов отдать на то, чтобы жить с этим человеком, что в этом его радость, но тоже его *восполнение*. В идеале в брак надо вступать тогда, когда мы можем сказать, как Адам сказал о Еве: *это плоть от плоти моей, это кость от костей моих*, это «другое я», *alter ego*, и так же может невеста посмотреть на жениха. Один из древних отцов говорит: изначально Адам и Ева были одно, едины; и только после падения, когда разбилась чета, один стал *его*, а другой *alter*: кто-то стал «я», а кто-то «он» (или «она»). И надо учить будущих священников тому, что такое брак: что он не ниже монашества, что это таинственный путь, что это образ Христа и Церкви, что это в пределах падшего мира как бы восстановление райского единства постольку, поскольку оно может быть осуществлено в том мире, в котором мы живем. А сказать человеку: «Женись, найди себе невесту, потому что ты мне священником нужен» — это преступление.

То же самое можно сказать и о монашестве. Множество молодых людей, которые принимают монашество для того, чтобы стать священниками, монахами не делаются; они делаются незрелыми безбрачниками. Они безбрачны, потому что брак не совершился, потому что они не созрели для любви или не созрели для того чтобы сказать: да, я ее люблю, люблю глубоко, люблю чисто, люблю так, что могу перед Богом стоять с ней; но я хочу быть *только* с Богом. В этом падшем мире я не могу по своей слабости, по своей сломанности разделиться. Нет, я хочу быть только с Богом. Но для этого надо созреть.

Всякий юноша в какой-то момент своей жизни может это сказать по неведению, по непониманию, потому что он еще не знает, что значит кого-то полюбить. И надо требовать долгой подготовки для монашества, не формальной подготовки, не дрессировки, а созревания: может ли этот человек жить с Богом, и только с Богом, и изнутри этого общения с Богом совершать свое дело, или нет?.. С практической точки зрения это значит, что многие студенты не будут рукоположены по окончании курса, но они в свое время вырастут в полную меру своего человечества. А иначе слишком часто

«Берегитесь, братья мои, священники!»

священники, монахи ли они или женаты, остаются недорослями, благочестивыми, чистыми жизнью, но недорослями в том смысле, что в них две-три струнки звучат, а не весь орган.

Я употребляю этот пример, потому что мне вспоминается один замечательный дьякон, замечательный он был именно по своему духовному свойству. Он родился до революции в нищенской деревне; пяти лет его отдали в монастырь, потому что нечем было кормить дома, и с тех пор до 85-летнего возраста он каждый день участвовал во всех службах. Как-то я с ним на клиросе был. Он пел старческим разбитым голосом, а я читал часть богослужения. И он пел и читал с такой искрометной быстротой, что я не мог даже глазами уследить по книге, что он читает. И когда он кончил, я ему сказал: «Отче, сегодня вы у меня украли всю службу своим быстрым чтением и пением; а что хуже — вы ее, наверное, украли у себя, потому что вы не могли следить за словами, которые вы произносите с такой быстротой». Он расплакался: «Прости меня! Прости меня! Я не подумал о тебе. Но знаешь, я эти песнопения и слова с пятилетнего возраста повторяю каждый день, и теперь мне достаточно взглянуть на книгу, я узнаю слово, и тут словно божественная рука касается струн в моей душе, и вся моя душа, как арфа, поет. Я могу переходить глазами от слова к слову, потому что они запечатлелись в моей душе так, что они поют сами без того, чтобы я в этом участвовал». Как мне было стыдно!.. И как важно, чтобы, когда мы готовим священника, мы его готовили к тому, чтобы он *так* мог принимать участие в богослужении, чтобы он *так* мог относиться к людям, которые вокруг него, слова которых, личность которых, покаяние которых, счастье которых должно бы в священнике родить вот это чудо поющей арфы. Но для этого нужна зрелость. И тут, конечно, практическая проблема для духовной школы. Я не хочу сказать, что мы можем рукополагать только людей, дошедших до полной зрелости. Но мы не можем принуждать людей вступать в путь, о котором они никакого понятия не имеют.

А молодых людей и девушек надо учить тому, чтобы они ходили за советом, но не за указкой, чтобы они пошли к человеку, в котором видят опытность, глубину, с кем они могут поговорить, кому они могут открыть свою душу, чтобы он им помог разобраться

в себе самих. Но не к человеку, который с высоты своей гордыни или слепоты им даст приказ, за который *они* будут расплачиваться в течение всей своей жизни. Да, если считать, что и несовершенный или уродливый брак является как бы мученичеством, который ты несешь ради Христа, можно так повернуть вопрос. Но нам нужны люди расцветшие, люди живые до глубин, которые могут в других родить *жизнь*; и *это* — роль священника и роль монаха. Но священник и монах могут это сделать, только если они сами живы, а не являются окаменелостью, мертвым уставом.

Хочу прибавить еще нечто по поводу положения, когда духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. Надо было бы очень вдумчиво разобрать этот вопрос. Вдумчиво, потому что идеальное монашество и реальный брак, конечно, несравнимы друг со другом. Человек, который принимает монашество, потому что вся его душа, вся его жизнь, и ум, и тело, и воля принадлежат Единому Богу, и только Ему, конечно, выбирает *путь совершенный*. Но когда мы говорим о монашестве, каким мы его видим на самом деле: множество монахов, которые собираются в монастырях, живут благочестивой и чистой жизнью, борются за спасение души, это еще не значит, что они достигли того единства с Богом, которое выше всякого такого единства, которое рождается посредством земной любви, — не привязанности, а именно любви.

В этом отношении есть замечательный отрывок в жизни святого Макария Великого. Он молился о том, чтобы ему было открыто, есть ли кто-нибудь, кто его может научить большому совершенству, чем то, которому он научился в пустыне. Ему было велено пойти в соседний город, разыскать одного ремесленника и узнать, как он живет. Макарий пошел. Оказалось, что ремесленник — простой рабочий, который живет с семьей и ничем особенным не выделяется. Макарий его начал спрашивать, какова их духовная жизнь. «Ну какая же духовная жизнь! — отвечает тот: — Работаю с утра до ночи, зарабатываю гроши, перебиваемся с женой и детьми, вот и вся наша жизнь». Макарий стал дальше расспрашивать. И оказалось, что этот человек за всю жизнь не сказал резкого слова жене, что они любят друг друга совершенно и полностью и составляют

«Берегитесь, братья мои, священники!»

одно целое. И святой Макарий вернулся в пустыню с мыслью о том, что он сам такой цельности, такого единства с Богом, какое этот человек явил через единство с женой (я не говорю — только «в единстве с женой», но «через него»), еще не достиг. Поэтому надо с осторожностью говорить о том, что один путь выше другого: не всякий шествующий одним путем духовно выше, чем тот, который идет другим путем.

А что касается до принуждения человека к постригу, то есть до внушения ему, что он должен выбрать самый высокий путь или что нет другого пути для него, если он хочет быть священником, это уже преступление. Человек должен, как я уже сказал, созреть и сделать выбор под внушением Святого Духа, а не просто формально, потому что монашеский путь является более интегральным, более цельным, чем брачный путь. Это бывает, но это не всегда так. Можно быть монахом очень — как бы сказать? — «разжиженным» образом. Можно быть человеком, который неспособен на брак и выбирает монашество; можно быть монахом, который исполняет все правила, но духом не может, не в состоянии «возлетать во области заочны». И тут духовник должен с большой осторожностью ставить вопросы, прислушиваться к *душе* человека и не принуждать его ни к чему, а ему помочь разобраться в себе самом так, чтобы он мог или принять решение не только свободно, но творчески, или решить переждать, пока он сам не созреет.

— *Что Вы можете сказать о так называемом «невенчанном» или гражданском браке, который некоторыми духовниками отождествляется с блудом?*

— То, что я скажу сейчас, вероятно, будет воспринято *этими* духовниками, а может быть, и многими другими как неправильное мнение. Если кто хочет узнать об истории того, как образовался наш церковный брак, я хочу его отослать к книге профессора С. Троицкого «Христианская философия брака» (она была переиздана в России). Там он указывает на целый ряд вещей, которые мы давным-давно забыли и к которым, может быть, надо было бы вернуться очень вдумчиво.

Первое — то, что апостол Павел не отрицает и не отвергает брака между верующим и неверующим. В одном из посланий он говорит: *муж неверный спасается женой верной*, и наоборот (и когда речь идет о «верности», здесь, конечно, говорится не о супружеской верности, а о вере в Бога, во Христа). В его время, когда муж или жена принадлежали к Церкви, а другой супруг не принадлежал ей, нехристианского супруга не принуждали принять крещение и затем так или иначе вступать в так называемый «христианский» брак. Брак сам по себе рассматривался с огромным уважением. Есть одно место, мне кажется, у святого Григория Богослова, где он говорит, что мир не мог бы существовать без таинств, то есть без таких божественных действий, которые пронизывают историю или личную жизнь людей, и что брак еще в Ветхом Завете и в язычестве являлся такой тайной, то есть таинством, через которое двое людей, которых грех разъединил, становятся едиными в Боге благодаря соединяющей их и превосходящей всякую рознь любви. Поэтому если мы можем принять, что в языческой древности, так же как в Ветхом Завете, брак является таинством, то есть таким действием Святого Духа, которое в наш падший мир вносит измерение вечной святости, то нам надо быть очень осторожными с определением гражданского брака как блуда или чего-то неправильного.

Второе: мы должны помнить, что в течение ряда столетий (если не ошибаюсь, девять столетий) в Византийской империи браки совершались гражданской властью. И только в какой-то момент император — не Церковь — решил, что браки будут совершаться Церковью, потому именно, что это действие, которое выносит двух людей из узких рамок государства в бесконечные просторы вечной жизни в Боге. И тогда опять-таки начался целый процесс, потому что Церковь не сразу начала составлять богослужение венчания. Вначале к церковному браку допускали только девственников. Эти девственники вступали в брак путем торжественного заявления перед общиной о том, что они любят друг друга вечной любовью и хотят быть едиными между собой, как Христос един с Церковью. И тогда они причащались вместе, но обряда никакого не было. Это заявление их воли, их решимости и совместное причащение и со-

ставляли брак. Позже Церковь развила богослужение, которое выражает собой церковное понимание о браке, и это богослужение мы сейчас употребляем.

Но мне кажется (и когда я говорю «мне кажется», фактически, я в этом глубоко убежден), мы не должны были бы венчать людей, которые не доросли ни до какого христианского понимания о браке. Если действительно апостол Павел говорит правду, что брак — это образ единства Христа с Церковью, то когда человек приходит, надо ставить вопрос: чего ты хочешь в браке? Я уже пятьдесят лет священствую и многих опрашивал.

Первый вопрос, который нужно ставить: что вас соединяет? Если люди до конца честны, они скажут: нас соединяет единство интересов и вкусов, нас соединяет взаимное желание друг с другом телесно соединиться, — я сейчас говорю не о блудном вожделении, а о том, что два человека, которые друг друга действительно любят, могут соединиться друг с другом, не нарушая целомудрия, которое необходимо и в браке. Люди также могут сказать: мы хотим брака, потому что хотим перед всем обществом заявить о своем единстве. Но это еще не христианский брак. Это любовь, которая соответствует тому, что я сказал в начале о таинстве брака до христианства. Христианский брак — таинство, где любовь человеческая раскрывает такие глубины и такую широту, которая принадлежит небу.

Другая категория людей хотела бы брака церковного, потому что принято считать, что не венчанные в церкви живут в блуде, и если они будут венчаны в церкви, то брак их совершенен. И это не всегда правда, потому что они не всегда стремятся к тому, чтобы их брак был живой иконой единства Христа и Церкви со всей глубиной, со всем размахом этого понятия. Ко мне приходят люди, которые хотят венчаться, и я их всегда подробно и внимательно опрашиваю, долго с ними говорю о том, что они видят в браке. И несколько раз — не часто — я им говорил: «Не венчайтесь в церкви. Вы хотите плотского брака — оставайтесь на этом уровне. Вы хотите душевного брака — оставайтесь на этом уровне. Вы хотите чего-то, что превосходит душевность и плоть — оставайтесь на этом уровне, но вы сейчас еще не доросли, не поняли ни умом, ни сердцем, что представляет собой брак, о котором говорит Церковь,

и что так ясно выражено в самой службе обручения и венчания». Два раза я отказывался венчать людей, потому что они были достаточно зрелы для того, чтобы понять этот отказ; они были достаточно зрелы, чтобы не подумать, будто я их считаю недостойными грешниками, а понять, что я им открываю путь в такие глубины, о которых они не имели понятия. И мы в течение нескольких лет работали с ними над развитием в них понимания того, что такое христианский брак; и одну чету я венчал после пяти лет, другую чету я венчал после пятнадцати лет, когда они жили чистым телесно-душевым браком, когда они были едины, но не перешли грань между человеческим и божественным, когда их брак был браком ветхозаветным или браком языческим в том смысле, в котором говорит о нем святой Григорий Богослов. И их брак, когда он, наконец, совершился в церкви, был действительно торжеством, в котором явлено было единство Христа и Церкви.

Поэтому я не считаю, что гражданский брак сам по себе является блудом. Если гражданский брак не имеет никаких корней в любви, во взаимном понимании, а является просто сожителем двух людей, которые хотят делить свою плотскую жизнь, это одно; это порой можно назвать блудом. Но то, что я сказал раньше, должно хотя бы навести на мысль о том, чем мог бы быть такой брак гражданский или даже не гражданский, а просто фактическое соединение двух людей, которые едины во всем, но еще не переросли своего человечества и не могут быть иконой единства Христа и Церкви.

И тут встает вопрос о том, правильно ли мы делаем, что всех венчаем только потому, что они крещены. Я тоже венчаю людей, и все наше духовенство венчает людей на этих началах. Но я продолжаю думать, что это ошибочно, что это не дает людям возможности заглянуть в глубины того, что брак собой представляет — через чинопоследование таинства Брака, через чтение из апостола Павла, и через учение Христа Спасителя — и вступить в брак такой, который уже соединяет небо и землю. Но гражданский брак, если он чист плотью и чист душевно, является таинством, потому что это соединение двух людей, которое превышает, которое уничтожает то разделение греха, которое сделало одного человека чу-

«Берегитесь, братья мои, священники!»

жим для другого. Они становятся друг другу своими, *alter ego* («другое я»), и через это уже как бы зачаточно приобщаются тайне единства в Боге.

— В определении Синода упоминается случай, когда духовник принуждает к вступлению в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем. Как Вы относитесь к подобной практике? Насколько вообще правомочен духовник вмешиваться в решение таких вопросов?

— Я скажу: абсолютно неправомочен, никакого права он не имеет определять в такой мере и в такой форме будущее двух людей. Вообще, вступить в брак по принуждению, так же как принять монашество по послушанию, безумно и грешно; и грех, конечно, лежит на том священнике, который накладывает такую невыносимую ношу на того, кто принимает монашество, или на тех, кто вступит в брак. Это недопустимо. Духовник должен приготавливать чету, научить их тому, что представляет собой брачная любовь, брачное целомудрие, брачная чистота, брачное единство душевно-телесное, и когда они готовы, их венчать. Причем не он должен выбирать жениха или невесту для другого лица.

Мне известны случаи, когда духовник приказывал вступить двум людям в брак между собой, что потом оказывалось катастрофой. Дело пастыря — вглядываться в своих пасомых, вглядываться молитвенно, вглядываться смиренно и им помочь стать тем, чем стать они призваны Богом. Я знаю несколько случаев, когда духовник или кликуша-«старица» разорвали узы любви, которые уже существовали между юношей и девушкой, принудили их венчаться с другими людьми, потом случилась катастрофа, они граждански развелись; и эта же кликуша их пыталась соединить еще с другими возможными мужьями и женами.

Это безумие и это преступление; и Церковь должна была бы реагировать на все эти безумные преступления дисциплинарным образом. Такой духовник должен быть лишен права принимать подобные решения; если нужно, он должен быть запрещен в священнослужении. И во всех случаях, которые мне пришлось переживать

и в России, и вне России, когда такое совершается, Церковь должна поступить со всей строгостью.

На это мне раз ответили, что если так поступить и запретить такого-то священника, то несколько сот людей уйдут от Церкви. Они от Церкви не уйдут, они уйдут от *лжецеркви*, и это надо принимать в расчет. И вопрос не в количестве, а в том, чем эти люди являются. Если они являются только духовными детьми *этого* священника, этого лжедуховника, то они Церкви, в сущности, не принадлежат, они уже отпали, они стали боготворить идола, отдались в культ его личности, и этот идол должен быть снят. Простите резкость моих выражений, но я с большой болью это все переживаю, потому что до меня не только слухи доходят, а приезжают люди из России с такими вопросами; и когда я сам бываю в России, многие ставят передо мной именно эти вопросы. Я не могу их решать, потому что у меня ограниченное право решения, но порой я им даю советы самые определенные, какие я сейчас изложил.

— *Некоторые монашествующие духовники практикуют так называемое отчитывание, включающее в себя чтение специальных молитв для изгнание бесов. Нередко к таким духовникам обращаются люди, страдающие психическими болезнями, надеясь, что «отчитка» им поможет. Публикуется немало литературы о власти дьявола и бесов. В одной из таких брошюр сказано, что коль скоро бес вошел в человека, он уже навсегда обладает им, и только отчитывание может ему помочь. Что на это сказать?*

— Во-первых, я скажу, что не всякая душевная болезнь является плодом одержимости. У меня был очень яркий пример. Был в Париже иконописец, который вдруг помешался умом, ему чудились разные вещи. Его родные не хотели его раздражать, и когда он говорил: «Вы разве не чувствуете запах серы?» — принохивались, соглашались с ним и от этого только углубляли в нем сознание, что так оно и есть. Потом ему стало хуже. Его начали отчитывать, мазать елеем, соборовать, причащать чаще. Он все равно не поправлялся. Я тогда был врачом и работал в психиатрической клинике, и ко мне обратился мой духовник, отец Афанасий, с вопросом: что с

ним делать? Он или одержим или сумасшедший; как поступить? Я сказал: «Отдайте его нам в клинику, мы его будем лечить электрошоком». Отец Афанасий меня переспросил: «А если это бесовское наваждение?» Я тогда ответил (может быть, грубо): «Электрический ток бесу вреда не принесет, а человека может спасти». И мы его взяли в больницу, лечили, и он вылез. Но что замечательно: с ним случилось нечто непонятное. Он был хорошим иконописцем, но что-то в его иконах было странное, напряженное. Я перед одной из его икон несколько лет стоял и всегда чувствовал в этой иконе что-то «не то». Когда он вышел из психиатрической больницы, он начал писать иконы зрелые, глубокие, совершенно иные.

Мне потом пришлось прочесть в «Записях» отца Александра Ельчанинова место, где он говорит, что бывают души настолько хрупкие, что мир их мог бы разбить, и Бог на время кладет между ними и миром пелену сумасшествия с тем, чтобы они могли внутренне созреть и окрепнуть, раньше чем встретиться с этим миром. Это и случилось с нашим другом-иконописцем.

Поэтому я скажу: делайте все, что возможно с человеческой точки зрения, с точки зрения лекарств, лечения, психиатрической помощи, — и молитесь. Но молитесь не *над* человеком, а *за* него, чтобы не создавать в нем какого-то внутреннего напряжения, которое сверх его сил. И придет время, когда, если это психическая болезнь, он выздоровеет; если же тут есть какая-нибудь «бесовщина», одержимость, то молитва Церкви может его освободить. Но не обязательно применять отчитывание. Отчитывание может большей частью только прибавить к внутреннему напряжению, внутренней растерянности, путанице, которая в человеке. Если он начнет верить, что он одержим, то может и не суметь вырваться из этой одержимости.

— По рукам православных верующих ходят брошюры, составленные как бы в помощь исповедующимся и содержащие перечень грехов. Среди упоминаемых там грехов (их может быть до двух тысяч) всевозможные извращения, о которых иные православные верующие даже и слыхом не слыхали. Насколько полезны или вредны подобного рода пособия?

— Я со всей определенностью и убеждением скажу, что подобные пособия вредны. Они должны бы быть запрещены, отняты у тех, у кого они есть, и совершенно иной подход должен быть предложен для подготовки к исповеди.

Первым делом я скажу, что никто не может прочесть две тысячи названий грехов и быть в состоянии себя определить среди них. Некоторые люди, приезжающие из России, приходят ко мне на исповедь со списками и начинают вычитывать. И каждый раз я их останавливаю и спрашиваю: «А вы знаете, что значит этот грех?» — «Нет, но он числится в списках, и так как я грешный человек, я его упоминаю»... Это не исповедь, это не только извращение, но оскорбление самого понятия исповеди, унижение исповеди.

Человек должен исповедовать *свои* грехи, это первое; он должен быть научен постепенно с большей тонкостью понимать свои душевные состояния, оценивать свои поступки и их исповедовать. Но исповедовать грехи, которые когда-то были просто записаны досужими монахами и вошли в списки, совершенно бессмысленно, это ничему людей не учит. Как принцип, человек должен научиться исповедовать *свои* грехи, а свои грехи — это те, которые он признает как таковые. Позже, когда он повзрослеет духовно, он найдет в себе еще другие грехи и основания исповедовать их. Поэтому мой совет был бы таков: чтобы человек стал перед своей совестью, перед лицом Божиим, перед судом своих друзей и знакомых, и поставил себе вопрос: что во мне недостойно ни меня самого, ни Бога, Которого я исповедую, ни общины, к которой я принадлежу, ни людей, которые меня считают своим другом? Человек должен все это продумать и знать: вот в этом я согрешил против самого себя, против тех людей, которые меня любят, против Бога, Который Свою жизнь отдал за меня, против Церкви, которую я уродую своими грехами, своей принадлежностью ей. И в этом смысле исповедь должна быть совершенно личной. Она неминуемо будет неполная, но она будет реальная. Она будет неполная в том смысле, что другой человек, более духовно зрелый или лучше наученный или более опытный найдет в себе, может быть, и другие грехи, но в данную минуту тот

человек, который исповедуется, должен исповедовать свои собственные грехи.

Второе, что я хотел бы сказать: часто духовники советуют читать Евангелие или Послания, или даже Ветхий Завет и отмечать все те указания на греховность, которые там есть, и ставить перед собой вопрос: греховен ли я в этом или нет? И делая это, люди проходят мимо самых светлых моментов в Священном Писании. Мой совет им бывает и остается таким: когда читаешь Священное Писание, отмечай все те изречения Спасителя, все указания Апостолов, все места в псалмах, на которые ты отзываешься или с радостью, или с болью. С радостью в том смысле: Боже, как это прекрасно! Вот каким я *хочу* быть!.. — или с горем: Да, я это понимаю, это дошло до моей души, и — увы! — я не таков... Вот если отметить те места, в которых наша душа узнает самое прекрасное, что Бог ей открывает о ней самой, и то, что открывается ей о греховности, тогда человек может исповедовать *реальные* грехи. Реальные грехи, относящиеся к тому, что вы в себе нашли созвучного в Евангелии, заключаются в том, что я это понимаю умом, я это воспринял сердцем, меня это взволновало до глубин души — и я так не поступаю. В этом я не только нарушаю заповедь, объективную заповедь Божию, но я поступаю против того, что уже во мне созрело, против того, что я уже познал об истине духовной жизни и жизни с Богом. Вот это и надо исповедовать. Также когда нас что-то поражает: ах, мне в голову не приходило, что это греховно, а я это делаю, или я об этом мечтаю, да, я понимаю теперь, что это грех, и я исповедую это. Вот в чем начало исповеди.

Потом можно искать в наставлениях Отцов Церкви или у духовника каких-нибудь других указаний, но исповедь должна быть всегда моя собственная. И нужно помнить, что ни одна исповедь не может быть исчерпывающей. Думать, что человек может исповедать все, что в нем есть, иллюзия, потому что человек может исповедать только то, что он видит, а мы все полуслепые в этом отношении.

Что же тогда делать? Исповедь и постепенное очищение души должно происходить так, как происходят археологические раскопки. В каком-то месте — мы знаем — был город. Собираются люди,

начинают снимать первый слой земли, и открывается вершина какого-нибудь здания: либо храма, либо капища, либо дома. В этот момент уже что-то видно. Дальше, по мере того как мы будем расчищать эту площадь от земли и разных наслоений, будет все больше и больше открываться, и каждый раз мы будем познавать больше. Так же и с исповедью. Мы должны начать с того, чтобы всмотреться хорошенько, вдуматься хорошенько в тот слой нашей души, который мы уже понимаем, о котором мы уже имеем ясное представление, и его представить Богу в покаянии и в благодарении. Затем, конечно, после того как этот слой очищен, открывается следующий. И так далее, до самых глубин души. Ожидать от человека, что он может исповедать глубинные грехи, о которых он еще не имеет понятия в своем духовном опыте, потому только, что они значатся в списке, бессмысленно. Конечно, всякий из нас может сказать: Отцы Церкви говорят, что то или другое греховно; ну, значит, я грешен, потому что я даже понятия не имел о том, что это плохо... Но не в этом дело. На исповеди человек должен предстать перед Богом во всей *своей* правде, а не в чужой правде. И поэтому такие списки только вредны.

А когда в этих списках еще значатся половые извращения, то рекомендовать подобные списки — просто преступление, совершаемое так называемым «духовником» против человека; потому что мы все знаем, как мысль вкрадывается в нас через слух, через зрение и как постепенно эта мысль охватывает наше воображение, как постепенно мы начинаем интересоваться этой мыслью и впадаем в искушение. Этого нельзя делать. Надо человеку дать возможность высказать то, что он знает о себе. А Церковь в лице священника, духовника, должна ему говорить не о половом грехе, а о целомудрии, о красоте его о души, о том, как он должен бережно относиться к своему телу и к телу другого человека — что другой человек является иконой и что к каждому человеку надо относиться соответственно, именно как к иконе, почитать, охранять; и так же относиться к своему телу. И если человека так учить относиться к своему телу и к чужому телу, тогда может вырасти настоящее целомудрие, — вырасти не от страха, не от того, что человек отвращается от всего для него привлекательного, а от желания в другом

«Берегитесь, братья мои, священники!»

человеке видеть икону и относиться как к святыне, и в своем теле тоже увидеть святыню, которую нельзя осквернять. Эта святыня является иконой Христа Спасителя — Бога воплотившегося. Как же можем мы относиться к ней иначе? Эта икона должна постепенно очиститься от всяких возможных наслоений, от изуродованности, которое постепенно было наложено на эту икону. Но это надо делать постепенно и именно относясь к своей плоти и к чужой плоти с благоговением.

Современные духовники слишком много говорят о грехах плоти и о том, что с ними надо бороться. Замечательную вещь сказал один из Отцов церкви, когда писал, что то, что мы называем грехами плоти, это те грехи, которые дух и душа наша совершают *против* плоти нашей. Плоть сама по себе безгрешна, она является жертвой греховности нашей души. И если мы больше думали бы о своем теле и о чужом теле именно так, то могли бы относиться к телесности с благоговением и побеждать искушения не ради возможного наказания, а ради той красоты, которую Бог видит в нас. Он ведь смог стать человеком, принять плоть, настоящую человеческую плоть. Нам дана плоть, которая сама по себе не греховна, но в которую наше вожелание, наше воображение вносит греховность.

— *Некоторые духовники предъявляют высокие аскетические требования исповедующимся, в том числе и детям, настаивая, в частности, на соблюдении строгого поста в течение нескольких дней перед причастием. В один из московских монастырей воспитательница детского дома привела к причастию группу детей-сирот. Настоятель монастыря спросил, соблюдали ли дети пост в течение трех дней перед этим; когда выяснилось, что нет, он не допустил к причастию никого из них. При этом он сказал: «Запомните, дети: у Бога ничего просто так не бывает».*

— Я думаю, что он поступил не право. Я думаю, что Бог этих детей принял бы с любовью: ведь они нарушили церковное правило, о котором не имели понятия. Они не были принуждены его исполнить, потому что воспитательница, вероятно, хотела, чтобы они

пришли к Богу с радостью, а не с чувством, что к Богу можно приходить только с натугой, что нельзя к Нему *просто так* прийти. Представьте себе: мать сидит в своей комнате с открытой дверью. Она одета в белое платье, на дворе весна. Ее маленький мальчик играет в саду. Он играет в песке, играет в траве, весь запачкался. И вдруг вспомнил о маме, не головой вспомнил, а сердце его вспомнило о маме, и у него родился порыв броситься к ней, обнять, расцеловать ее, — и он бежит. И что должна сделать мать? Его остановить, сказать: «О чем ты думаешь? Разве ты не видишь, что на мне белое платье, что ты меня всю запачкаешь? Пойди-ка вымойся сначала!»? Если она чуткая, умная мать, она забудет про свое платье, про свою белизну. Она отзовется на эту ласковую любовь ребенка, возьмет его на колени, обнимет, даст ему ее расцеловать — и запачкать и платье, и лицо ее, и потом отпустит его обратно играть. Так, мне кажется, Бог к нам относится. Так что когда ребенок приходит к причастию, он должен приходить с порывом, с радостью: я иду ко Христу, Который, как мама, меня любит, Который хочет меня обнять, Который хочет меня приласкать, Который мне позволяет, несмотря на то, что Он Бог, быть Его мальчиком или девочкой... Вот как надо относиться к ребенку, который приходит к причастию.

А что касается достоинства, то, простите меня, миллионы людей постятся и соблюдают строгий пост и перед причащением, и в других обстоятельствах, а можно ли сказать честно, что от этого они делаются лучше, то есть ближе к Богу? Нет, нельзя. Очень часто надо было бы сказать: лучше бы ты не был таким ханжой, таким верным исполнителем всех уставов — и не забывал про любовь и про милость, и про прощение, и про все добродетели, о которых говорит Христос.

Мне вспоминается рассказ из жизни святителя Филарета Московского о том, как в одной деревне был священник пьющий, а в другой деревне все жители спились, и местному священнику там было невмоготу. И Филарет подумал: соединю-ка пьяного священника с пьяным приходом, потому что я все равно ничего не могу для них сделать. Он так и поступил. Пьющий священник пришел в пьяную деревню, обратился к прихожанам и сказал: «Вот каково

положение. Владыка отчаялся и в вас, и во мне: мы пьяницы. Но я, как священник, обязан совершать Божественную Литургию каждое воскресенье, в каждый праздник, и на Литургии причащаться, несмотря на то, что я пьяница. Так вот что я вам предлагаю: приходите и будем все вместе причащаться; вместе причащаться, плача над собой, каясь перед Богом о том, что мы недостойны подходить к Нему, но что мы верим в *Его* милость». И что же случилось? Из жития митрополита Филарета мы узнаем, что от изумления, от благодарности и от действия Святого Духа через таинство и непосредственно на их души, которые открылись Богу, вся деревня начала меняться; через какое-то время пьянство прошло: и священник стал трезвый, и жители деревни стали трезвыми. Вот пример. Они не постились, они не соблюдали строго устава, они пришли к Богу, потому что Он был единственный, Кто их сумел любить недостойными. Есть русская пословица: «Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит»... Вот так и бывает. И я убежден, что если человек по небрежности нарушает какие-нибудь правила, ему надо это ставить на вид. Но если он просто о них не знает или у него не хватает сил, веры, убежденности, что это необходимо или нужно, то надо ему дать опыт близости с Богом, а не требовать с него исполнения правил.

Поэтому я думаю, что в данном случае этот священник поступил не право. Он должен был бы допустить всех детей к причастию после, может быть, общей беседы и короткой, но вдумчивой личной исповеди с каждым ребенком, причем говорить он должен не о том, что ребенок нарушил такие-то правила, а о Христе, о любви Божией...

Да я просто расскажу, что я делаю, когда ко мне приходит ребенок в первый раз исповедоваться. Обыкновенно он приносит бумажку, на которой мамаша написала целый список его проступков. Он начинает читать, я его останавливаю: «Кто составил этот список?» — «Мама». — «А ты согласен с этим списком?» — «Да, раз мама говорит, что это нехорошо». — «Давай, отложим этот список и поговорим. Ты что-нибудь о Христе знаешь?» — «Да, мне мама рассказывала и мне вслух читали Евангелие». — «И как тебе кажется: тебе нравится Христос, ты хотел бы с Ним познакомиться и

Жизнь. Причащение Святых Таин — это Жизнь, которая дается им, нам. Это не значит, что мы можем легко давать таинство, но это значит, что иногда человеку необходимо причаститься для того, чтобы познать Бога.

Расскажу один случай. Почти пятьдесят лет назад ко мне пришла молодая женщина с вопросом: «Я принадлежу к верующей семье. Меня каждый год заставляют на Пасху причащаться. Я не верю ни в Бога, ни в причастие, ни во Христа, ни в Церковь, ни во что, и я не могу продолжать принимать причастие при этих обстоятельствах. Что мне делать?» Я сказал: «Вопрос решен, — если ты придешь причащаться, я тебе откажу в причастии при этих обстоятельствах; но я с тобой хочу поговорить об этом». И в течение всего поста каждую пятницу она ко мне приходила, и я с ней делился тем немногим знанием, которое у меня есть, и тем малым опытом, который у меня собрался за годы. И когда мы дошли до Великой пятницы, оказалось, что я не сумел ей ничего передать, и она просто потеряла время на разговоры со мной. Я ей сказал: «Знаешь, я тебе ничего не смог дать, твоя семья ничего тебе не сумела открыть. Пойдем и будем молить Бога о том, чтобы Он это сделал Сам». Мы пошли в храм, стали на колени перед Плащаницей, и я поставил вопрос Богу: Господи, что мне сказать этой девушке, чтобы ей открыть путь к Тебе?.. И вдруг мне пришла мысль (тогда, в течение всей этой встречи я поступал, — как бы сказать? — «на веру», то есть с уверенностью, что Бог хочет спасти этого человека, как бы мне ни казалось это непонятным, каким бы непонятным путем Он ни шел). Мне пришла мысль ее спросить: «Необходимо ли для тебя найти Бога или нет?» Она ответила: «Если Бога нет, то и смысла жизни нет, и жить я не хочу. Что мне делать?» Я ответил: «Не знаю!» — и поставил Богу второй вопрос: что ей делать и что мне делать? что я должен ей сказать?.. Через некоторое время ответ мне пришел, я ей сказал: «Если ты исполнишь то, что я тебе скажу, то я тебе от имени Бога обещаю, что ты найдешь веру». Она сказала: «Да! А что делать?» И я снова ответил: «Не знаю, давай дальше молиться». И продолжал молиться; и пришла мысль, которая меня испугала, но которую я счел своим долгом повторить, потому что, спросив Бога, я счел невозможным как бы «запретить».

«Берегитесь, братья мои, священники!»

Ему мною пользоваться для ответа. Я ей сказал: «Вот тебе ответ. Завтра, в Великую субботу, я буду совершать Литургию. Ты подойдешь к причастию, но перед тем как причаститься, ты остановишься и вслух мне скажешь: Господи, мои родители мне ничего не дали; Твоя Церковь меня обманула и ничего мне не дала, Твои священники мне ничего не сумели передать, и теперь я стою перед Тобой с вопросом. Если Ты не ответишь мне на этот вопрос *Сам*, я уйду и никогда к Тебе не вернусь». Она на это возразила: «Если Бог есть, это кощунство, я не могу этого сказать». Я ответил: «Нет, ты это скажешь, потому что *я* буду отвечать за твои слова». И она пришла и сказала эти страшные слова и причастилась Святых Таин. Я в тот же день уехал во Францию и получил от нее записку: «Я еще не знаю, есть ли Бог, но с уверенностью могу сказать: то, что я получила в причастии, было не хлеб и не вино, а что-то совершенно иное». И тут начался ее духовный путь.

Это я говорю для того, чтобы подчеркнуть, что не соблюдение правил открывает нам путь к Богу. Когда этот путь уже открылся, тогда правила могут нам служить костылем, — не условием для того чтобы подойти к Богу, а костылем, который нам помогает идти к Нему на встречу, на приобщение, на общую жизнь. Но когда этот путь еще не открылся, никакие правила не помогут.

— *Что Вы скажете о тех общинах, в которых создается культ личности священника, когда каждое его слово, не только по вопросам духовной жизни, но и по политическим и иным вопросам воспринимается как изъяснение воли Божией?*

— Культ личности — одно из самых вредных явлений не только церковной жизни, но вообще всей жизни, включая и политическую. В области политической культ личности находит свой предел в диктатуре и в том, что некто, производя впечатление на окружающих, получает власть, на которую он не имеет никакого права по своему внутреннему содержанию, то есть по зрелости, по мудрости и по знаниям. Культ личности надо искоренять всячески. И первый, кто должен это делать, — это тот человек, который явля-

ется жертвой этого культа, то есть тот священник или мирянин, которого окружают недолжным и непозволительным почитанием.

Для этого священник (я буду говорить, конечно, в первую очередь о священниках) должен постоянно следить за собой и постоянно себе напоминать, что он *ничто*, если им не руководит Божия благодать, и что Божия благодать ему дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом, как он сам отрекается от себя и как он сам отдает свою жизнь другим, на служение. Я помню, отец Софроний мне как-то сказал, что Церковь построена, словно пирамида, причем пирамида, стоящая вверх дном, стоящая на самом остром своей вершины. И чем человек делается ближе к Богу, чем он хочет больше себя отдавать на служение другим, тем он должен сходить ниже и ниже, глубже и глубже в этой пирамиде, и в конечном итоге вершина этой опрокинутой пирамиды — Сам Христос, на Котором все покоится, вся тяжесть мироздания, вся тяжесть человеческой грешности, все. Поэтому если священник хочет избавиться от культа личности, он должен первым делом прийти в себя, опомниться, понять, что его почитают либо за то, что ему было дано, либо потому, что люди видят в нем то, чего, может, и нет.

Что было дано — это, во-первых, его внешность: она играет большую роль. Человек производит первое впечатление своей внешностью, и священник (как всякий другой человек, но священник особенно) должен задуматься над тем, чтобы своей внешностью, как он представляет себя внешне людям, не быть соблазном, то есть чтобы его внешность не была воплощением его тщеславия, его гордыни, его духовного невежества, его природной глупости, в конечном итоге. Это очень важно. Значит, первым делом священник должен следить за тем, чтобы внешностью своей не поражать окружающих; быть собой, да, но быть осторожным и не выдаваться.

Второе: умственные качества. Ум можно проявлять с мудростью или с дерзостью. С мудростью можно проявлять все знания, которые человек приобрел за короткую или тем более долгую жизнь, когда это нужно другим. Но, как сказал один французский писатель XVIII века, свое знание и свою мудрость следует хранить, как человек хранит в кармане часы; он их вынимает только когда

ему нужно узнать, который час, но не ради того чтобы все знали, что у него есть карманные часы... Это очень важный момент: чтобы человек не проявлял никакой особенной учености или мудрости, когда она никому не нужна и когда она является только демонстрацией его собственных — может быть, несуществующих — качеств и свойств.

Дальше, человек может возгордиться своим знанием, то есть тем образованием, которое ему было дано. И тут он должен помнить, что все это знание ему не принадлежит, что это ему был подарок, — подарок от Бога, так же как ум, которым он оказался способным воспринять эти знания, и подарок со стороны Церкви, гражданского общества, семьи, друзей, древней и современной литературы и т. д.; все это ему не принадлежит. Если он обладает этими свойствами, то есть умом, образованностью и прочим, он должен научиться быть благодарным, но не демонстрировать их.

Дальше, он должен беречься соблазна кичиться и пользоваться своим саном для того, чтобы приобретать какое-то уважение и занимать какое-то положение в обществе: я-де архимандрит, я епископ, я священник, я дьякон, я то или другое. Это ничего не значит. Перед Богом, Который видит душу человеческую, эти звания могут быть не только пустым звуком, но даже предметом его осуждения, потому что если человек ходит звеня перед собой этими званиями, то Бог может посмотреть и сказать: да, звания на тебе есть, а достоинства — никакого, ты не соответствуешь тем званиям, которыми кичишься, и чем больше твое звание, тем худшее тебе будет осуждение... Это все мысли очень важные для священника, и даже для дьякона, и для всякого человека, кого хвалят за те или другие свойства, которые ему даны от Бога.

Мы должны все помнить то, что сказано в начале Заповедей блаженства: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное...* Что значит «нищие духом»? Нищий духом — человек, который понимает глубоко или даже краем души, что в нем ничего нет, кроме того, что ему дал Бог, что все хорошее, что в нем только может быть, это дар Божий, и что хвалиться этим совершенно ему не к лицу.

Я вспоминаю девушку лет двадцати с небольшим, милой внешности. Пришла ко мне, села и с ужасным выражением лица говорит: «Я не могу спастись, я погибаю от тщеславия!» — «А что ты делаешь против него?» — «Я не знаю, что делать с ним, я борюсь с ним, но тщеславие побеждает». — «А в чем же заключается твое тщеславие?» — «Каждый раз, когда я вижу себя в зеркале или отражение в стекле, то думаю: какая я хорошенькая!» Я улыбнулся и сказал: «А знаешь что, это правда!» Она с ужасом на меня взглянула и воскликнула: «Что же тогда мне делать? Я погибла!» — «Нет, ты не погибла. Ты должна научиться преобразовать тщеславие в благодарность. До смирения ни тебе, ни мне еще пути нет, мы не знаем, что такое смирение, это свойство святых. А благодарность — это свойство, которое мы, каждый из нас, можем приобрести в любую минуту». — «А как же это сделать?» — говорит она. «Вот что сделай: три раза в день становись перед зеркалом и перечисляй все черты твоего лица, которые тебе нравятся: лоб, брови, глаза, губы, нос, щеки, в общем, все что ты только можешь видеть в себе хорошего. И когда кончишь, скажи: Господи, спасибо Тебе, что Ты мне все это подарил, потому что я этого не создавала в себе. И прибавь еще: И прости меня, Господи, что на ту красоту, которую Ты мне дал, я накладываю такое отвратительное выражение, которое у меня сейчас на лице». Я думаю, что это можно применить и к духовным свойствам. «Нищи духом» те, которые сознают, что все, что у них есть, — от Бога, и вместо того, чтобы ради приобретения ложного смирения отказываться от этого, отрицать это, они воспринимают это и обращаются к Богу с благодарностью за то, что Он это им дал.

А дальше? Дальше они могут эти дары употреблять на пользу другим. Если у них есть красноречие, ум, образованность, чуткость, — бесконечное число свойств можно привести, которые нужны или полезны духовнику, — то пусть благодарят! Благодарят — и от благодарения смиряются, потому что человек понимает, что все, за что он благодарит — не его, а подарок ему от Бога. А если подарок, то он может ликовать о том, что это ему дано, но никак не кичиться этим. Вопрос о культе личности в священнике начинается с него самого. Он должен, — всякий из нас должен, — учиться в

течение всей жизни, а не только в какой-то момент жизни, благодарить Бога за то, что ему дано, и не приписывать себе ничего.

Есть в житии святого Макария Великого рассказ о том, как после его смерти один из учеников видел, как его душа возносилась на небо, и по дороге к небу бесы расставили как бы таможенные столы и у каждого стола его испытывали о каком-нибудь грехе, и он мимо каждого стола проходил чистым. И когда Макарий уже дошел до самых дверей рая, бесы решили уловить его на последнем: они захлопали в ладоши и закричали: «Макарий, ты нас победил!» — надеясь, что уловят его тщеславием. И Макарий повернулся, погрозил им пальцем и сказал: «Нет еще» — и с этими словами ему был дан доступ в рай.

И я думаю, что каждого студента, каждого мирянина, каждого священника и диакона нужно учить этому: все, что у него есть, все богатство — ему дар от Бога; и когда люди хвалят его, чтобы он внутренне не принимал, а превращал похвалу, которую получает, в благодарение Богу и в сокрушение сердечное, потому что если человек был бы действительно и до конца смиренен и в Боге, то его не хвалили бы за пустяки.

Мне вспоминается письмо святителя Тихона Задонского одному молодому священнику, который ему жалуется, что его хвалят прихожане и что, сколько бы он им ни доказывал, что их похвалы не к стати, они только больше его хвалят, и он не знает, что делать. И Тихон Задонский ему отвечает: первым делом ты не говори своим прихожанам о том, что они ошибаются и ты недостойн их похвалы, потому что они к другим несуществующим твоим качествам еще прибавят несуществующее смирение, а ты выслушай их, запомни, какие качества они в тебе видят, и воспитывай их в себе с тем, чтобы стать таким, каким они тебя видят в самом лучшем смысле слова. Тут целое воспитание нужно, и это надо начинать в семье, в обществе, в Церкви, в семинарии, в академии, в течение всего времени, чтобы человек не путал то, что ему дано, с тем, что ему принадлежит по природе или по дару Божию. Это очень важно. И если человек научится не кичиться собой, то культ личности может вокруг него продолжаться, так же как волны бьют о скалу, но он от этого не сгниет, он от этого не погибнет.

Кроме того, он должен научиться людей предупреждать о том, что он не Всеведущий и что у него есть порой мнение, порой знание, а порой невежество или незнание. В вопросах духовных бывают моменты, когда священник по милости Божией, по благодати священства с совершенной ясностью видит, что надо ответить человеку на его нужду и его вопрос. Порой он этого не видит с такой ясностью, но может привести пример из житий святых или цитату из Евангелия; а порой он должен быть в состоянии сказать: «Не знаю!» И люди большие, чем мы, эту смелость имели. Мне вспоминается два случая из жития святого Амвросия Оптинского, когда к нему приходили люди с вопросами, он их просил побыть в монастыре немножко, пока он помолится и будет от Бога просить ответа. И в обоих случаях эти люди через два-три дня приходили и говорили: «Батюшка, нам же домой надо спешить, а ты нам не даешь никакого ответа на наши вопросы...» И дважды Амвросий отвечал: «Вот уже столько дней я спрашиваю Божию Матерь, какой вам дать ответ, — Она молчит. Как же я могу ответить вам?» И это в области духовной жизни и со стороны действительно святого старца.

А если речь идет уже не о духовной жизни, а о политических и общественных вопросах, тогда долг священника сказать: я не поставлен здесь вас наставлять о политических проблемах или в мирской области, я поставлен вам проповедовать Евангелие... Это, конечно, ставит вопрос о том, что если у него есть собственные убеждения, то он может влиять на других даже невзначай, даже не ища того. С этим ничего не поделаешь. Если люди видят, что он следует тому или другому пути, то, разумеется, они могут сказать: раз такой замечательный человек так думает, может быть, и мне надо так думать... Но тут человек должен уметь сказать: нет, я так думаю, я так чувствую, потому что я так воспитан, потому что я такого поколения, — мало ли что он может сказать правдивого по этому случаю; а вы ищите правду свою, то есть ту правду, которую вам лично открывает Бог.

А есть области, в которых нет обязательства придерживаться тех или других убеждений. Уклоняться от зла, конечно, должны все и всячески, но если речь идет о политике, о гражданской жиз-

«Берегитесь, братья мои, священники!»

ни, то тут оттенков очень много, и надо, чтобы каждый человек поступал по чистоте своей совести, строго наблюдая за собой, поступая так, чтобы он мог стать перед Христом и сказать: я это сказал этим людям от Твоего имени, но не только как бы пользуясь тем, что они во мне видят христианина и священника, а потому что то, что я сказал, коренится глубоко в Твоем Евангелии, в Твоем слове.

С поклонением себе священник должен бороться все время, чтобы люди в нем не видели того, чего в нем нет. Надо, чтобы священники больше говорили о том, что их священство как бы «ограничивается» *совершением* таинств — если можно таким несовершенным словом выразиться — и что когда они совершают таинства, то совершаются таинства не ими, а Самим Богом, Христос является Тайносовершителем, Дух Святой является Тайносовершителем, как это сказано ясно в Литургии! И поэтому, да, я могу сказать с совершенной уверенностью, что слова, произносимые мною в Литургии, имеют божественную силу, потому что я только произношу их, а сила в них — Божия, я повторяю слова, которые Сам Христос нам передал. А в других областях я могу выражаться с совершенной честностью, но не могу сказать, что это Божия воля или Божие представление о вещах.

— *Какой смысл Вы вкладываете в понятие послушания, когда речь идет о взаимоотношениях между духовным отцом и духовным чадом в приходской, а не в монастырской практике?*

— Я хотел бы, чтобы повторяли людям все время, что послушание не заключается в том, чтобы раболепно исполнять приказания священника, даже если они подаются в форме советов. *Послушание* — от слова «слушание», и цель послушания — научить человека оторваться от собственных мыслей, от собственного отношения к вещам и вслушиваться в то, что говорит ему другой человек. Здесь начинается послушание, и оно относится не только к церковной практике, но ко всем взаимоотношениям между людьми.

Большей частью, когда с нами говорит человек, мы его почти не слушаем, потому что, пока он говорит, мы готовим ответ на его слова. Вот тут начинается перевоспитание себя. Когда человек с

тобой говорит, закрой свой ум ко всем собственным мыслям и вслушайся в его слова, вслушайся так, чтобы понять, как он их произносит, чтобы уловить тот смысл, который он вкладывает в эти слова, а не только звук. И только когда эти слова дойдут до твоего сознания, когда ты их поймешь, когда ты их воспримешь как свидетельство опыта или искания другого человека, только тогда можно открыть дверь в собственный ум, сердце, опыт и отозваться на них. Но пока человек с тобой говорит, надо только его слышать, а этого мы не умеем делать большей частью. Как я сказал, пока человек говорит, мы уже приготавливаем ответ и поэтому не слышим не то что слов его, не слышим того, что он хочет нам передать. Ибо очень часто слова неудовлетворительны, слова только отчасти передают то, что человек хочет выразить, а мы должны вслушаться.

Знаете, как бывает с песнью: слова могут быть просты, а мелодия захватывающая. И вот надо научиться так слушать другого человека, — *всякого* другого человека, а не только духовника, — как ты слушаешь песнь. Слова выражают истинно, правдиво то, что они должны выразить, но их, как волна, несет мелодия. Если ты мелодию не слышишь, а слышишь только слова, то ты не воспримешь того, что заложено в них. Есть немецкое стихотворение, где говорится приблизительно следующее: Скажи, что такого заложено в маленькой песенке, что ты можешь так ее полюбить? — В ней заложено немного звучности, немного гармонии и целая душа... Перевод неточный, недостаточный, но ведь именно так надо нам относиться ко всякому человеку, который с нами говорит.

А когда говорит с нами духовный отец, то мы должны слышать его слова и за словами уловить глубину — или отсутствие глубины — его духовного опыта. Бывает так, что священник скажет что-то очень простое, что дойдет до твоей души и ее взорвет. А может быть так, что священник говорит от ума, повторяет то, что ему было сказано. Мне вспоминается один случай. Когда я был молодым детским руководителем, проф. Л. А. Зандер собрал преподавателей детской школы и детей и пригласил на показательный урок одного очень знаменитого проповедника в Париже, человека, который пленял всех взрослых, кто только его слышал. И этот проповедник, у которого не было опыта детской работы, дал примерный урок, ко-

торый восхитил всех взрослых. Это было умно, утонченно, глубоко, истинно. Когда урок кончился, Лев Александрович поймал мальчика лет семи и его спрашивает: «Ну, что ты думаешь об этом уроке?» А мальчонка ему ответил страшные слова: «Здорово занимательно было! Жалко только, что батя не верит в то, что говорит». Это была неправда, но слова были настолько изысканные, тема была представлена настолько умственно удовлетворительно, что ребенок до души этого человека не дошел, ему показалось, что это пустые слова, медь звенящая. Это очень важно нам помнить, когда мы говорим с человеком или его слушаем.

С другой стороны, иногда человек говорит что-то очень простое, и эти слова доходят до такой глубины нашей души, что могут быть началом нашего обращения к Богу или перемены нашей жизни. Мне вспоминается один случай. Когда я был подростком, в Великую пятницу группа молодых людей собралась у Плащаницы помолиться с замечательным священником, ничем не примечательным, отцом Георгием Шумкиным. Он был человек удивительной внутренней простоты, ничем не выдавался. Он долго стоял у Плащаницы, потом повернулся к нам, и мы увидели, что по всему его лицу струятся слезы; и он нам сказал: «Сегодня Христос умер за каждого из нас. Давайте плакать о том, что мы — причина Его смерти...», стал на колени, и мы заплакали. Эти слова дошли до нашей души. Ничего затейливого в них не было, — в них была истина, и мы ее услышали не от слов, а от того, *как* это было сказано, от лица этого священника, от слез его, от того, что других слов он *не нашел* перед Плащаницей.

Все это я говорю по поводу послушания, потому что послушание в первую очередь требует слышания. И мы должны научиться, когда кто-то говорит, особенно наш духовный отец, вслушиваться в его слова, и через его слова, через звук его голоса, через всю его личность воспринять тот духовный опыт, из которого рождаются эти слов. Если эти слова не рождаются из его духовного опыта, они могут быть истинными, но они нашу душу перевернуть не смогут, а если и смогут, то *невзирая* на то, что этот священник не сумел нам сам это передать.

В области монашества я читал много житий святых и читал какое-то количество духовной литературы. И меня поражает, что старец, духовный отец, игумен, наставник, пустынник из глубин своего опыта говорит нечто человеку, который ему ставит вопрос, или даже человеку, который вопроса ему и не ставил, но на которого он взглянул и почувствовал: ему надо это сказать. А иногда это не только слова, которые открывают нам понимание, это указание: «Сделай то-то». Сделай то-то, потому что если ты не сделаешь, а будешь только размышлять и переживать, то ты никогда не сдвинешься с места. И вот даже монастырское послушание заключается в том, чтобы избрать духовника, с которым ты созвучен, который тебя может глубоко в Боге полюбить и которого ты можешь воспринять как человека, который тебе дан от Бога.

Я осмелюсь дать пример из своей жизни. Когда мне было лет семнадцать, я пошел на Трехсвятительское подворье, единственный русский храм в Париже, который остался верным Московской Патриархии в то время. Я шел на всенощную, но так или сяк на нее опоздал полностью, богослужение отошло. Оно происходило в подвальном помещении; я остановился у двери и вижу, как поднимается по деревянной лестнице монах. Я на него взглянул, и в нем была такая абсолютная внутренняя собранность, сосредоточенность, такой покой, что я к нему подошел и сказал: «Я не знаю, кто вы, но я вас прошу: станьте моим духовным отцом». Я никогда не пожалел об этом. Он мне послушания не давал; он *жил* духовной жизнью, он жил глубинной какой-то жизнью и отвечал на мои вопросы на исповеди коротко, просто, ясно, незатейливо. Но у меня было всегда впечатление, чувство, что он — как большой корабль, который идет по морю, а я — маленькая лодочка, которая длинным канатом привязана к этому кораблю. Он далеко-далеко зашел, я еще не приблизился к тому месту, где он побывал, но он меня за собой влечет. Вот в этом было послушание, потому что он приказов не давал, он делился своей жизнью, своей душой, своей молитвой.

И перед его смертью Господь нам как бы доказал, кто он был. Он болел и написал мне короткое письмо, где говорил: «Я познал тайну созерцательного молчания, я могу теперь умереть». У него был удар, и на третий день он умер. Послушание ему не заключа-

«Берегитесь, братья мои, священники!»

лось в том, чтобы исполнять приказы, а в том, чтобы всем существом вслушиваться в его жизнь, в его душу, в глубины, которые раскрывались, — Божии глубины, которые раскрывались в *его* глубинах.

И когда речь идет о взаимоотношении духовника в приходе с духовными детьми, большей частью он может им давать конкретные советы о том, как молиться, как достигать трезвости, как достигать чистоты сердца и чистоты плоти и т. д. Он может дать конкретные советы, и этим советам надо следовать. Но сам духовник должен быть очень и очень осторожен в том, что он советует, потому что порой духовник не знает обстановки жизни данного человека и может дать такой совет, который неисполним. Я помню одного человека, который ко мне пришел и сказал: «Что мне делать? Я преподаю в университете литературу; я был на исповеди, и духовник мне сказал отныне больше не читать никакой светской литературы. Что мне делать?!» Я на это ответил, что поговорю с духовником, и тот отменил свое решение, потому что это было безумное решение. И можно было бы привести множество таких случаев, — у меня их накопилось бездна сейчас, — когда духовник говорит теоретически, говорит и не от собственного опыта, и не от духовной истины.

Взаимное отношение духовника с духовным чадом заключается в том, чтобы духовник глубоко вглядывался в эту душу, вслушивался в эту душу, старался эту душу понять и никогда не говорил ничего, что до конца не продумано и может оказаться соблазном.

Беседовал иеромонах Иларион (Алфеев)

Архимандрит КИРИЛЛ (Павлов)

**«ДУХОВНОГО ОТЦА НАДО ИСКАТЬ
ПО РАСПОЛОЖЕНИЮ СВОЕЙ ДУШИ» ***

— *Уважаемый отец Кирилл! Как найти себе духовного отца?*

— Духовного отца надо искать по расположению своей души. Когда вы доверяете своему духовному отцу во всем, и сердце ваше раскрывается перед ним, вы тайны своей души доверяете, можете ему открыть. Вот в таком случае вы избираете такого духовника, что он будет свободно с вами говорить, чтобы вы могли ему спокойно вверять свои тайны сокровенные. И тогда вы чувствуете, что получаете от этого духовную пользу, что он руководит вами, помогает вам, дает вам утешение, наставления для совершенствования в духовной жизни.

Если духовник в каком-то отношении не отвечает своим требованиям, вы легко можете его оставить и перейти к другому, который большую доставляет вам душевную пользу. Тут такого закона, который прикреплял бы, нет: избирайте все по расположению своей души. От кого получаете больше душевной пользы, того и держитесь, к тому прибегайте.

— *В каких случаях можно переходить от одного духовного отца к другому?*

— Если вы чувствуете, что не получаете уже духовной пользы, утешения в руководстве тем или иным духовником, а от другого — получаете душевной пользы больше, то, не смущаясь, можете перейти к другому. Лишь бы получали для души большую пользу, лучшее руководство.

* Перепечатано (с незначительными сокращениями) из газеты «Радонеж» № 11—12 (92), 1999.

«Духовного отца нужно искать по расположению своей души»

— Известно, что в современных монастырях жизнь протекает совсем иначе, нежели в древних. Еще в прошлом веке писал святитель Игнатий (Брянчанинов) об упадке монашества и о том, что тихие, казалось бы, пристани становятся пучиной гибели для многих душ. В особенности сегодня это касается, как считает автор этой записки, женских монастырей. Возможно ли сейчас в здоровой духовной обстановке подвизаться в монастыре? Знаете ли вы сейчас женские обители, конкретно, в какие безбоязненно можно вступить человеку, имеющему благословение на монашество?

— К сожалению, я, конечно, этого не знаю. Надо поехать и побывать лично в женских обителях и посмотреть на их внутреннюю духовную жизнь и какое-то уже сделать заключение. К сожалению, я даже из обители преподобного Сергия никуда не выезжаю. Конечно, сейчас этот вопрос актуальный, важный, серьезный. Беда, конечно, в том, что у нас нет кадров, таких духовных лиц: в мужских монастырях — таких духовников опытных нет. А в женских — нет таких духовных стариц, которые бы окормляли молодых, новоначальных. Конечно, это большой пробел. Но говорить о том, что совсем монастыри не надо возрождать и созидать, поскольку там нет полноценной духовной жизни, — считаю, что это тоже будет не совсем правильно. Те, которых Господь призывает к монашеской жизни, кого Он именно призывает, — Господь дает силы, дает разум, дает терпение. Хотя и скудна сейчас жизнь в духовно-нравственном плане во вновь возрождающихся обителях, — но все-таки там собрана община во имя Христово. И если человек пришел именно с целью спасения своей души, я думаю, Господь, ими же веся судьбами, но будет подавать человеку и утешение, и подкрепление, и совершенствование в его духовной жизни. Хотя, конечно, может быть, будут большие неприятности, переживания, неудобства, но тем не менее спасение совершаться будет и совершается.

— Для желающих идти в жизни путем монашеского подвига какой путь избрать в современном мире: служение спасению ближних, не знающих Христа, наших современников, или уединенное делание в тихой пристани?

— Куда кого Господь призывает, к какому образу жизни. Если Господь призывает вас к уединенной жизни — идите! Если призывает Господь на поприще служения ближнему — идите на это служение! Послушайтесь, куда вас Господь призывает. Каждому человеку есть призвание от Бога.

— *Есть ли в наше время сейчас старцы?*

— Старцы — не знаю. Старики — есть.

— *Знакомы ли вам случаи счастливого многолетнего брака?*

— Я думаю, сейчас можно взять семьи священников. Они все, по-моему, в многолетнем браке. В миру сейчас, конечно, распад семьи, брак разрушается очень быстро, полный развал. Но если взять благочестивые семьи духовных лиц, священников — там семьи образцовые. Есть с чего пример взять.

— *Очень желаю научиться настоящему покаянию. Пожалуйста, расскажите, как строить свою исповедь? Как запоминать, записывать, обобщать потом грехи на исповеди? Если человек постоянно внимательно следит за собой, то потом как ему на исповеди себя вести? Если каждый день записывать грехи, то на исповеди что с ними делать — все читать, обобщать или как? Как правильно исповедываться?*

— Раньше в обителях духовная жизнь была поставлена высоко, там практиковалось открывание помыслов. Послушники имели обычай: в конце дня приходили к старцу и свои помыслы открывали. Это, конечно, давало возможность следить, бодрствовать над своими помыслами и исправлять их. А старец, если были какие-то отклонения, давал направление, и, таким образом, человек шел правильным путем в своей духовной жизни.

В настоящее время у нас ввести такой обычай, наверное, не представляется возможности ввиду того что, если взять монастыри, там прежде всего некому открывать помыслы, нет духовников. И сестры почти что все бывают очень заняты работой по восстановлению новых обителей. Не хватает времени, и, конечно, ни одна игуменья не даст благословения на введение такого обычая. Поэтому, если кто печется о спасении своей души, сле-

«Духовного отца нужно искать по расположению своей души»

дует записывать свои грехи на бумаге — это дело похвальное, и оно уже имеет примеры и в древних монастырях. Поэтому записывать грехи можно и нужно. А на исповеди уже старайтесь как-то с духовником там договориться, чтобы он давал вам побольше времени, выслушивал вас, чтобы вы могли все эти свои грехи ему открыть и исповедать. Таким путем можно. И, конечно, вот так бодрствовать и трезвиться над своими помыслами — это вменяется каждому, это заповедано Святыми Отцами: каждый из нас должен трезвиться постоянно и проверять свои помыслы. И какие греховные мысли и страсти борют иногда — надо обязательно это на исповеди открывать духовнику.

— Каковы признаки призванности к монашеству? Можно ли идти в монастырь и принимать монашество, если родители желают только супружества своим детям?

— В монастырь надо идти по призванию. Так же, как и на пастырское служение. Нужно обязательно призвание Божие. Если кто минует это, то обычно всегда оканчивается неудачей. Какие признаки?

Если кто призывается к семейной жизни, то обычно такой человек только и думает что о семье, о детях, о супруге, о будущей своей семейной жизни. И вот это уже является признаком призвания Божия к семейной жизни. Если же, наоборот, у человека в душе какая-то боязнь вот этой семейной жизни, боязнь иметь детей, какое-то отвращение к семейной жизни, — это уже явный признак призвания Божия к жизни безбрачной. Это каждый должен испытывать.

Если родители так неразумно вмешиваются и нарушают призвание Божие — это тоже заканчивается трагедией. Надо испытывать призвание Божие: к какому пути Господь призывает тебя.

— Как бороться с печалью, которая постоянно беспокоит? Возникает сильный ропот и безразличие.

— Печаль — это один из семи смертных грехов. Поэтому с печалью надо бороться. Это бывает тоже по бесовскому наваждению, и того, кто подвергается этому наваждению, Святые Отцы прежде всего призывают к терпению. Надо вооружиться

терпением, и в это время молитвою, чтением Слова Божия заниматься и освобождаться от этого духа уныния и печали.

— Как можно побороть страсть празднословия?

— Повесить замок на уста. Страхом Божиим, конечно. Надо все-таки себя ограждать страхом Божиим и памятью того, что Господь сказал: «За всякое праздное слово люди дадут ответ на Страшном Суде». Это должно устрашать, это должен каждый помнить, что на Страшном Суде Божиим все это будет предъявлено в обвинение. Надо этого остерегаться и хранить свои уста.

— Будет ли скоро кончина мира и стоит ли вообще учиться и вообще что-нибудь устраивать, в том числе и жизнь?

— Никто не знает ни дня, ни часа, когда будет пришествие Христово. Трудиться надо, учиться надо, работать надо, совершенствоваться надо. Пока Господь дает нам время, надо над собой работать. Надо бороться со своими греховными наклонностями, своими пороками, искоренять из своей души все злое, худое, порочное. Вот цель и смысл жизни. Пока еще Господь двери покаяния не закрыл для нас, нужно стараться: пользоваться таинствами исповеди, покаяния и себя готовить к вечности. Думать о том, что будет кончина века и опускать руки — нельзя. Никто не знает, когда Господь придет. Но мы должны быть готовы всегда к встрече с Господом. Поэтому мы должны со страхом проводить время своего странствования на земле и не обольщаться никакими мирскими удовольствиями, страстями, а проводить жизнь трезвенную, правильную. Проводить свою жизнь в чистоте и молиться всегда, быть всегда в трезвении.

Редакция журнала «Церковь и время» поздравляет отца архимандрита Кирилла с 80-летием и желает ему здоровья, помощи Божией и многих лет благодатного духовнического служения на благо Русской Православной Церкви.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ

«ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Либерализм, традиционализм и моральные ценности объединяющейся Европы

«Вникай в обстоятельства времени», — говорит священномученик Игнатий Богоносец. Этот завет особенно актуален сегодня, в канун начала третьего тысячелетия. Какие проблемы выдвигает перед нами уходящее столетие? В чем состоит вызов нашей эпохи?

Завершающееся ныне столетие выдвигает в число первоочередных проблему, от успешного решения которой во многом будет зависеть дальнейшая судьба мирового сообщества. Фундаментальный вызов эпохи, в которую всем нам выпало жить, состоит, по моему глубокому убеждению, в необходимости выработки человечеством такой цивилизационной модели своего существования в XXI веке, которая предполагала бы всемерную гармонизацию драматически разнонаправленных императивов неолиберализма и традиционализма. Перед Западом и Востоком стоит труднейшая, но отнюдь не безнадежная задача совместного отыскания баланса между прогрессом в сфере соблюдения прав личности и меньшинств, с одной стороны, и сохранением национально-культурной и религиозной идентичности отдельных народов, — с другой.

Даже не будучи покуда сформулированной в надлежащих социополитических и культурологических категориях, потребность в адекватном и солидарном ответе на этот цивилизационный вызов нашего времени ощущается повсеместно и с чрезвычайной остротой. Ибо неявная для многих, но от того не менее реальная подоплека военно-политических, культурно-религиозных, национальных и иных противостояний, свидетелями которых мы являемся в посткоммунистическую эпоху, состоит

именно в сопротивлении консервативного начала и традиционалистского мировосприятия форсированному, если не сказать насильственному, утверждению неолиберальных ценностей. В этом заключается внутренний сюжет идейной драмы наших дней.

XX век стал исторической ареной, на которой в жестоком противоборстве последовательно сменяли друг друга пары непримиримых соперников: монархия и республика, фашизм и коммунизм, тоталитаризм и демократия. Две мировые войны и одна «холодная война» — таков горестный итог идеологической бескомпромиссности в нашем веке. В этом контексте представляется совершенно естественной и понятной та эйфория, которая охватила мир, измученный балансированием двух сверхдержав на грани ядерного апокалипсиса, при известии о советской перестройке.

Да, господство идеологизированного сознания, являющегося порождением гордыни и суемудрия человеческого разума, а потому неоднократно обнаруживавшего свою духовную нищету и приносившего неисчислимые бедствия народам, ныне серьезно поколеблено. Но на смену соперничеству идеологий идет новое и трудновращаемое соперничество: глобализм и универсализм как выражение принципа всеобщего против консерватизма и традиционализма как выражения принципа единичного и отдельного. Поэтому сегодня, как и во времена библейские, краеугольным камнем человеческого общежития остается принцип, столь исчерпывающе сформулированный испанским социальным мыслителем Хосе Ортегой-и-Гассетом: «Цивилизация — это прежде всего воля к сосуществованию». Но воля к сосуществованию предполагает в качестве обязательного условия признание за другим права на жизнь. И поскольку отблеск Божественной истины несет на себе как концепция прав и свобод человека, так и принцип национально-культурной самобытности, обратимся к истории, дабы проследить генезис их ныне актуализированного противостояния. Но прежде условимся о понятии цивилизационного стандарта, посредством которого будем описывать как либеральный, так и традиционалистский мировоззренческий и аксиологический комплексы.

Известно, что в XVIII веке, на излете эпохи Просвещения, в Европе зародилась, а в следующем столетии значительно усилилась и стала утверждаться либеральная доктрина. Идеей все-

объемлющего освобождения индивидуума от стеснений социальных, политических, национальных, религиозных, правовых и иных ограничений нередко питались революционные движения, выступавшие против тогдашнего государственного устройства в странах Западной Европы, в России. Сторонниками этого направления в качестве фундаментальной проблемы эпохи постулировалась наличная несвобода индивидуума, закабаленного и подавленного структурами и институтами государства, социальным устройством, господствующей моралью, предрассудками и условностями. Следовательно, личность надлежало освободить от гнета внешних для нее сил, ибо человек «по определению» является абсолютной и конечной ценностью, а его благо — критерием справедливости общественного устройства. В канун русской революции эту мифологему либерального сознания в концентрированной форме выразил классик пролетарской литературы Максим Горький, возвестивший устами своего персонажа: «Человек — это звучит гордо!» В СССР эти слова, в частности, были начертаны на знамени антирелигиозной борьбы, ибо в атеистическом государстве ни о каком другом Имени, Которому стоило бы посвящать свои помышления и труды, речи идти не могло. Не случайно еще Гольбах, Гельвеций, Дидро и другие философы эпохи Просвещения настойчиво сопрягали гуманизм с материализмом и атеизмом.

Итак, в ядро антропоцентрической вселенной был помещен богоподобный Человек как мера всех вещей. Причем не просто человек, но именно человек падший, находящийся во грехе. Ведь, по учению Церкви, «человек сотворен по образу и подобию Божию, но грех исказил красоту образа» (св. Василий Великий). Это представление об искаженной природе человека совершенно отсутствует в современном западном мышлении. В нем торжествует комплекс идей, имеющих языческое происхождение — идей, ставших утверждаться в культуре Западной Европы в эпоху Возрождения. Ведь именно авторитетом Ренессанса освящена концепция антропоцентричности мироздания, когда средоточием бытия и социума полагается индивидуум. Таким образом, вместе с возвращением к античной культуре в эпоху Возрождения происходила духовная инволюция европейской общественной мысли, совершавшей движение вспять от ценностей христианства к регрессивной языческой этике и языческому мирозерцанию. Воспользовавшись выражением, которым

неоднократно оперирует Арнольд Тойнби на страницах своего фундаментального труда «Постижение истории» мы с полным основанием можем говорить о триумфе «идолопоклонства в наиболее порочной форме поклонения человека самому себе».

Что же касается западного христианства, то оно отнюдь не осуждало этого процесса, но, приняв постулат о свободе человека как высшей ценности его земного бытия в качестве социально-культурной данности, освятило союз неоязыческой доктрины с христианской этикой. Так в ходе формирования либерального стандарта сочетались христианские (через католицизм и протестантизм) и языческое начала. Определенное влияние здесь оказала также достаточно влиятельная в западноевропейских университетах иудейская богословская мысль, пришедшая через испанскую культуру и еврейскую эмиграцию в Голландию и сопредельные страны (Маймонид, Крескас, Ибн Эзра). Не удивительно, что наиболее востребованными либеральным мировоззрением в процессе его формирования оказались идеи таких вольнодумцев, атеистов и пантеистов, отколовшихся от традиционного иудаизма, как Барух Спиноза и отчасти Уриель Акоста. К XIX веку практически сложился весь комплекс понятий, описывающих либеральный стандарт существования. Впервые конституированный в «Декларации прав человека и гражданина» Великой французской революцией, он был окончательно закреплён во «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года.

Достойно всяческого сожаления, что Россия только теперь получает возможность вступить в дискуссию о соотношении либерального и традиционного начал. Да, некогда СССР принимал достаточно активное участие в выработке современной версии либерального стандарта межгосударственных отношений и прав человека. Но шел на это, руководствуясь прагматическими соображениями, во-первых, чтобы дезавуировать обвинения Запада в приверженности тоталитарным методам контроля и управления, а во-вторых, чтобы при первой возможности обращать это обоюдоострое пропагандистское оружие на своих идеологических противников. Тогда представлялось, что все нарушения прав человека навсегда останутся скрытыми от мира за железным занавесом, и можно было позволить себе выгодный компромисс с Западом, дабы усилить симпатии к социализму без того, чтобы реально изменить нечто в своей внутренней жизни. Ныне, когда после распада СССР из двух сверхдержав на миро-

вой арене осталась лишь одна, она парадоксальным образом наследовала не только бывшую советскую империю, но и политику двойного стандарта в отношении прав человека. Иначе как объяснить, что поводом для агрессии против Югославии послужила проблема Косова, тогда как аналогичная проблема Курдистана вовсе не рассматривается в качестве основания для акции устрашения в отношении Турции?

Итак, к сожалению, по идеологическим и политическим причинам православная духовно-культурная традиция никак не была представлена советской дипломатией при выработке современных стандартов межгосударственных отношений и прав человека. Насколько могу судить, не была она достаточно обозначена и дипломатами других стран, представлявшими Восток. Иными словами, можно совершенно определенно утверждать: современные международные стандарты по сути своей являются исключительно стандартами западными и либеральными. Это обстоятельство могло бы не вызвать особой озабоченности, если бы речь шла о сфере исключительно внешнеполитической, то есть о межгосударственных отношениях, где этот стандарт рекомендовал себя как достаточно эффективный. И в самом деле, что произошло бы в области межгосударственных отношений в условиях отказа от универсального по своей природе либерального стандарта? Совершенно очевидно, что на месте этого универсального стандарта был бы стандарт национальный, в минувшие времена неоднократно провоцировавший и легитимизировавший войны. В случае, если бы подобное замещение действительно произошло, совершился бы неконтролируемый распад всей мировой системы, ибо каждый из таких стандартов, будь то «ваххабистский», «китайский», «африканский», «католический», «японский», «индуистский» и т. п., положенный в основу построения межгосударственных отношений, неминуемо был бы отвергнут носителями иных национально-культурных и религиозных взглядов. Попытка строить межгосударственные отношения, игнорируя некие общие для всех принципы, была бы очень близка ко всеобщей катастрофе, в которой не остается места радости в случае победы одного из этих стандартов, пусть даже того, к которому принадлежишь ты сам.

Итак, суть проблемы видится не в том, что сформулированный на уровне международных организаций либеральный стандарт полагается сегодня в основу международной политики, а в

том, что этот стандарт предлагается в качестве обязательного для организации внутренней жизни стран и народов, включая те государства, культурная, духовная и религиозная традиция которых практически в формировании этого стандарта не представлена.

В связи с этим следует особо сказать о моральных ценностях объединяющейся Европы. Совершенно очевидно, что эти ценности также стандартизированы на основе западного либерализма. Пока границы объединенной Европы совпадали с границами Западной Европы, указанную проблему можно было рассматривать как «внутреннее» дело Запада, как его собственный цивилизационный выбор, ответственность за который в религиозном и пастырском плане несли западные церкви. Сегодня границы объединенной Европы расширяются на Восток, и весьма вероятно, что в обозримом будущем в ее состав войдут страны с многомиллионным православным населением. Что будет означать для этих стран в плане сохранения их духовной, культурной и религиозной идентичности жизнь в соответствии с чуждыми для них этическими и ценностными стандартами? Если Европа, а может быть, и весь мир будут унифицированы на основе единой культурно-цивилизационной нормы, то, может быть, ими станет легче управлять, но красоты множественности, а вместе с тем и человеческого счастья, в них наверняка не прибавится. Кроме того, сегодня совершенно очевидной становится невозможность бесконфликтной экспансии либерализма, особенно в тех сферах общественного бытия, которые наиболее цепко удерживают ценности, воспитанные национальной духовно-культурной традицией. На Востоке это явление достаточно очевидно, на Западе — менее очевидно, хотя реально оно присутствует и там, и там.

Наиболее ярким примером является история с принятием нового российского «Закона о свободе совести и о религиозных объединениях». На Россию было оказано тогда беспрецедентное политическое давление. Президент Клинтон и канцлер Коль обращаются к президенту Ельцину с посланиями протеста, Папа Римский требует от Кремля заблокировать новый «Закон о свободе совести», американские конгрессмены в случае его одобрения угрожают России экономическими санкциями. Что же случилось, и почему ни одна другая внутрироссийская проблема не вызывала такой негативной, острой и согласованной реакции

Запада? Причина проста — наш Закон о свободе совести был расценен как не соответствующий либеральному стандарту в сфере религиозных прав человека. Скромно уступили от участия в этом походе против внутреннего законодательства суверенной державы лишь те страны Запада, в которых Церковь, в отличие от России, имеет государственный статус или где формальная регистрация экзотических и чуждых местной культурной традиции сект ставится в зависимость от куда большего количества условий, чем у нас. В сущности, от России тогда в ультимативной форме требовали приведения национального законодательства о свободе совести в соответствие с международными, а фактически западными либеральными стандартами.

Подобные коллизии, выявляющие несовершенство либерального стандарта и обнажающие возможность манипулирования им с политическими целями, чрезвычайно показательны, и в дальнейшем их будет случаться все больше, если уже сегодня не начать серьезной дискуссии о соотношении либерализма и традиционализма в формировании жизнеспособных стандартов, призванных ответить на вызовы не только европейской, но и мировой интеграции. Из сказанного следует, что на роль общепризнанного и подлинно универсального стандарта может претендовать отнюдь не самый либеральный из всех возможных в отношении прав и свобод человека, но лишь такой, который, при условии постулирования перечня неких общеобязательных принципов, органично и непротиворечиво предполагал бы совместить с национально-культурными и религиозными ценностными ориентациями принявших его стран. Нравственный долг как посткоммунистической России, так и других стран, принадлежащих к духовно-культурной традиции Православия, ныне должен заключаться в том, чтобы представить мировому сообществу свое видение проблемы и призвать его к возобновлению дискуссии в изменившихся исторических обстоятельствах. Предстоит большая и трудная работа по формулированию и отстаиванию своей позиции перед лицом мировой общественности в ООН, других международных организациях. Здесь неоценимую роль могут сыграть усилия Православных Церквей прежде всего в рамках диалога с иными церквами, деноминациями и религиями. В связи с этим позвольте сказать несколько слов об экуменизме. Глубоко убежден, что причина кризиса современного экуменизма во многом связана с его неспособностью осоз-

нать фундаментальное значение Апостольского Предания (Традиции) как нормы веры. Эта норма, золотой нитью проходящая через вселенскую историю и соединяющая Апостольский век с нашим временем, исчерпывающе определяет пути жизни и спасения христианина. Сбережение и утверждение неповрежденной нормы веры есть миссия Православия в мире, ибо отказ от Предания на деле означает автоматическое признание утверждения о том, что человеку все дозволено. В сущности, согласие некоторых христианских деноминаций с допустимостью женского священства или благословение гомосексуальных браков есть не что иное, как практическое осуществление либерального стандарта прав человека и безграничной религиозной свободы. Это один из многих случаев последовательного и целенаправленного вытеснения из жизни современного общества апостольской нормы веры и замещения ее либеральным стандартом.

Трагедия современного протестантизма заключается в притии этой подмены и соучастии в ней, что оборачивается перспективой утратить конфессиональное самосознание вплоть до полного растворения его в системе ценностей секулярного мира. Именно в экуменическом движении, и, в первую очередь, во Всемирном Совете Церквей эта тенденция стала очевидной для православных. Протестуя против женского священства и признания гомосексуальных браков, православные протестуют против самой идеи некоего приоритета либерального стандарта (как известно, имеющего не только христианские корни) над нормой церковного Предания. В кризисе экуменизма отчетливо обнаружилось стремление протестантского большинства использовать либеральную идею в качестве фундаментальной идеи, во многом определяющей экуменическую этику и практику, при одновременной нечувствительности к теме Предания. Это привело к тому, что, несмотря на некоторые успехи в области достижения вероучительных консенсусов, православные и протестанты оказались перед лицом новых разделений, имеющих своей причиной некую «абсолютизацию» либеральных стандартов протестантским богословием.

Однако эти серьезные различия и противоречия не следует воспринимать как основание для прекращения диалога, а тем более как основание для религиозного противостояния с Западом. Напротив, Русская Православная Церковь, гласно и в духе

братской открытости поставившая вопрос о кризисе современного экуменизма, видит в продолжении межхристианского диалога возможность свидетельствовать разделенному христианству основополагающее значение нормы веры, явленной в Апостольском Предании. Весьма плодотворным может быть в этом отношении диалог с Римско-католической Церковью, признающей Предание как норму веры.

Монотеистические религии, преданные идее верности своей религиозной идентичности и жестко защищающие права своих верующих, о чем красноречиво свидетельствуют соответствующие статьи законодательства Израиля и мусульманских стран, также могут быть союзниками православных в диалоге с теми, кто подвергает сомнению ценность традиции. Сами же много-различные национально-религиозные стандарты по своей природе, говоря словами Карла Поппера, вовсе не «враги открытого общества», каковыми их пытаются порой представить, но, напротив, способны стать действенным фактором его стабилизации и жизнеспособности.

Пока что нас постоянно ставят перед дилеммой: либо Православие «изменится», либо будет отвергнуто «мировым сообществом», под псевдонимом которого чаще всего выступает одна из множества ныне существующих культур — западная, а точнее, либеральная. Она настойчиво утверждает себя в качестве наиболее «прогрессивной», «гуманистической», «современной». В то же время Православие, а нередко и другие монотеистические религии, противопоставляются либеральной антропоцентрической системе ценностей, объявляемой нормой для индивидуумов и человеческих сообществ. Церквам и религиозным общинам надлежит адекватно реагировать как на позитивные, так и на явно негативные аспекты ныне совершающегося процесса глобализации. Мы желаем понять других, но и сами хотим быть услышаны и поняты.

Происходя из теоцентрической духовной традиции, воспринимающей антропоцентрический гуманизм как чуждое для себя мировидение, мы готовы относиться к нему с уважением, но никогда не сможем принять в качестве абсолютной и безусловной положительной ценности. Мы также исходим из того, что стандарты, вольно или невольно способствующие разрушению национально-культурной и религиозной идентичности народов, не-

избежно приведут к оскудению полноты мира Божия, его унификации и в конечном итоге гибели.

Европа с ее традициями культурной многоукладности, терпимости и открытости могла бы внести решающий вклад в процесс глобальной гармонизации религиозных, культурных, социально-политических традиций. Важное место здесь должно принадлежать христианам. Верю, что все мы соединенными усилиями сумеем заложить основы подлинно многополярного сообщества, зиждущегося на стандартах, которые, обеспечивая права и свободу людей, сохраняли бы, а не разрушали ценности, укорененные в их духовно-культурных и религиозных традициях. Ибо только такое устройство мира способно стать реальной альтернативой подозрительности, вражде и праву силы в отношениях между народами.

«...И живы будем и не умрем и мы, и ты, и дети наши» (Быт. 43:8).

Протоиерей Всеволод ЧАПЛИН

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И НОВАЯ ЕВРОПА

1. Россия и Европа:

один из ключевых вопросов русской религиозно-философской мысли XIX—XX веков

Как известно, русская история и русская мысль до XVIII века развивались достаточно отстраненно от внешнего контекста, если не считать придворной дипломатической деятельности да многочисленных войн — как первое, так и второе является отнюдь не лучшим способом стимулирования положительных международных контактов на уровне, выходящем за рамки узкого-государственных процессов. Этот период можно охарактеризовать как первозданный Эдем русской самодостаточности, который сегодня многие склонны считать скорее адом, нежели раем, но который навсегда сохранил для потомка — даже критически относящегося к прошлому — статус некоей идеальной нормы исторической русской самобытности.

Именно отрицание этой самобытности и насаждение «немецчины» при Императоре Петре I стало для русской мысли другой идеальной нормой, другой отправной точкой — образцом радикального приведения национальной жизни к стандартам Западной Европы. Петровские реформы отнюдь не сводились лишь к отрезанию пышных боярских бород и к активному восприятию западных технологий судостроения и военного дела: решительному переустройству по европейскому образцу были подвергнуты государственное устройство, армия, да и святая святых русской жизни — Церковь, лишившаяся традиционного патриаршего возглавления и ставшая частью государственного аппарата, руководимая Синодом, де факто управлявшимся из императорского дворца. Иностранные советники имели при дворе решающий голос, влияние которого можно сопоставить лишь со влиянием экономистов чикагской школы к постсоветской России начала уходящего десятилетия.

Как традиционный допетровский миропорядок, так и пореформенное национальное устройство не вызывали серьезных попыток критического осмысления — первый в силу своей истонной данности и высокой степени внешней изоляции, второе — по причине крайней brutality действий Петра, который подавлял любое организованное инакомыслие, да и просто в силу того, что русской мысли потребовалось немалое время, чтобы дать полноценный ответ на столь радикальное переустройство жизни.

Лишь в середине XIX века российская политическая и религиозно-философская мысль стала искать для себя новое место среди двух идеальных норм — самодостаточной русской идентичности, укорененной в допетровских временах, и решительно западничества, практически безраздельно господствовавшего в официальной России полтора столетия. Зная, что нетрудно заблудиться в трех соснах, можно представить себе и сложность выбора между этими двумя крайними состояниями русской души. Пожалуй, каждый религиозный философ и каждый государственный деятель России второй половины XIX — первых двух десятилетий XX века нашел свою уникальную точку на шкале между этими двумя крайностями: между чистым западничеством и чистым славянофильством, между абсолютной открытостью к Западной Европе и абсолютной самоуглубленностью, подчас относящейся к Западу с недоверием и даже враждебностью. Западничество и славянофильство, а также попытки их балансировки или примирения стали и, наверное, навсегда останутся главной дилеммой российской общественной мысли, главным содержанием философских и политических споров и, быть может, — рискнем, следуя отцу Павлу Флоренскому, предположить и такое — той самой русской антиномией, которая и есть русская истина.

Необходимо напомнить, что по границе России и Центральной Европы в то время в значительной степени проходила и разделительная линия между западным — католическо-протестантским — христианством и христианством восточным, укорененным в византийской традиции и воспринятым в конце первого тысячелетия славянскими и некоторыми другими восточноевропейскими народами. Граница эта очень жизненная. Один остроумный ученый недавно даже сопоставил ее с нулевой изотермой, границей «настоящей» зимы в Европе. Линии во многом

совпадали, и, вне зависимости от того, согласимся ли мы с выводами научного деятеля или будем искать более серьезные метафизические и социополитические причины появления этой границы, — она существует и, полагаю, будет существовать до окончания века.

Итак, как же отвечали русские религиозные мыслители на известный русский вопрос: можно ли ставить абсолютный знак равенства между Россией и Европой?

Владимир Соловьев (1853—1900), один из наиболее известных «западников», полагавший, что, «утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное» (1, 353), — в то же время отнюдь не разделил бы взглядов некоторых нынешних своих современников, считающих, что «русскость» вообще должна быть отвергнута. Он пишет: «Оставшийся всецело русским, несмотря на свое поклонение Европе, Петр Великий и ставшая всецело русской, несмотря на свой природный европеизм, Екатерина II оставили нашему отечеству один завет. Их образ и их исторические дела говорят России: *будь верна себе, своей национальной особенностью и в силу ее будь универсальна*» (2, 604; здесь и далее курсив авторский). Соловьев делает интересное пророчество о будущем континента: «Европа в двадцать первом веке представляет союз более или менее демократических государств — европейские соединенные штаты. Успехи внешней культуры... пошли ускоренным ходом. А предметы внутреннего сознания — вопросы о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека, осложненные и запутанные множеством новых физиологических и психологических исследований и открытий, остаются по-прежнему без разрешения. Выясняется только один важный отрицательный результат: решительное падение теоретического материализма» (3, 28). Описанные ниже воззрения Николая Данилевского на Россию и Европу как на совершенно разные, противостоящие друг другу реальности он называет несовместимыми «не только с христианской идеей, но и с самим историческим фактом христианства как религии универсальной, всемирно-исторической, которую никак нельзя приспособить к какому-нибудь особому культурному типу» (1, 381). При этом он добавляет: «Совершенно непонятно, почему один культурно-исторический тип (романо-гер-

манский) выработал два, столь различные между собою, вероисповедания, как католическое и протестантское; также почему славянский тип, вместо того чтобы на своей самобытной почве возрастить особую исповедную форму, принял ее целиком из чужого культурно-исторического типа — греческого (1, 381—382).

Критика Соловьева имела в виду взгляды Николая Данилевского (1822—1885), во многом предвосхитившие разделение человечества на конфликтующие цивилизации Сэмюелом Хантингтоном. Данилевский считал, что существует ряд культурно-исторических типов, или самобытных цивилизаций, в своем развитии сталкивающихся друг с другом, причем Россию и Европу он в этом контексте принципиально разделял. Данилевский пишет, что если, «наперекор истории, наперекор мнению и желанию самой Европы, наперекор внутреннему сознанию и стремлениям своего народа,— Россия все-таки захочет причислиться к Европе, то ей, чтобы быть логической и последовательной, ничего другого не остается, как отказаться от самого политического патриотизма, от мысли о крепости, цельности и единстве своего государственного организма, от обрусения своих окраин; ибо эта твердость наружной скорлупы составляет только препятствие к европеизации России» (4, 193). Данилевский — типичный «охранитель», его призывы, во многом созвучные идеям консервативной части нынешнего российского политического спектра, носят по преимуществу оборонительный характер даже при всей масштабности рассматриваемых им глобальных перспектив, в которых России отводится ведущее место. Данилевский сурово обличает характерный для части русского общества феномен преклонения перед Западом: «И нигилизм, и аристократизм, и демократизм, и конституционализм составляют только весьма частые проявления нашего европейничанья; самый общий вид его, по-видимому менее зловредный, в сущности же опаснейший из всех, есть наше балансирование перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьей, перед решением которого трепещем, милость которого заискиваем» (4, 198).

Константин Леонтьев (1831—1891), говоря о крушении надежд на взятие Россией Константинополя, в таких словах предрекал конец послепетровского уклада: «Не есть ли эта великая катастрофа явный признак, что близится конец России собст-

венно петровской и петербургской?! Другими словами, что на началах исключительно европейских нам, русским, нельзя уже жить?! Неужели и это не ясно и это не поразительно?.. О, бедные, бедные соотчики мои — европейцы... Как бы можно было презирать вас, если бы позволяло сердце забыть, что и вы носите русские имена, и что и вы, защитники равенства и свободы, исправимы при помощи Божией!..» (5, 229).

Великий русский писатель Федор Достоевский (1821—1881), славянофил по убеждениям, в то же время гораздо мягче, чем Данилевский и Леонтьев, воспринимает конфликт между Россией и Европой. При этом его взгляд на противостояние последних — скорее наступательный, чем «охранительный». Он пишет: «Нам от Европы никак нельзя отказываться. Европа нам второе отечество, — я первый страстно это исповедовал и всегда исповедую. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится... Чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее» (6, 23).

Николай Бердяев (1874—1948) пишет: «Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал... Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать... как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности» (7, 15). «Славянофилы и западники были враги-друзья... Для одних Россия была, прежде всего, мать, для других — дитя... Одни, славянофилы, мечтали об идеальной допетровской Руси, другие, западники, мечтали об идеальном Западе. Но и консервативное обращение славянофилов к далекому прошлому было лишь утопией совершенного строя, совершенной жизни, таким же, каким было обращение западников к Западу, который они плохо знали» (7, 26—27). «То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или во всяком случае истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских

интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения... Русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и эта религиозная в ней черта. Но она легко совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда она впадает в идолопоклонство» (7, 18—19).

Итак, на руинах послепетровской Руси возникло отнюдь не евразийское царство, мечтая о котором, Леонтьев писал: «*Географически* говоря, Европы такой особой нет, а вся эта Европа есть лишь не что иное, как Атлантический берег великого азиатского материка; великий же смысл слова Европа есть смысл *исторический*, то есть место развития или поприще особой, последней по очереди культуры, сменившей древние предыдущие культуры, романо-германской» (5, 228). Появилось уникальное тоталитарное государство, внешне унаследовавшее из Западной Европы наиболее радикальную левую идеологию, но на деле скрывавшее внутри себя глубокие историсофские и политические противоречия.

За фасадом монолитной советской марксистско-ленинской идеологической системы прикровенно продолжалась та же самая мировоззренческая дискуссия, какая имела место до революции, — определенная часть советских лидеров и идеологов могла бы быть условно отнесена к западникам, другая — к славянофилам. Оба фланга политического спектра при этом клялись в верности официальному марксизму, однако первые делали упор на «пролетарский интернационализм» ленинско-троцкистского типа, вторые — на советский патриотизм, свойственный Сталину и его идеологическому окружению, которые, особенно после II Мировой войны, не стеснялись обращаться к традиционным ценностям и символам для консолидации общества, в которой страна нуждалась в военное и послевоенное время. Привлекались к дискуссии в данном случае и национально-мессианские мотивы.

Естественно, «западническая» часть советского истеблишмента, особенно начиная с 60-х годов, в большей степени настаивала на необходимости «мирного сосуществования» с «капиталистическим миром» (Западом), в то время как «славянофильская» часть подчеркивала непримиримый характер исторического противостояния между «социалистической системой» и

«странами капитала». Прозападно ориентированная часть советских лидеров одержала победу в бюрократических битвах к концу 80-х годов, сформировав авторитетное окружение тогдашнего генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) Михаила Горбачева.

Впрочем, к этому времени дискуссия между западниками и славянофилами в советском обществе уже вышла за пределы коридоров Кремля и Старой площади, где располагалось здание аппарата ЦК КПСС. Эта дискуссия наполнила литературу, публицистику, пространство средств массовой информации. Писатели-«почвенники», в 70-е годы впервые обратившиеся к немарксистской интерпретации русских национальных ценностей, в период перестройки уже не стеснялись говорить о преступлениях тоталитарного режима, снискав широкую общественную поддержку и вызвав противодействие «западнического» крыла. В течение длительного времени новые западники и новые славянофилы соревновались в обличении прежнего государственного строя и коммунистической идеологии. Обе стороны обвиняли Запад в попустительстве тоталитаризму в СССР.

Впрочем, когда советский режим пал и его критика потеряла актуальность, — выяснилось, что опыт общенациональной дискуссии об отношении к Европе и миру по большому счету отсутствовал, поскольку в течение нескольких десятилетий эта дискуссия проходила лишь в виде кулуарных обсуждений и подкованной борьбы. Именно поэтому новые западники и новые славянофилы, соревнуясь на общественном ринге, во многом вернулись как к исходной точке к досоветскому состоянию исторического спора, оставленного без разрешения в 1917 году и с тех пор публично продолжавшегося лишь в теоретических изысканиях интеллектуалов-эмигрантов. В России начали массовыми тиражами переиздаваться работы дореволюционных и эмигрировавших религиозных философов и политических публицистов, создаваться партии, аналогичные по названию досоветским. Политики и журналисты начали весьма часто использовать в своих заявлениях аргументы, напрямую заимствованные у своих идеологических предшественников конца XIX — начала XX века. Данная ситуация, при некотором спаде накала политических страстей, продолжается и поныне, причем последние годы породили немало самостоятельных глубоких мыс-

лителей, наследующих западническим и славянофильским традициям. Эти традиции четко прослеживаются и в подходе многих действующих российских политиков к различным вопросам экономики, безопасности, международной жизни, общественной нравственности, политической философии.

Необходимо заметить, что возрождение исторического публичного спора между российскими западниками и славянофилами происходило на фоне двух сильных колебаний маятника общественного мнения. Сначала, в конце 80-х — начале 90-х годов, общество охватил небывалый взрыв энтузиазма по отношению к Западной Европе и Соединенным Штатам. Западный образ жизни, экономически эффективный и долго игравший в СССР роль лакомого запретного плода, стал восприниматься как идеальный. Зарубежные советчики, как некогда при Петре, получали возможность беспрепятственно вмешиваться в русские дела. Контакты с Западом в любых областях, включая религиозную, носили восторженно-дружеский характер.

Однако через два-три года энтузиазм сменился реалистическим отношением к Западу, иногда граничащим с недоверием и даже враждебностью. В какой-то мере это было неизбежно, поскольку придуманного закрытым советским обществом «идеального Запада» на деле не существовало, и рано или поздно постсоветское общество должно было это понять. Но были и другие, объективные причины. Благосклонное отношение Запада к распаду СССР болью отозвалось в сердцах тех, кто воспринимал это государство как основу своей национальной идентичности, и особенно этнических групп, в одночасье обнаруживших себя в положении гонимых национальных меньшинств в новых государствах. Советы западных специалистов во многом оказались в России неэффективными и даже контрпродуктивными, что вызвало справедливую критику. Открытие границ привело на постсоветское пространство большое количество второсортных авантюристов от бизнеса, политики, культуры и религии. Наконец, западная культурная экспансия, не в последнюю очередь осуществлявшаяся силами миссионеров, проводилась столь грубыми и бесцеремонными методами, что вызвала вполне закономерное отторжение и стремление к противодействию.

Таким образом, к настоящему времени в среде постсоветских обществ, немалую часть которых составляют активные православные верующие, сложилась весьма непростая социопо-

литическая и культурно-психологическая ситуация, влияющая на перспективы вовлечения России и других стран Содружества Независимых Государств (СНГ) в общеевропейские интеграционные процессы.

2. Русская Православная Церковь и современные общеевропейские процессы

Имея в виду вышесказанное, Русская Православная Церковь стремится осмысливать общеевропейские процессы и присущими ей средствами участвовать в них, учитывая как богозаповеданную миссию созидания мира и единства, так и волю своих верующих в их отношении к данным процессам, продиктованную сложной историей и реалиями сегодняшнего дня. При этом необходимо учитывать, что сегодня больше половины приходов Русской Православной Церкви с десятками миллионов верующих находится вне пределов Российской Федерации, в странах, имеющих неодинаковые отношения с европейскими международными структурами.

Для нашей Церкви бесспорно, что сближение народов, созидание между ними мира и согласия, повышение уровня их общения и взаимодействия являются благом. Ибо Господь сказал: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18); «Старайтесь иметь мир со всеми» (Евр. 12:14). Известны многие положительные итоги начавшейся европейской интеграции, такие, как открытие границ между некоторыми государствами, усиление международного сотрудничества в экономической, политической, военной областях, в сферах науки, образования, культуры, межконфессионального и межрелигиозного диалога, совместного участия стран и народов в общемировых процессах.

В то же время очевидно, что для нашей Церкви — не только в силу исторических и современных обстоятельств, но и в силу ее долга сохранять уникальность и неповторимость личности, семьи, народа, исконные духовные традиции окормляемых ею наций и этнических групп — отношение к процессам европейской интеграции и участие в этих процессах неразрывно связано с заботой о сохранении и развитии национальной самобытности каждого народа, вовлеченного в эти процессы. Это особенно актуально для православного сознания, если учесть

уже упомянутые конфессиональные границы в Европе, имеющие не только чисто вероучительное, но и культурное измерение. Возможность утраты отеческой веры и исконных культурных средств ее выражения никогда не станет для православных допустимой ценой интеграции с кем бы то ни было — можно по-разному относиться к этой реальности, но ее непреложность многократно доказана историей.

Не могут не вызывать озабоченности некоторые сохраняющиеся в Европе разделительные линии, оставшиеся после «холодной войны» и других, более ранних исторических разделений уходящего века. Сегодня ушло в историю радикальное противостояние Востока и Запада, еще недавно служившее главным фактором раскола Европы. Однако нельзя думать, что окончание «холодной войны» автоматически устраняет множество экономических, социальных, культурных, политических и психологических различий, оставшихся от недавнего прошлого, а также унаследованных от более давних времен.

Негативным явлением, в значительной мере провоцирующим только что названные проблемы, является сохраняющаяся ограниченность доступа некоторых стран и народов Европы к механизмам принятия международных решений, от которых зависит европейская политика, в частности, в области безопасности. Данная проблема становится не только политической, но и нравственной. В самом деле, весьма трудно объяснить общественности ряда стран, почему некоторые организации, принимающие на себя роль определителей судеб всех без исключения наций континента в области политики, экономики и безопасности, не обеспечивают адекватного представления интересов некоторых народов в решении в том числе их собственной судьбы. В этой связи глубоко не случайна озабоченность, например, расширением на Восток НАТО и попыткой этой организации заявить о себе как о структуре, контролирующей всеевропейскую безопасность.

Определенную нравственную проблему создает и факт утверждения в качестве общеевропейских законодателей политических мод организаций, созданных исключительно на основе западных стандартов и требующих безоговорочного принятия этих стандартов при вступлении новых членов, возможность влияния новых на новую архитектуру этих организаций, форми-

рующуюся по мере их расширения, весьма ограничена, если вообще возможна.

В определенной мере вышеупомянутая озабоченность может сниматься созданием сильных и эффективных субрегиональных организаций, среди которых — Содружество Независимых Государств (СНГ) и Союз России и Беларуси, имеющий сегодня неплохие перспективы расширения. Поддерживая интеграционные процессы в рамках этих структур, как и всякое стремление народов к единству, наша Церковь рассматривает их как наиболее реалистическую форму преодоления межэтнических и политических противоречий, возникших после распада СССР, а также как действенный механизм реализации солидарного участия народов постсоветских стран в общеевропейских процессах.

Одним из важных документов церковного Священноначалия, отражающих взгляд Русской Православной Церкви на перспективы и проблемы европейской интеграции, стало приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам Международной конференции парламентариев «Новая архитектура безопасности в Европе и НАТО» (Москва, 16 апреля 1998 года). Отвечая на насущные вопросы, которые ставит перед нашей Церковью собственная паства и светская общественность, Его Святейшество сказал:

«Шаги европейских народов навстречу друг другу воспринимаются нами как явление глубоко положительное. В то же время сохраняются многие прежние средостения, а подчас вводятся новые. По-прежнему существуют и даже расширяются военные блоки, созданные в период холодной войны и в определенной степени унаследовавшие ее дух и ее идеологию. Многие страны и народы не чувствуют себя в достаточной степени способными влиять на механизмы определения общеевропейской политики... "Железный занавес" на нашем континенте подчас сменяется "серебряным".

Если мы хотим жить вместе, жить в мире и безопасности, жить так, чтобы каждый человек и каждый народ имели гарантии справедливого учета своих законных интересов,— принципы общеевропейского строительства должны нравственно обновиться. Жизненно необходимо, чтобы на "семейных советах" европейского дома каждый имел право голоса и никто не оказался бы лишенным участия в процессе принятия решений. Это особенно важно в сфере безопасности и военно-политических

вопросов, ведь каждый народ должен иметь уверенность, что его судьба не будет решаться кем-то помимо его воли» (8, 11).

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, состоявшийся 18—23 февраля 1997 года, положительно оценил «развитие сотрудничества Русской Православной Церкви с международными межправительственными организациями» (9, 140). Выступая на этом Соборе с обширным докладом, Святейший Патриарх Алексий II, в частности, сказал: «Развивалось наше сотрудничество с межгосударственными организациями, такими, как Организация Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы... Мы с удовлетворением воспринимаем возросший интерес межправительственных организаций к вкладу религии в международные процессы, к проблемам, существующим в религиозной области, к вопросам свободы вероисповедания, что дало возможность представителям нашей Церкви принять участие в целом ряде важных мероприятий. Мы также благодарны этим организациям за содействие Русской Церкви в ее миротворческих усилиях» (9, 84—85).

Наша Церковь стремится к сотрудничеству с европейскими международными организациями как неправительственная сила, сознающая свою ответственность перед Богом и историей за духовно-нравственное состояние ряда народов, исторически живущих на пространстве нынешнего СНГ и имеющих обширную диаспору. Русская Церковь строит взаимодействие с общеевропейскими структурами, отдавая себе отчет в своем уникальном духовном, культурном и общественном потенциале на значительной части континента, в том числе потенциале моральном и миротворческом. Все это позволяет ей вести диалог с международными организациями без посредников и в то же время открывает широкие возможности для соответствующего взаимодействия с правительствами различных государств и с неправительственными организациями, в первую очередь христианскими и религиозными, вносящими специфический религиозный вклад в общеевропейские процессы.

За последнее время успешно складываются контакты с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в области содействия урегулированию локальных конфликтов и глубокого изучения конституционных, законодательных и административных аспектов свободы совести, а также соответ-

вующих аспектов церковно-государственных отношений. ОБСЕ воспринимается как международный форум, достаточно адекватно учитывающий интересы всех народов Европы. На его деятельность накладывает положительный отпечаток тот факт, что при его создании имел место отказ от утверждения одной частной системы политических ценностей как универсальной. Представляется важным утверждение и расширение роли ОБСЕ в Европе, особенно в сфере безопасности и разрешения локальных конфликтов.

Положено начало контактам нашей Церкви с Советом Европы (СЕ). Несмотря на то, что стандарты и философия СЕ сформировались на преимущественно западной основе и нет оснований считать положительным явлением отсутствие принципиальной реформы этой организации при принятии в нее стран с незападными культурными и политическими традициями, — СЕ имеет немалые исторические заслуги и серьезный потенциал в деле нахождения и утверждения оптимальных для Европы стандартов прав человека, законодательного ответа на многие новые вопросы, которые ставит перед народами Европы наше время. При этом крайне важно, чтобы народы Центральной и Восточной Европы участвовали в деятельности СЕ и в принятии там решений как полностью самостоятельные культурно-исторические общности, у которых есть что сказать остальной Европе. Будущее СЕ как механизма, пользующегося доверием народов, во многом зависит от исключения между ними отношений «студент-профессор», предполагающих наличие «более» и «менее» прогрессивных исторических культур и традиций и провоцирующих принятие решений, противоречащих воле народов.

Имеют место первые контакты со структурами Европейского Союза (ЕС). Эта организация, достигшая общеизвестных успехов в интеграции Западной Европы, имеет богатый потенциал экономического, социального и политического влияния на процессы на всем континенте. Не может не вызвать интереса опыт взаимодействия с ЕС Православных Церквей, Римско-Католической Церкви, протестантских Церквей и различных христианских организаций Западной Европы, к которому сейчас присоединяются Церкви Центра и Востока континента. В то же время думается, что экономические критерии членства различных стран в Европейском Союзе не должны создавать оснований для

того, чтобы страны, пока не удовлетворяющие этим критериям, чувствовали себя лишенными возможности участвовать в принятии политических решений, затрагивающих их интересы. Вопрос о полномочии организации, имеющей экономические критерии членства, принимать политические решения, значимые не только для ее членов, но и для всех народов Европы, — нуждается в самом серьезном обсуждении.

В заключение позволим себе привести слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, адресованные уже упомянутой конференции европейских парламентариев: «По слову апостола Павла, "будем искать того, что служит к миру" (Рим. 14:19). И пусть объединятся усилия всех, кто стремится созидать жизнь европейского континента на основе справедливого и взаимопользительного международного обустройства» (8, 15).

Литература

1. В. С. Соловьев. Национальный вопрос в России. Россия и Европа. В кн.: В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., 1989.
2. В. С. Соловьев. Мир Востока и Запада. В кн.: В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1989.
3. В. С. Соловьев. Краткая повесть об Антихристе. Цит. по: Из русской думы. Т. 2. М., 1995.
4. Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Цит. по: Из русской думы. Т. 1. М., 1995.
5. К. Н. Леонтьев. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. Цит. по: Из русской думы. Т. 1. М., 1995.
6. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1877 год. Мы в Европе лишь стрючки. Полное собрание сочинений. Т. 25. Л., 1983.
7. Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
8. Информационный бюллетень Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата № 4, 1998.
9. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (Москва, 18-23.02.1998). Документы и материалы. М., 1997.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

От редакции

Вниманию читателей журнала предлагается публикация очередной подборки официальных документов Русской Православной Церкви по проблемам церковно-государственных и церковно-общественных отношений в новейший период российской истории.

Год 1995 в жизни страны был ознаменован полувековым юбилеем Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Этому великому событию посвящен ряд специальных обращений Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, тексты которых вошли в корпус ныне публикуемых документов Церкви.

Год 1995 стал также временем созыва и проведения под духовным водительством Русской Православной Церкви II Всемирного Русского Собора. *«Кризисные явления в жизни России и ближнего зарубежья, где живут миллионы русских, побуждают задуматься о причинах поразивших нас бед. Многие сегодня согласятся, что одной из таких причин — а может быть, и главной из них, — является образовавшийся в обществе духовный вакуум. Наивно думать, что он может существовать вечно... И он уже заполняется разрушительными влияниями, могущими ввергнуть общество в пучину расколов, вражды, порока, безумия и самоуничтожения»,* — пророчески свидетельствовала Церковь устами своего Предстоятеля при открытии ставшего к тому времени традиционным Всемирного Русского Собора.

Процессы экономического, нравственного и духовного обнищания общества, и прежде вызывавшие острую тревогу Церковной Полноты, к исходу следующего, 1996 года, обозначились с пугающей отчетливостью. Это побудило Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священный Синод Русской Православной Церкви обратиться 28 декабря 1996 года к стране и народу с Заявлением, посвященным анализу сложившейся ситуации. В этом документе с необычайной силой и определенностью сформулирован взгляд Церкви и на причины и

обстоятельства постигших наше Отечество бедствий, а также изложено православное видение путей выхода из кризиса. *«Что пользы говорить о свободах и преимуществах демократии, когда люди страдают от голода, нищеты, социальной незащищенности?»*, — задается горьким, но столь насущным для миллионов наших сограждан вопросом Церковь, ныне, как и всегда, выступающая ходатаицей пред властью за участь обездоленных и страждущих.

Ныне публикуется также подборка документов, посвященных проведению в Москве Второй Межконфессиональной Конференции *«Призваны к одной надежде в союзе мира (Еф. 4:3—4)»*. *«Участники конференции свидетельствуют единство в убежденности, что их совместные труды по преодолению проблем современного общества, а равно усилия по установлению добрых взаимоотношений между христианами разных исповеданий, весьма полезны для свидетельства Истины Христовой разделенному миру»*, — говорится в Итоговом документе этого представительного межхристианского форума.

Заявления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи с братоубийственными акциями в зоне Балканского кризиса, а также в связи с вооруженным противостоянием в Чечне и захватом заложников на Северном Кавказе, к глубокому сожалению, донныне не утратили своей актуальности и читаются, словно послания в день нынешний. Так соборным разумом Церкви не только прозреваются опасности личности и общества противостоять злу. Ибо веруя, что *«Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же»* (Евр. 13:8), мы должны быть готовы к тому, что и деяния врага нашего спасения неизменно будут направлены на погубление человека и мира. Дистанция во времени, отделяющая нас от тех событий социально-политической и духовно-нравственной жизни, по поводу которых Русская Церковь сочла насущным высказать свое суждение несколько лет назад, подтверждают это со всей очевидностью.

*Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ*

СЛОВО
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И
ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II
ПРИ ОТКРЫТИИ
II ВСЕМИРНОГО РУССКОГО СОБОРА
1 февраля 1995 г.

Уважаемые представители высших органов законодательной
и исполнительной власти Российской Федерации!
Преосвященные архипастыри, дорогие отцы, братья и сестры!

Я рад приветствовать вас, прибывших в это историческое место на II Всемирный Русский Собор, проведение которого становится уже доброй традицией. С чувством глубокого удовлетворения свидетельствую, что за прошедшее с I Собора время работа постоянно действующих соборных организмов не прекращалась, но постоянно совершенствовалась. И по мере углубления трудов выявилось то главное, что должно, как думается, быть сегодня их средоточием, — возрождение в народе нашем веры православной, воссоздание подлинной церковности.

Кризисные явления в жизни России и стран ближнего зарубежья, где живут миллионы русских, побуждают задуматься о причинах поразивших нас бед. Многие сегодня согласятся, что одной из таких причин — а может быть, и главной из них, — является образовавшийся в обществе духовный вакуум. Наивно думать, что он может существовать вечно. Наоборот, чем дольше мы находимся в состоянии вакуума, — тем глубже порождаемые им проблемы и тем острее духовная жажда, которая от безысходности принимает порой искаженные формы, понуждая людей в отчаянии пить из вредоносных, отравленных источников. Другими словами, духовный вакуум неизбежно будет заполнен. И он уже заполняется разрушительными влияниями, могущими ввергнуть общество в пучину расколов, вражды, порока, безумия и самоуничтожения.

Вот почему Святая Церковь желает помочь людям выбрать-ся из бездны духовной пустоты и обрести смысл бытия в истинной вере Христовой.

В известной евангельской притче Господь Иисус сравнил человека, слушающего Его слова и исполняющего их, со строителем, «который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне» (Лк. 6:48). Далее в этой же притче говорится: «А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое» (Лк. 6:49).

Не о нас ли эти слова? Опыт Церкви показывает: ничто не спасет от разрушения здание народной жизни, если оно не будет основано на твердом камне веры в Господа Иисуса Христа — Спасителя нашего и Подателя всех истинных благ. Связь с Живым Богом есть стержень жизни всякого христианина, стержень жизни Церкви. Значение этой связи несопоставимо со всеми земными делами, и поэтому святитель Игнатий Брянчанinov имел все основания сказать, что человечество на Земле должно странствовать, «не прилепляясь сердцем ни к каким предметам, которыми обставлена эта гостиница, но непрестанно помышляя о горнем своем отечестве и всеусильно стремясь возвратиться в него».

Однако вместе с тем наша вера, наш религиозный долг немислимы без служения ближним, то есть всем людям, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Не случайно в уже приведенной притче Господь говорит не просто о слушающих, но об исполняющих Его слова. «Вера без дел мертва», — читаем у апостола Иакова (Иак. 2:26). И если мы не проявляем действенной, жертвенной любви к каждому конкретному человеку, к обществу, к народу, — значит, нет в нас подлинной веры, подлинного желания идти за Христом, к сколь бы трудному подвигу Он ни призвал нас. Скажу больше: наши земные дела будут иметь настоящий, а не призрачный и не ложный успех только тогда, когда будут освящены верой.

Итак, я глубоко убежден, что нам не воскресить нашей страны и нашего народа без нового пробуждения горячей, искренней веры в сердце каждого русского человека, без возвра-

щения к исконной основе нашего бытия — Святому Православию.

Думаю, что большинство из нас согласится с этим. Но, наверное, мы сделали уже достаточно взаимных заверений в желании помочь духовному возрождению Отечества. Ныне каждый из нас — епископ или инок, пастырь или поэт, предприниматель или политик, воин или рабочий, ученый или землепашец, — будучи членом Церкви, должен знать, что именно его Господь призывает потрудиться на святой ниве Христовой. Тем более что жизнь открыла нам неисчерпаемые возможности, и, как бы ни было трудно, сколько бы ни встречали мы противодействия, — проповедь наша и труды наши расширяются, и никто уже не сможет вернуть Церковь в прежнее стесненное состояние.

Однако горе нам, если мы не утолим духовной жажды людей. Прошедший недавно Архиерейский Собор Русской Православной Церкви не напрасно призвал Полноту церковную приложить все силы для миссионерского и просветительского дела в среде нашего народа. Причем православная миссия должна быть не только словесной проповедью, но и свидетельством о Христе каждым днем нашей жизни, протекающей во всех сферах и измерениях бытия страны и общества.

В этом смысле мне хотелось бы, чтобы открывающийся ныне II Всемирный Русский Собор имел бы ту же задачу, что и Собор наших иерархов, помог бы пастырям и мирянам Церкви Русской осуществить столь потребную сегодня проповедь Православия словом и делом, своей жизнью на благо наших соплеменников.

Господь да пребудет с вами и да увенчает Он успехом работу Собора. «Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор. 15:58).

**ОБРАЩЕНИЕ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II
В СВЯЗИ С ПРАЗДНОВАНИЕМ ДНЯ ЗАЩИТНИКА
ОТЕЧЕСТВА
23 февраля 1995 года**

Дорогие братья и сестры — воины Российской армии и флота, ветераны боев и ратного труда, соотечественники!

Я счел особенно необходимым обратиться к вам в этот день именно в нынешнем году, ибо, во-первых, это год пятидесятилетия славной Победы в Великой Отечественной войне, а, во-вторых, наша страна и особенно ее воинство переживают весьма трудные времена.

Недавняя история, в первую очередь — летопись последней войны, показывает нам, сколь высок и величествен воинский подвиг. На примере наших героических предков мы видим и то, что принесение себя в жертву невозможно без глубокого нравственного чувства, заложенного в сердце человека. Только человек, всей душой, без колебаний осознающий, что служит Отечеству, защищает свою семью, своих близких, свой народ, охраняет мир, свободу, саму жизнь Родины, — может смело пожертвовать собственной жизнью.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Помня эти слова Христовы, Церковь благословляет ратный подвиг и молится за людей, взявших в руки меч, чтобы быть Божиими слугами, поставленными мирным людям на добро и на отмщение делающим злое (см. Рим. 13:4).

Святая Церковь искренне желает, чтобы в нашем обществе возродилось истинное уважение к воинству, понимание тягот и трудностей, переживаемых армией России. Не дай Бог, чтобы на солдат и офицеров, честно исполняющих свой долг перед Родиной, пала тень от несправедливых действий политиков, и чтобы армия оказалась вовлечена в опасную для народа политическую вражду. Церковь глубоко обеспокоена тем, что многие молодые

Документы

люди сознательно избегают воинской службы, что стало одним из серьезнейших признаков нравственного оскудения общества. Пусть служба в армии — долг и обязанность каждого сына Отчизны — будет подлинным подвигом, несомым с честью и радостью, не омраченным никаким безнравственным или преступным поступком со стороны самого воина, его руководителей или сослуживцев.

Господь да хранит российское воинство, да пребудет с ним на полях сражений и в мирном, созидательном труде.

С праздником вас, дорогие защитники Отечества, дорогие сограждане! Бог вам на помощь!

**ПОСЛАНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
И СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СВЯЗИ С 50-ЛЕТИЕМ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Возлюбленные Преосвященные иерархи,
боголюбивые отцы, дорогие во Христе братья и сестры!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Пятьдесят лет минуло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война, как наступил мир на земле нашего Отечества.

Казалось бы, полвека — достаточный срок для того, чтобы ослабла народная память о войне. Но мы видим, с каким вниманием и с каким глубоким чувством миллионы людей в странах, где служит Богу наша Церковь, относятся к нынешнему юбилею.

И это неудивительно. Ведь до сих пор живы участники и свидетели славных ратных и трудовых свершений нашего народа, до сих пор не заросли военные раны в народной душе, до сих пор многие семьи оплакивают потерю родных и близких. Более того: пока народ любит свою Отчизну, пока он чувствует

причастность к своей истории, пока хранит он свое истонное достоинство — время не властно над памятью народной. Какой бы срок ни отделял нас от дня великой Победы, это событие всегда будет с нами, всегда будет частью нашей жизни, всегда будет нашей честью и славой. И как бы ни старались легкомысленные или злонамеренные люди опорочить свершения нашего народа в той войне, как бы ни оценивали ее некоторые политики и публицисты — она всегда будет для нас священной, ибо с этой войной и с этой Победой связана память о миллионах наших соотечественников, миллионах людей во всем мире, послуживших Богу и ближнему даже до смерти или павших невинными жертвами злой воли.

Подвиг павших, душу свою положивших за други своя (см. Ин. 15:13), воистину бессмертен — бессмертен в очах Божиих и в людской памяти. Принеся себя в жертву за жизнь, свободу и достоинство ближнего, убиенные на поле брани воины стяжали на Небесах великую награду. Мы станем свидетелями этой награды при воскресении мертвых, по слову апостола Павла: «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:54—55).

Великая Отечественная война была не просто грандиозным сражением армии. Это была и духовная битва, в которой, если говорить словами Ф. М. Достоевского, диавол боролся с Богом. Полем же сей битвы было многонациональное наше Отечество. Отнюдь не случайно Великая Отечественная война началась в день, когда Русская Православная Церковь праздновала память всех святых, в земле Российской просиявших, а закончилась ко дню памяти св. Великомученика Георгия Победоносца, покровителя града Москвы, в светлые пасхальные дни.

Церковь верует, что в ту войну на помощь русскому солдату пришли Сам Господь и Пречистая Его Матерь, все небесные молитвенники за землю нашу, ее покровители и заступники — св. воин-мученик Георгий Победоносец, святые страстотерпцы Борис и Глеб, благоверные князья-полководцы Александр Невский и Димитрий Донской, преподобный Сергей Радонежский, воины-схимники преподобные Александр Пересвет и Родион Ослябя, Всероссийские Первосвятители Гермоген и Тихон, равно как и многие другие подвижники благочестия, ведомые нам и

Документы

неведомые. Чудеса Божии, совершавшиеся по молитве верных чад церковных, во множестве совершались над русской ратью.

В войне было много потерь и страданий, много было пролито крови и слез. Но они не прошли бесследно, ибо из Священного Писания мы знаем, что кровь праведника вопиет к небу (см. Быт. 4:10). Посему принял Господь молитвы людей Земли Русской и даровал нашему многострадальному народу великую пасхальную радость мира.

Победа, юбилей которой мы ныне празднуем, является не только фактом истории. Она имеет огромное значение для нас, ныне живущих. «Не в силе Бог, а в правде», — сказал святой благоверный князь Александр Невский. Сила Божия была с народом нашим потому, что мы боролись за правду, и потому, что Господь увидел дух народа, сплотившегося воедино ради защиты жизни и мира вопреки господствовавшей тогда в стране идеологии атеизма и тоталитаризма. Разве это не пример для нынешних поколений, живущих в условиях многочисленных военных конфликтов, экономической разрухи, разгула преступности, кризиса государственной власти? Церковь надеется и верит, что люди и сейчас сплотятся в стремлении возродить силу народную. Пусть же Победа, одержанная нами полвека назад, будет прообразом преодоления многочисленных трудностей дня сегоднешнего, прообразом избавления от постигших нас бед.

Пусть весь народ наш трудится ради общего мира и процветания. В этом богоугодном и благородном стремлении ему всегда будет сопутствовать Святая Православная Церковь, прошедшая с ним всю тысячелетнюю историю Святой Руси, познавшая горести и радости, разочарования и успехи народа. Вот почему сегодня так насущно звучат слова Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского Сергия, сказанные им 22 июня 1941 года: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь».

Празднуя день Победы, каждый из нас вспоминает о том великом подвиге, который совершило в годы войны наше воинство — наши полководцы, офицеры, простые солдаты и матросы, на плечи которых легла основная тяжесть военного бремени. Современное состояние Вооруженных Сил и, самое главное, духовно-нравственный климат среди военнослужащих — долж-

ны иметь приоритетное значение для государства и общества. Ратное служение Отчизне надобно воспринимать не только как долг перед Родиной, но и как действительно почетную обязанность каждого гражданина.

Дорогие Преосвященные Владыки, отцы, братья и сестры! Поздравляем всех вас, и прежде всего тех, кто воевал на полях сражений и героически трудился в тылу, с великим днем Победы! Здоровья всем вам, мира и помощи Божией во всяком добром деле!

Воистину Воскресе Христос!

**РЕЧЬ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ВСТРЕЧЕ В КРЕМЛЕ
8 мая 1995 г.**

Ваши Превосходительства,
уважаемые руководители Государства Российского,
стран ближнего и дальнего зарубежья!
Дорогие братья и сестры, друзья!

Лет двадцать тому назад на одном международном миротворческом конгрессе Константин Михайлович Симонов спросил: а нужно ли спустя десятилетия писать о войне? И ответил: нужно. Нужно, чтобы новые поколения не забыли военных лет и смогли извлечь из них для себя уроки.

Вспоминая Великую Отечественную, воздавая дань памяти и славы ее воинам, я вспоминаю и эти слова писателя. Какой урок дает та война нам, живущим в столь непростое и бурное время?

Каждый, наверное, ответит на этот вопрос по-своему. Я же всей душой убежден: те годы дали нам урок единства, урок взаимопомощи, урок жертвенной любви, для которой не существовало ни этнических, ни политических, ни узко-национальных, ни личных раздоров, обид и амбиций.

Мы имели общую беду и общую надежду, общую скорбь и общую радость Победы.

Документы

И сейчас мое сердце согрето тем, что в юбилейные дни эта скорбь и эта радость вновь объединили нас поверх розни мира сего — объединили ветеранов из стран, некогда составлявших Советских Союз, и представителей многих народов, бывших нашими соратниками на полях Второй Мировой.

Так пусть же этот светлый момент единения не забудется нами завтра. Пусть Господь поможет нам обновить взаимоотношения между народами стран Содружества Независимых Государств, которые да преодолеют горькие плоды недавней истории, да простят друг друга и да помогают один другому во всем. Пусть узы дружбы неизменно соединяют народы Европы и мира, вместе одолевшие страшную опасность — нацизм. Пусть больше никогда и нигде не найдется почвы для пагубных всходов фашизма и агрессивного национализма, снова тревожащих нас сегодня.

Закончу словами библейского пророка: «Равняйте, равняйте дорогу, уберите камни, поднимите знамя для народов» (Ис. 62:10).

С праздником вас, дорогие ветераны, уважаемые государственные лидеры, нынешние и будущие воины, все участники настоящего торжества! Мира вам, благоденствия, помощи Божией в трудах на благо Отечества нашего!

ОБРАЩЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II К УЧАСТНИКАМ ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ НА ГОРОД БУДЕННОВСК И ОТВЕТСТВЕННЫМ ЗА ЭТУ АКЦИЮ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

К моей глубокой скорби, голос духовных руководителей России и Чечни с призывом к немедленному прекращению кровавого противостояния и к мирному урегулированию конфликта остался неслышанным. Кровопролитие продолжается и приобретает новые формы. Очередной взрыв ненависти, каким является нападение на город Буденновск и какой порожден стремлением решить конфликт путем убийства, побуждает меня к этому обращению.

Я взываю к участникам вооруженного нападения на город Буденновск и ответственным за него с призывом немедленно прекратить смертоубийство граждан и немедленно освободить всех заложников. Использование священного дара жизни непричастных к конфликту мирных людей ради достижения военных или политических целей преступно не только с точки зрения норм нравственности, проповедуемых как исламом, так и христианством, но и с позиций нерелигиозного взгляда на судьбу человечества. Беспристрастное понимание исторического процесса со всей очевидностью свидетельствует о неизбежном крахе надежд тех, кто в своих интересах прибегает к подобным бесчеловечным методам. Такой путь поистине безумен.

Я взываю к лицам, захватившим и задерживающим заложников, не причинять им вреда и отпустить всех. Сотрудников правопорядка и военнослужащих России я прошу в эти ответственные часы и дни не поддаваться эмоциям и учитывать право каждого человека на беспристрастный и справедливый суд по закону.

Молюсь Всевышнему о Его всемогущей помощи умиротворению всегубительного конфликта.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси

Москва

утро 15 июня 1995 года

**ЗАЯВЛЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II
ДЛЯ ПЕРВОГО КАНАЛА ОБЩЕСТВЕННОГО
РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ**

В моем утреннем обращении от 15 июня к участникам вооруженного нападения в Буденновске я, среди иного, напомнил и о том, что использование жизни людей ради достижения военных или политических целей преступно и безумно.

Я просил отпустить заложников и решить проблемы по закону.

Документы

Я рад, что большинство заложников отпущены, но с нетерпением жду освобождения оставшихся и завершения этой трагедии без новой крови.

Скорбя о пролитой в этой войне и в связи с этой войной крови, я в то же время вижу знак надежды в том, что со стороны властей Российской Федерации проявлено новое качество решительной мудрости, исходящее из признания того, что священный дар жизни человеческой для государства превышает все.

Надеюсь, что в том же духе миролюбия сейчас возможно будет решить и весь комплекс конфликта вокруг Чечни.

Выражаю глубокое соболезнование всем, кто лишился родных и близких.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси

20 июня 1995 г.

г. Москва

К ТРАГИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

9 августа 1995 года святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II выступил с заявлением в связи с положением на территории бывшей Югославии. Ниже текст этого заявления приводится полностью:

«На земле бывшей СФРЮ продолжает усиливаться вооруженное противостояние. Враждующие стороны — сначала сербы Боснии, а затем, проявив неоправданную жестокость, хорватские власти — вновь перешли к наступательным действиям. В итоге в массовом масштабе поправаны и попираются права мирного населения, совершены и совершаются этнические чистки, сотни тысяч людей оказались на положении беженцев и заложников, а многие были убиты или ранены. При этом необходимо заметить, что одной из причин обострения обстановки стали действия боснийских мусульман, использовавших для ведения боевых действий так называемые демилитаризованные зоны.

Сознавая все эти действия греховными и преступными, я одновременно скорблю о жертвах и лишениях, понесенных сербским, хорватским и боснийско-мусульманским народами. Особо тревожит и меня, и всю нашу Церковь совершающаяся катастрофа общеевропейского масштаба — изгнание с мест исторического проживания около 200 тысяч сербов, что является тяжким преступлением, которое нельзя оправдать никакими политическими и национальными соображениями. С ужасом мы слышим сообщения о сопровождающих изгнание расстрелах колонн беженцев и сербских солдат, сдавшихся в плен, что попирает все международные соглашения и является тягчайшим грехом, неприемлемым ни для какой религии.

“Горе городу нечистому и оскверненному, притеснителю! Не слушает голоса, не принимает наставления, на Господа не уповает, к Богу своему не приближается” (Соф. 3:1—2). Все народы, от имени которых совершается подобное, должны остановить безумцев в своей среде и вновь проявить волю к миру, иначе опасность многократного расширения югославского конфликта станет реальностью. Выражая свое сострадание Святейшему Патриарху Сербскому Павлу, я прошу его сделать все возможное для возвращения его пасомых на путь мира. К этому же призываю Архиепископа Загребского кардинала Кухарича и духовных лидеров боснийских мусульман, дабы жертвы их народов, о которых я равно скорблю, не умножались более. Выражаю готовность приложить любые усилия, чтобы умножить религиозный вклад в дело примирения.

Меня, как и многих моих пасомых, весьма удивила крайне предвзятая позиция некоторых политиков в отношении трагедии сербского населения, совершающейся на глазах всего мира. Попытка оправдать действия хорватской стороны и счесть их приближающими мирное решение вопроса, соединенная с совершенно предвзятым отношением к другой стороне конфликта, — есть один из наиболее ярких примеров “двойного стандарта” в политическом мышлении. Мир может быть только справедливым. Уничтожение и изгнание со своей земли огромного количества мирных людей никогда не станет шагом к миру, но породит лишь еще большее ожесточение, грозящее взорваться новым насилием.

Полагаю, что лучшим средством преодоления кризиса должен быть диалог, направленный на то, чтобы исправить, нако-

Документы

нец, несправедливости, заложенные прежним югославским правительством в устройство жизни этнических групп на земле бывшей СФРЮ. И мировое сообщество, ранее поспешно признавшее административно-территориальные границы республик СФРЮ в качестве межгосударственных, что во многом послужило нагнетанию обстановки, должно сегодня искупить свою вину, содействуя данному процессу. Именно в этом я вижу смысл и надежду на успех намечающейся встречи лидеров Югославии и Хорватии в Москве, равно как и других переговорных усилий.

Молюсь и призываю молиться свою паству, всех христиан мира о примирении враждующих на Балканах. Да возвратит Господь согласие и братство на эту прекрасную землю. Да отрет Он слезы страждущих, да остановит руку, взявшую меч, да устроит жизнь славянских народов Балкан в справедливости и мире. Ибо «мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин. 4:21).

Святейший Патриарх Алексий II направил письма Архиепископу Загребскому Франьо кардиналу Кухаричу и Святейшему Патриарху Сербскому Павлу в связи с событиями последних дней на территории, именуемой Сербской Краиной. Полный текст этих писем следует ниже:

«Его Высокопреосвященству, Франьо кардиналу Кухаричу, архиепископу Загребскому.

Ваше Высокопреосвященство!

Трагические события, происходящие в последние дни на территории, именуемой Сербской Краиной, повлекшие за собой многочисленные жертвы среди мирного населения, акты насилия и разрушения, побуждают меня обратиться к Вам с этим письмом.

Гибель мирных людей и наблюдателей ООН из Дании, Польши и Чехии, обстрел российских миротворцев, бомбардировки и обстрел колонн беженцев, массированные разрушения гражданских объектов с обеих сторон, — все это вызывает у нас глубокую скорбь. Особую нашу тревогу вызывают сообщения средств массовой информации о том, что десятки тысяч сербов, среди которых основную часть составляют мирные жители, оказались фактически блокированы между хорватскими и

мусульманскими войсками и подвергаются непрерывным обстрелам.

Несмотря на все призывы мирового сообщества к противоборствующим сторонам к политическому разрешению конфликта, на Балканах продолжает литься кровь братских славянских народов и огонь войны распространяется на новые территории. Существуют серьезные опасения, что вслед за военными действиями может последовать и “этническая чистка” тех сотен тысяч сербов, которые проживают в Хорватии.

В связи с этим прошу Ваше Высокопреосвященство употребить все Ваше влияние и авторитет как главы хорватских католиков, чтобы воспрепятствовать дальнейшей эскалации этого ужасного конфликта.

При всех планах и действиях политических лидеров нравственным долгом христиан остается постоянный призыв к взаимному прощению и согласию, к отвержению насилия, к мирному разрешению существующих межнациональных проблем. К этому призывает и трехсторонняя Сараевская Декларация, подписанная нами, а также Святейшим Патриархом Сербским Павлом, в мае прошлого года. В дни этих трагических событий мы усердно молимся, чтобы Господь даровал Свой мир многострадальной Балканской земле, чтобы католики, православные и мусульмане перестали убивать друг друга и чтобы, “направив ноги свои на путь мира” (Лк. 1:79), они смогли жить в мире, справедливости и любви».

«Его Святейшеству, Святейшему Павлу, Архиепископу Печскому, Митрополиту Белградо-Карловацкому, Патриарху Сербскому.

Ваше Святейшество, возлюбленный о Господе Брат!

Трагические события последних дней, несмотря на предпринятые недавно в Женеве усиленные попытки достичь путем политических переговоров желанного компромисса между официальными представителями Хорватии и Сербской Краины, потрясли всех нас и вызвали чувство горечи и глубокой озабоченности.

Конфликт, вызванный политической нестабильностью, национальной разобщенностью и утратой жизненно важных принципов богозаповеданного добрососедского бытия народов, населяющих Ваш регион, обрушил на многострадальный сербский

Документы

народ новые тяжкие испытания, ввергшие население Сербской Краины в страшный водоворот военного противостояния, сеющего всюду разрушения, породивший, как сообщают, двухсоттысячный поток беженцев, приведший к массовой гибели родных и близких. Тяжкое испытание, постигшее Ваш народ, побуждает нас перед лицом этого братоубийства со всеми его губительными последствиями обратиться к совести тех, кто должен нести за это ответственность, кто готовил и развязал эту богопротивную войну.

Вместе с Вашим возлюбленным Святейшеством и всею богоспасаемой сербской паствой, вместе со всеми, кому дорог мир в доме, стране и во всем мире, возвышаем голос протеста против решения вопроса военным путем и призываем ответственных политических деятелей остановить безумие страшного кровопролития и этнической чистки, сесть за стол мирных переговоров и найти силы для мирного взаимоприемлемого решения этой насущной проблемы.

Одновременно обращаюсь к Высокопреосвященному Кардиналу Франьо Кухаричу, подписавшему вместе с Вашим Святейшеством и мной Сараевскую Декларацию, с призывом употребить свое влияние и авторитет как главы католиков Хорватии, чтобы остановить эскалацию ужасного конфликта.

Всемилостивый Господь да упокоит в Своих небесных селениях души множества убиенных жертв происходящей трагедии и утолит муки страждущего в нем сербского народа.

Возносим усердные к Спасителю мира (1 Ин. 4:14) молитвы о скорейшем восстановлении мира в многострадальном регионе Сербской Краины и горячо желаем Вашей возлюбленной Святыне и всем чадам Сербской Православной Церкви крепости духовных и телесных сил в перенесении тяжких испытаний, выпавших на долю Вашего народа.

С неизменной о Христе братской любовью

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси»

**ЗАЯВЛЕНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II**

Благодарение Богу, переговоры в Грозном принесли, наконец, ощутимый положительный результат — подписано соглашение по блоку военных вопросов, включающее немедленное прекращение военных действий и систему наблюдения за исполнением этого, обмен военнопленными и иными насильственно удерживаемыми лицами, разоружение незаконных военных формирований и поэтапный вывод войск, недопущение актов террора и диверсий. Мучительно начавшиеся и тяжело проходившие на протяжении сорока дней переговоры принесли свой, верим — первый, благодатный плод. Надежды всех жаждущих восстановления мира на чеченской земле не посрамились. Многократные призывы к прекращению кровопролития и переговорам, с которыми на протяжении восьми месяцев вооруженных действия в Чечне я считал пастырским долгом обращаться к воюющим сторонам, в соединении с усилиями в этом направлении многочисленных религиозных, общественных, государственных деятелей, с решительными требованиями российских граждан, — увенчались успехом. Господь услышал наши молитвы, внял слезам страждущих жертв конфликта.

Вместе с тем мы отдаем отчет в тех немалых трудностях, какие будут возникать на пути к претворению в жизнь принятого соглашения, ибо, к нашей горечи, его противники имеются в каждой из сторон. Мы молимся, чтобы помощь Божия сопровождала начавшемуся миротворческому процессу. Верим в его поддержку всеми здравомыслящими силами России.

Мы надеемся на скорейшее продолжение переговоров в направлении достижения политического урегулирования конфликта. Взываем ко всем связанным с чеченской проблемой сторонам подняться над разделяющими их позициями и объединиться в поисках трудного, но бесспорно возможного обретения путей и средств политического решения вопроса.

Документы

Мы убеждены в важности для процесса урегулирования конфликта восстановления мира внутри самого чеченского общества, примирения ныне разделенного народа. В решении этой благородной задачи, как, разумеется, и при урегулировании других вопросов восстановления мирной жизни, бесспорно исключительное значение будут иметь усилия, прилагаемые досточтимыми представителями мусульманского духовенства. Всесильная помощь Всевышнего да сопутствует этим достойнейшим трудам!

Этот миротворческий процесс должен включить заботу о судьбе множества беженцев русской и других национальностей, вынужденных покинуть родные очаги на чеченской земле. Их правовое и имущественное положение должно получить скорейшее справедливое урегулирование.

Мы знаем, что большое число достойных братьев и сестер чеченцев проживает во многих регионах России. Недоброжелательное отношение к ним, ограничение их прав и свобод недопустимо, ибо оно противоречит нашему человеческому и гражданскому долгу, нашим религиозным убеждениям, противостоит проявлению нами тех высоких духовных качеств россиян, какие отличали нас на всем протяжении тысячелетнего бытия нашего многонационального государства.

Мы высоко ценим усилия, предпринимаемые священнослужителями Русской Православной Церкви в Чечне по утолению тяжких нужд населения, по нормализации положения в республике.

С удовлетворением воспринимая достижение соглашения о прекращении военных действий в Чечне, мы испытываем глубокую скорбь о многочисленных жертвах этого ужасного конфликта и молимся, да упокоит Всемиловитый Господь души их в Своих небесных селениях.

Да будут трагические события в Чечне всем нам уроком и предостережением о недопустимости и пагубности решения национальных проблем вооруженной силой.

Сам же Господь мира да даст нам мир всегда и во всем (2 Фес. 3:16)!

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси

7 августа 1995 г.

Москва

**ЗАЯВЛЕНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
В СВЯЗИ С ТРАГИЧЕСКИМИ СОБЫТИЯМИ В ЗОНЕ
БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА**

Сообщения о жестоких бомбардировках позиций боснийских сербов вызвали глубокую скорбь и тревогу всех верных чад Русской Православной Церкви. Уже сегодня известно, что эта бомбардировка унесла жизни сотен ни в чем не повинных людей, усилила скорбь, страдания и тревогу населения в зоне конфликта.

Виновные в трагическом событии, повлекшем гибель мирных жителей на городском рынке в Сараево, до сих пор не установлены, и было весьма опрометчиво этот кровавый инцидент рассматривать в качестве повода для бесчеловечных массированных ударов авиации стран Североатлантического блока. Эти бомбардировки служат опасным прецедентом и могут вызвать самые непредсказуемые военные и политические последствия, отодвинув процесс мирного урегулирования долгие годы полыхающего на Балканах конфликта.

Мы призываем все заинтересованные в мирном разрешении конфликта стороны не допустить повторения подобных варварских актов, жертвами которых становятся в первую очередь самые беззащитные жители, оказавшиеся в зоне вооруженного противостояния. Для нас очевидно, что только путь мирного разрешения всех накопившихся у противоборствующих сторон взаимных претензий и проблем способен положить конец страданиям, вражде и разделению многих и многих тысяч жителей этого многонационального региона. Мы желаем мира всем — хорватам, сербам, мусульманам, будучи уверены, что только путь ненасильственного участия мирового сообщества в кризисе, раздирающем Балканы, сможет привести противостоящие стороны к диалогу и взаимным уступкам.

Мы обращаемся к традиционно близкому нам по вере и культуре сербскому народу, заверяя Святейшего Патриарха

Документы

Сербского Павла и епископат братской Сербской Православной Церкви в своем соучастии в скорбях о жертвах, понесенных их богоспасаемой паствой, моля всемилостивого Господа об утешении страдающих и об упокоении душ всех погибших в непрекращающейся розни. Русская Православная Церковь направляет пожертвования благотворительному фонду Сербской Православной Церкви для оказания помощи беженцам, пострадавшим в ходе конфликта.

Да дарует Господь то вожделенное время, когда, по словам пророка Исаии, не будет поднимать народ меча и не будут более учиться воевать (Ис. 2:4).

5 сентября 1995 года

г. Москва

ЗАЯВЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ В КИЗЛЯРЕ

Меня, равно как и паству мою, потрясли сообщения о трагедии в дагестанском городе Кизляре, где боевики захватили роддом и поликлинику, принесли кровь и страдания на землю соседней с Чечней республики, взяли в заложники мирных людей и угрожают предать их смерти.

Что бы ни говорили террористы, оправдывая свои действия, я не могу не расценивать совершенное этими людьми как тягчайшее преступление, не имеющее никакого разумного оправдания.

В настоящую трагическую минуту призываю всех, от кого это зависит, приложить усилия к освобождению заложников. Особо прошу об этом исламских духовных руководителей, чтобы они употребили все свое влияние, дабы трагедия не приняла еще более ужасающие масштабы. Местное православное духовенство призываю к энергичным действиям, направленным на содействие скорейшему освобождению заложников. Российские федеральные власти умоляю помнить, что от них зависит не

Новейшая история Русской Церкви в документах

только жизнь заложников, но и то, как дальше будут развиваться события на Северном Кавказе.

Молюсь о упокоении жертв трагедии, разрешении беды в Кизляре и водворении мира на всем Кавказе. Об этом же прошу молиться всех своих пасомых.

На Тебя, Господи, уповаем, помощь Твоя да пребудет с нами!

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси
9 января 1996 года
г. Москва

ПРИВЕТСТВИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II УЧАСТНИКАМ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРИЗВАНЫ К ОДНОЙ НАДЕЖДЕ В СОЮЗЕ МИРА (Еф. 4:3—4)»

Досточтимые участники Второй Межконфессиональной Конференции «Призваны к одной надежде в союзе мира (Еф. 4:3—4)»! Благодать вам, милость, мир от Бога, Отца нашего и Христа Иисуса, Господа нашего (1 Тим. 1:2)!

Прошло более двух лет со времени первой встречи представителей христианских Церквей и религиозных объединений стран СНГ и Балтии. Мы собрались тогда в Москве, чтобы возродить еще так недавно успешно осуществлявшееся нами сотрудничество в решении насущных для нас и общества проблем. С этой целью мы обсудили извечную тему «Христианская вера и человеческая вражда» в контексте современной жизни наших народов. Мы были согласны в посвящении своих усилий мирному преодолению богопротивных браней, раздирающих некоторые из наших государств. Мы были единодушны в необходимости противостоять различным формам насилия, терзающим наши общества. Проповедью и делами любви гасить вспыхивающие в них проявления ненависти. Мы решили делать все возможное для скорейшего воцарения на наших землях справедливого мира и согласия. Именно этой задаче мы посвятили свое

Документы

служение примирения, данное каждому из нас Христом Спасителем (2 Кор. 5:18—19).

Как нам осуществить это служение наиболее успешно, в братском сотрудничестве вы и призваны определить на своей встрече в Минске. Размышляя об этом, не следует ли нам, прежде всего, подумать, все ли мы сделали для подлинного примирения между собой? Не остается ли для нас эта высокая цель во многом все еще насущной задачей? И не поможет ли нам продвинуться к ней возложенный вами на себя труд сей Конференции, девизом которой избрано утверждение апостола Павла о призвании Господом христиан к одной надежде в союзе мира (Еф. 4:3—4).

Дезинтеграция СССР освободила до этого приглушаемые и скрытые очаги напряжения между союзными республиками и внутри них. Жизненно важным для стабилизации развития суверенных стран СНГ и Балтии стало мирное преодоление этих и вновь возникающих напряжений и примирение живущих в них народов. Решению этих первостепенных задач Церкви и религиозные объединения каждой из них и призваны посвятить возрастание в примирении между собой, молитвы и совместные усилия. Мы убеждены в том, что общность и взаимосвязанность многих проблем, отягчающих жизнь каждого из этих государств, для их скорейшего разрешения нуждается в наших молитвах, солидарности и по необходимости в братском соучастии некоторых или даже всех Церквей и религиозных объединений региона бывшего Советского Союза.

Исторически сложилось, что во многих наших суверенных государствах наряду с христианским населением проживают мусульмане, иудеи и буддисты. Имеются целые мусульманские республики. В послевоенный период в Советском Союзе существовало доброе межрелигиозное сотрудничество в миротворческой и других сферах нашей совместной жизни. Несомненно, оно должно быть нами продолжено, как на местном, так и на региональном уровнях. Именно от него во многом зависит примирение трагических межнациональных конфликтов, мирное развитие наших суверенных государств.

С глубоким удовлетворением свидетельствую, что уже более тридцати лет происходит плодотворное участие Русской Православной Церкви и нескольких других Церквей нашего региона — членов Всемирного Совета Церквей и Конференции Евро-

Новейшая история Русской Церкви в документах

пейских Церквей — в деятельности этих международных христианских организаций, связанное с служением примирения, миротворчеством, равно как и многими другими направлениями их ответственности. С чувством особой благодарности отмечаю участие ВСЦ и КЕЦ в процессе мирного урегулирования Карабахского конфликта, в помощи жертвам трагических событий в Чечне, включая жестокую проблему беженцев.

Само собой разумеется, что мы с сердечной признательностью воспринимаем существенную нам помощь со стороны ВСЦ и КЕЦ в подготовке и проведении как Первой, так и настоящей Межконфессиональной Конференции, равно как и Совета Епископских Конференций Европы.

Дорогие братья и сестры, исполняя свою миротворческую миссию, мы, вместе с тем, сознаем, что представляем собою часть европейского христианского мира и в силу этого призваны разделять с его общностью ответственность за возрастание на континенте мира, справедливости и уважения к творению, что и является следствием и знаком примирения, постоянной задачей всего народа Божия в Европе.

В июне 1997 года в Австрии, в городе Грац состоится Вторая Европейская Экуменическая Ассамблея по теме «Примирение — Дар Божий и источник новой жизни». Многие Церкви и религиозные объединения, представители которых прибыли на настоящую Конференцию, деятельно трудятся по подготовке Европейской Ассамблеи и примут в ней должное участие.

Как мы видим, темы двух наших форумов идентичны, и в силу этого Комитет продолжения работы нашей Первой Межконфессиональной Конференции вынес решение о разработке вами рекомендаций для Второй Ассамблеи в Граце, которые, верю, будут многопользным вкладом в ее предстоящие труды.

Возлюбленные о Господе братья и сестры! От всего сердца желаю благословенных успехов в трудах, какие вы на себя приняли. Молюсь, да сопутствует вам всемогущая помощь Божия. Да будут напутствием для вас слова апостола Павла: «Будьте тверды, непоколебимы... зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор. 15:58).

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси
26 сентября 1996 года
г. Москва

**ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ПРИЗВАНЫ К ОДНОЙ НА-
ДЕЖДЕ В СОЮЗЕ МИРА (Еф. 4:3—4)»**

Минск, 1—3 октября 1996 г.

Межконфессиональная конференция «Призваны к одной надежде в союзе мира (Еф. 4:3—4)», состоявшаяся в столице Беларуси 1—3 октября 1996 года, стала продолжением процесса возрождения межхристианского сотрудничества в странах СНГ и Балтии, начатого в 1994 году на Конференции «Христианская вера и человеческая вражда».

В настоящей конференции приняли участие делегаты Армянской Апостольской Церкви, Грузинской Православной Церкви, Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, Древлеправославной Поморской Церкви Литвы, Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингрии на территории России, Евангелическо-Лютеранской Церкви Литвы, Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, Украине, Казахстане и Средней Азии, Римско-Католической Церкви (включая Белорусскую и Украинскую Греко-Католические Церкви), Русской Православной Церкви (включая Белорусскую Православную Церковь, Православную Церковь в Молдове, Украинскую Православную Церковь и Эстонскую Апостольскую Православную Церковь), Союзов евангельских христиан-баптистов Армении, Беларуси и Российской Федерации, Союзов христиан веры евангельской Беларуси и Латвии, Церкви христиан-адвентистов седьмого дня. В конференции участвовали также представители Понтификального Совета по содействию христианскому единству, Понтификального Совета «Справедливость и мир», Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), Конференции Европейских Церквей (КЕЦ), Совета Епископских Конференций Европы (СЕКЕ), Национального Совета Церквей Христа (НСЦХ) в США. Гостями конференции были представители ряда Церквей, конфессиональных и религиозно-общественных организаций.

Участники конференции с благодарностью восприняли помощь, оказанную в ее подготовке и проведении Церквами и ме-

ждународными христианскими организациями, а равно гостеприимство, проявленное государственным руководством Республики Беларусь, Белорусской Православной Церковью, Римско-Католической Церковью в Беларуси, Церквями евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской и адвентистов седьмого дня в Беларуси.

В ходе дискуссии по указанным ниже трем основным темам конференции ее участники согласились со следующими выводами.

1. Роль Церквей и религиозных объединений стран СНГ и Балтии в решении национальных, социальных и нравственных проблем в новых общественно-политических условиях

Современная общественная обстановка в странах СНГ и Балтии характеризуется, с одной стороны, определенным положительным развитием, а с другой — продолжающимися кризисными явлениями, становящимися вызовом Церквям.

Благодарение Богу, что большинство межэтнических и гражданских конфликтов на территории бывшего Советского Союза перешли из фазы кровопролития в фазу становления мирного процесса. Однако, по убеждению участников конференции, мир будет прочным и справедливым только тогда, когда процесс урегулирования остающихся споров действительно учтет чаяния всех заинтересованных людей, независимо от их национальности, вероисповедания и политических убеждений, и когда будут уважаться международно признанные нормы права. Церкви должны неизменно быть искренними, активными миротворцами, простирающими свою любовь ко всем и каждому.

Проблемы национальных и религиозных меньшинств в ряде случаев несколько ослабли, однако они до сих пор остаются одними из главных в наших странах. Чтобы преодолеть эти проблемы, нам нужно всячески проповедовать обоюдное уважение большинства и меньшинств, взаимопонимание и сотрудничество между ними. При этом Церквям и христианским общинам необходимо уделять особое внимание вопросам прав и обязанностей человека. Церкви также призваны проповедовать любовь ко всем народам и противодействовать пропаганде превосходства

Документы

одной нации над другой, распространению агрессивного национализма.

Политическое и экономико-социальное положение, состояние семьи, сфера борьбы с преступностью и коррупцией сегодня вызывают скорее озабоченность, чем удовлетворение. Христиане могут и должны приложить максимально возможные усилия для разрешения трудностей в данных областях, и здесь они призваны сотрудничать друг с другом, а равно с государственной властью и всеми заинтересованными силами. Особенно важной в этой связи представляется забота об общественной нравственности, противостояние навязчивой пропаганде оккультизма, греха и порока через средства массовой информации, в первую очередь электронные. Для придания действенности своему нравственному учительству Церкви и христианские общины должны более активно работать в сфере образования, на радио и телевидении.

Мы призываем государственные власти ускорить разработку законодательной базы для сотрудничества государства и религиозных организаций в тех областях, где это необходимо, прежде всего в сферах образования, нравственного воспитания, социальной работы, пенитенциарной службы и гуманитарных программ.

Роль Церквей и религиозных общин в политических процессах видится нам прежде всего как миротворческая, направленная на согласное объединение людей разных политических убеждений в служении общему благу.

Народы наших стран имеют богатую историю взаимных связей в духовной, культурной, экономической, политической и иных областях. Этим связям был нанесен существенный урон политикой и практикой тоталитарного периода, что стало причиной трагедии всех народов бывшего Советского Союза. Однако реальность показывает, что взаимоотношения наших народов, обновляясь и очищаясь, не могут не развиваться, и что их активизация принесет великую пользу. Христиане могут внести в воссоздание этих взаимоотношений совершенно уникальный вклад, к чему мы и призываем наших братьев и сестер.

Нас по-прежнему волнуют вопросы церковно-государственных отношений, и в данной области участники конференции высказали немало различающихся мнений. В то же время между христианами стран СНГ и Балтии существует высокая степень

понимания того, что отношения между религиозными объединениями и государством должны строиться на основе их невмешательства во внутренние дела друг друга и на основе права, включая полное уважение к духовному выбору личности.

Будучи твердо привержены принципу равенства религиозных объединений перед законом и осуждая любые нарушения и попытки нарушения этого принципа, мы в то же время понимаем, что он не порождает равновеликости религиозных объединений, каждое из которых участвует в общественной жизни в свойственных ему формах.

2. Вопросы миссии и взаимоотношения между Церквями и религиозными объединениями СНГ и Балтии

На конференции состоялась обстоятельная дискуссия, в ходе которой констатировалось, что миссия присуща природе Церкви и заключается в провозглашении Благой Вести всему творению (Мк. 16:15). Источник миссии — в Пресвятой Троице, Которая явила Себя в земном мире, когда Отцом был послан Господь Иисус Христос, а через Него — Святой Дух (Ин. 20:21—22). Это посланничество включено в план нашего спасения, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). Миссия, как благовестие спасения, совершенного Господом, являет собой исполнение заповеди Спасителя Своим ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам» (Мф. 28:19—20).

Поэтому миссия состоит в том, чтобы идти в мир и возвещать там учение Христово, духовно обогащать этот мир, принимать местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения.

Вместе с тем, имеет место различное понимание конфессиями направленности миссии, исходящее из сотериологических предпосылок. Иногда это приводит даже к недопустимым случаям обращения христиан из одной Церкви в другую методами и средствами, противоречащими духу христианской любви и нарушающими свободу человеческой личности.

В итоге любовь Божия как движущая сила миссии подменяется личным или групповым эгоизмом, что всегда ведет к разделению. Такое искаженное понимание миссии было осуждено участниками конференции. В то же время они высказались за необходимость поиска путей совместного свидетельства Благой Вести перед лицом опасности проникновения и утверждения в сознании людей стереотипов современной секулярной псевдокультуры, разрушающей христианские нравственные основы жизни общества.

По убеждению участников конференции, успех миссии в значительной степени обусловлен духовной и интеллектуальной подготовкой проповедников-миссионеров. Также было высказано мнение о необходимости развития внутренней миссии в Церквях, ведения межконфессионального диалога в целях взаимопознания и устранения исторически сложившихся предубеждений. Кроме того, все выступавшие подчеркнули недопустимость вмешательства каких-либо секулярных структур в регулирование межцерковных отношений.

Участники конференции с удовлетворением отметили труды Комитета продолжения работы (КОПР) Конференции «Христианская вера и человеческая вражда», особо оценив избранный им принцип деятельности, который направлен никоим образом не на поиск вероучительного единства, но исключительно на созидание взаимодействия христианских Церквей и религиозных объединений в общественно значимых трудах. Была отмечена важность начала работы штатного секретаря КОПР, а равно организационной помощи, оказанной этому Комитету Отделом внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Конференция сочла полезным преобразование КОПР в Христианский межконфессиональный консультативный комитет, призванный продолжить на постоянной основе труды уже двух межхристианских форумов стран СНГ и Балтии. Было выражено пожелание, чтобы в ближайшее время Комитет конкретно поразмыслил о собственном будущем и о возможном укреплении организационных форм межхристианского сотрудничества. Комитет также призывается к особой вовлеченности в разрешение проблем прав человека, в том числе через контакты с международными христианскими и межправительственными организациями, включая Содружество Независимых Государств.

**3. Сотрудничество между Церквами
и религиозными объединениями СНГ и Балтии
и международными христианскими организациями
в деле примирения**

Обсудив с представителями ВСЦ, КУЦ, СЕКЕ, НСЦХ в США вопросы сотрудничества с ними, участники конференции выразили твердое намерение осуществлять такое сотрудничество в областях, приоритетных для Церквей и христианских общин в странах СНГ и Балтии, в том числе по вопросам, вызывающим общественную озабоченность.

Особое внимание было уделено подготовке ко II Европейской экуменической ассамблее в Граце. Обсудив тему Ассамблеи «Примирение — дар Божий и источник новой жизни», делегаты выразили убежденность, что примирение между различными вероисповеданиями произойдет тогда, когда в глубине сознания и в сердце каждого человека произойдут те изменения, которые помогут принять другого как своего брата, несмотря на существующие различия. Поэтому все Церкви и религиозные объединения призываются к тому, чтобы помочь своим прихожанам пережить такую перемену, а также к выражению на официальном уровне своей преданности служению примирения. Участники конференции в равной степени убеждены, что взаимная открытость представителей Церкви и религиозных объединений должна основываться на верности своей собственной общине, через которую и в которой каждый из ее членов воспринимает Слово Божие, призывающее любить ближнего, как самого себя (Мф. 22:39).

Имея в виду предстоящий форум в Граце, участники конференции выразили пожелание, чтобы система общеевропейского межхристианского сотрудничества в максимальной степени учитывала особенности регионов Центральной и Восточной Европы, проблемы, заботы, самобытность и чаяния живущих там народов. При этом особое, неослабное внимание должно уделяться вопросам прав человека, религиозной свободы, межнациональным,

Документы

церковно-государственных и церковно-общественных отношений. Было также сочтено необходимым укреплять практическое взаимодействие православных, католиков и протестантов в решении стоящих перед ними общих проблем, с учетом перемен, произошедших в Европе, в сочетании с открытостью к диалогу с верующими других религий, прежде всего ислама.

Участники конференции обсудили также конкретные предложения по работе среди христианских общин стран СНГ и Балтии для осуществления идеи примирения, рекомендовав усилить роль христианских Церквей и религиозных организаций в реализации принципов социальной справедливости. На конференции прозвучала тревога о возможности возникновения новых противостояний и разделений в Европе в результате произошедших общественно-политических перемен. В этой связи Церкви Европы призваны сообща работать ради созидания всеобъемлющей системы общеевропейской безопасности, которая учитывала бы интересы всех стран континента и допускала их к соответствующим механизмам принятия решений.

Участники конференции свидетельствуют единство в убежденности, что их совместные труды по преодолению проблем современного общества, а равно усилия по установлению добрых взаимоотношений между христианами разных исповеданий — весьма полезны для свидетельства Истины Христовой разделенному миру. Дай Господь, чтобы труды эти совершались с особым усердием, в совершенной преданности заповеди Христа Спасителя: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

**ЗАЯВЛЕНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
И СВЯЩЕННОГО СИНОДА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
от 28 декабря 1996 года**

Подходит к концу 1996 год, очередной трудный год для возрождающейся России. Уклад жизни, политический строй, экономика огромной страны претерпевают стремительные перемены. Существовавшие на протяжении десятилетий старые экономические структуры разрушены, новые создаются с большим трудом, в условиях острой нехватки финансовых средств, а нередко и отсутствия необходимого для такой работы опыта.

Происходящие на наших глазах глобальные перемены в экономической ситуации беспрецедентны по своим масштабам и по скорости. Неодинаковые по своим результатам, они имеют одно общее — они затронули судьбу каждого жителя России — от тех, кто только вошел в жизнь, до тех, кто свой жизненный путь заканчивает.

Сегодня далеко не все поддерживают происходящее в стране; у многих растет чувство недовольства, выражающееся в открытых столкновениях, конфликтах, демонстрациях и забастовках.

В этой ситуации Церковь хотела бы напомнить о том, насколько важна свобода для полноты человеческого бытия. Свобода самовыражения, познания, поиска истины, выбора жизненного пути, передвижения, реальная, а не декларированная свобода совести — все это является несомненным успехом развивающейся российской демократии.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что для многих свободы, обретенные в результате перемен, обесцениваются из-за отсутствия экономической базы для их реализации. Свобода передвижения, например, оказывается свободой лишь для богатых, так как для большинства населения поездка к родным и друзьям — непозволительная роскошь. Получение образования, соответствующего призванию человека, во многих случаях недоступно тем, у кого нет средств на оплату своего обучения. В

стране сложилась такая ситуация, при которой лишь ограниченное число людей может пользоваться благами, тогда как большинство оказывается за чертой бедности. Пропасть между богатыми и бедными достигла критического соотношения, которое по существу может свести на нет равенство гражданских прав населения страны.

Не желая вступать на поле политических симпатий и антипатий, не вмешиваясь в политическую борьбу, Церковь, однако, не может не выразить глубочайшую тревогу за судьбу России, за духовное состояние народа, его культуру, науку, социальное положение. Свободы, обретенные ценой многих трудов и потерь, могут быть обесценены разрушением материальной основы их реализации. «Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы?» (Иак. 2:15—16). Что пользы говорить о свободах и преимуществах демократии, когда люди страдают от голода, нищеты, социальной незащищенности?

Во все времена Церковь была и остается на стороне слабых и обездоленных. Сам Христос отождествил себя именно с этими людьми: Он пришел в мир как Мессия бедных, а не как могущественный политический вождь; Его называли «другом мытарям и грешникам» (Мф. 11:19), потому что Он всегда был с теми, кого общество выбросило за борт. Церковь продолжает на земле дело и служение Христа. И потому, когда голос Церкви перестает быть голосом нищих и забытых, униженных и оскорбленных, поруганных и отверженных, когда она отождествляется только с богатыми и могущественными, она утрачивает верность своему призванию, теряет доверие народа.

Сегодня, в условиях свободы, Церковь имеет возможность снова выступать в своей исконной роли заступницы за людей перед сильными мира сего. И она не может не возвысить свой голос в защиту тех, кто оказался на грани жизни и смерти в результате трагического обнищания, лишения необходимых условий для поддержания жизни, отсутствия самой элементарной человеческой защищенности. Наше настоящее заявление проникнуто чувством боли и ответственности за людей, оказавшихся в критическом, поистине бедственном положении. Речь идет в первую очередь о тех, кто месяцами не получает зарплату, не имея доступа к каким-либо иным материальным источникам.

Наша особая боль сегодня о пенсионерах, которые в тяжелых условиях трудились для блага Родины, а сегодня некоторым из них, в том числе инвалидам войны и труда, грозит голодная смерть. Многие представители старшего поколения мужественно исповедовали свою веру в условиях государственного атеизма, своей верностью Православной Церкви подготовили нынешнее религиозное возрождение в стране. А сейчас они приходят к нам, пастырям Церкви, со слезами отчаяния. Большинство из них получает мизерные пенсии, которых не хватает на жизнь, но даже и эти жалкие деньги им не выплачивают. Больно видеть пожилых людей, стоящих с протянутой рукой в подземных переходах, на вокзалах, на папертях церквей. Неужели нет у нас ни капли благодарности этим людям, неужели не найдется у нас средств для того, чтобы обеспечить им достойную старость?

Не меньшее беспокойство вызывает у нас положение учащейся молодежи. Из-за отсутствия средств многие молодые люди не только бросают учебу, но и выходят на поиски легкой добычи, что нередко толкает их на безнравственные поступки, способствует росту преступности. Талант, лишенный возможности получить достойное образование и стать гордостью науки, пополняет ряды гениев преступного мира. Безграмотный делец и голодный ученый, доведенный до отчаяния рабочий и бросивший свою землю крестьянин, нищий артист и побирающийся на улице солдат — таков трагический выбор, перед которым стоят сегодня вступающие в жизнь молодые люди.

В крайне тяжелой ситуации оказались дети. В стране множество бездомных детей и подростков, брошенных родителями, покинувших родные места и скитающихся из города в город в поисках куска хлеба. У них нет ни будущего, ни настоящего: вся их жизнь, едва ли не с самого младенчества, превращается в борьбу за выживание. Одной из причин этого являются ничтожно малые суммы, выделяемые родителям в качестве пособия на ребенка.

Нельзя не упомянуть о катастрофической ситуации, складывающейся в детском здравоохранении: сокращается число родильных домов и детских поликлиник, лечение приобретает коммерческий характер, в больницах и поликлиниках остро не хватает медикаментов и оборудования. Процессы, происходящие в российском здравоохранении в целом, не могут не вызывать

нашей глубочайшей тревоги. Лечение становится одной из форм бизнеса, перестает быть доступным для малоимущих. На горе и болезнях людей наживаются всевозможные шарлатаны, активно использующие средства массовой информации для саморекламы в то время, как истинное здравоохранение влачит нищенское существование.

Сознавая всю тяжесть нынешнего положения, мы призываем руководство страны, руководителей субъектов Федерации, представителей законодательной и исполнительной ветвей власти, работодателей, всех тех, на ком лежит ответственность за неуплату пенсий, зарплат, пособий и стипендий, осознать необходимость экстренного решения этой проблемы. Мы обращаемся к епископату, духовенству и ко всем верующим с пастырским призывом осознать всю тяжесть стоящих перед страной и всеми нами проблем и сделать все от нас зависящее, чтобы оказать реальную помощь всем, кто сегодня в этой помощи так остро нуждается. Церковь сегодня напоминает о том, что человеческая жизнь, здоровье и благосостояние граждан должны быть безусловным приоритетом при распределении материальных средств, при выработке экономической и социальной политики. Церковь заявляет, что невыплата денег, заработанных честным трудом, является преступлением перед человеком и грехом перед Богом. Священное Писание говорит: «Не обижай наемника, бедного и нищего... В тот же день отдай плату его... чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха» (Втор. 24:14—15).

В предновогодние дни мы обращаемся к тем, от кого зависит благосостояние народа, со словами пророка: «Разреши оковы неправды... раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от одиночного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя» (Ис. 58:6—8).

Мы выражаем надежду, что начинающийся год явит милость Божию, что в обществе и народе укоренится мир и согласие, дабы мы сообща могли преодолеть трудности, переживаемые ныне.

БОГОСЛОВИЕ, АГИОГРАФИЯ

Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ

«ПРЕОДОЛЕТЬ РАЗРЫВ МЕЖДУ БОГОСЛОВИЕМ И ЖИЗНЬЮ»

Выступление в Отделе внешних церковных сношений

Сегодня я пришел в Отдел внешних церковных сношений в связи с очень, как мне кажется, важным событием. Мы представляем сегодня две книги отца Илариона, секретаря Отдела, несущего ответственность за межхристианские связи. Эти книги касаются жизни и трудов двух величайших отцов Церкви, подвижников благочестия, титанов, гигантов богословской мысли — святителя Григория Богослова и преподобного Исаака Сирина¹.

Прежде всего я хотел бы сегодня сказать о том, что, когда Русская Церковь обрела возможность свободно развиваться, строить свои отношения с окружающим миром, осуществлять столь необходимые программы восстановительных работ, организовывать социальную и издательскую деятельность, на первое место вышло материальное обустройство церковной жизни: таковы были естественные исторические предпосылки. Не хватало храмов, монастырей, духовных школ, и все это стало строиться, восстанавливаться, реставрироваться: вся Русская Православная Церковь превратилась в большую стройплощадку. Это действительно важное и необходимое дело. Когда же появились возможности издавать литературу, — то, чего мы долгие годы были лишены, — тоже началось восстановление разрушенного: стали перепечатывать то, что создавали наши богословы в прошлом

¹ *Иеромонах Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. Его же. Мир Исаака Сирина. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998.*

веке и в начале нынешнего столетия. Опять-таки, как и восстановление храмов и монастырей, восстановление утраченной, забытой русской богословской мысли было исторически обусловлено, было исторически необходимо, явилось делом особой важности.

Но всякий раз, когда открываешь переизданную книгу, не можешь не задать себе невольный вопрос: ну, а где же сегодняшние труды русских богословов? И вот, если говорить о нынешнем положении дел в русской богословской науке, то следует констатировать тот факт, что, может быть, труднее всего восстановить то утраченное преемство, которое должно быть непременно восстановлено, между сегодняшней богословской мыслью, духовными школами и выдающимися предшественниками наших существующих богословских учреждений — духовных академий дореволюционной России.

Русская Православная Церковь в конце XIX — начале XX века занимала ведущее положение в мире в области богословия. Если еще середина XIX века отмечена значительной зависимостью русского богословия от западного — главным образом, немецкого, протестантского, — и если исследовательская работа, изучение библейских и святоотеческих текстов в середине XIX века еще носит на себе печать этой зависимости, то к концу XIX и особенно в начале XX века русская богословская мысль заявила о себе как о мысли совершенно самобытной, и наши духовные школы выдвинулись в число самых выдающихся богословских учреждений мира. Но затем последовал страшный революционный катаклизм, результатом которого было разрушение Церкви и богословской мысли в России.

О том, насколько велик был потенциал русской богословской науки, свидетельствует тот факт, что даже на развалинах духовных академий в 20-х годах наши выдающиеся богословы, которые работали как в академиях, так и в университетах, создавали очаги богословского просвещения. Знаменитый богословский институт в Петрограде, возглавлявшийся протоиереем Николаем Чуковым (позже митрополит Ленинградский Григорий), представлял из себя не что иное, как место сотрудничества профессоров Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургской духовной академии. После пяти с небольшим лет существования это учебное заведение было разогнано, большинство профессоров арестовано.

Вспоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть, какой же все-таки огромный потенциал — не только творческий, но и волевой — присутствовал у наших отечественных богословов. В сложное время они пытались воссоздать очаг русской богословской мысли. А затем — долгие годы небытия, период возрождения после Великой Отечественной войны, очень сложный период существования духовных академий и семинарий в советское время. И, наконец, новый период, который открывает много возможностей, и дай Бог, чтобы эти возможности были в полной мере использованы.

Я недаром коснулся истории, потому что в период послевоенный главной задачей духовных школ была подготовка священнослужителей. Конечно, велись самостоятельные богословские исследования; мы знаем, что послевоенное время отмечено именами замечательных богословов, но, если проанализировать их творчество, то во всем, что они делали и писали, видна ориентация на сугубо практическую, педагогическую цель — подготовить как можно быстрее, как можно лучше кадры богословов и священнослужителей. Сегодня же у нас открывается возможность проведения широких и разносторонних богословских исследований, создаются предпосылки собственно для развития богословской мысли, которая должна развиваться как в границах духовных школ, так и вне этих границ.

В связи со сказанным, я думаю, заслуживают особого внимания и поддержки эти, может быть, первые книги, которые издаются нашими молодыми современными богословами. Я думаю, следует всячески поддерживать творчество молодых богословов, — и тех, кто трудится в духовных академиях, и тех, кто работает в светских учебных заведениях, и тех, кто служит на приходах, — потому что без возрождения богословской мысли мы не достигнем целей, которые обозначаются ныне всем ходом церковной жизни.

В этой связи позвольте еще обратить ваше внимание на обстоятельства, связанные с особенностью нашего исторического пути. Одна из причин исторической трагедии нашей Церкви и общества, — трагедии, завершившейся революцией, — коренилась в разрыве между мыслью и реальностью, теорией и практикой, а применительно к Церкви — между богословием и жизнью. История богословия в России — очень сложная. Богословская наука была привита на нашу национальную почву в общем-

то как нечто чужеземное, чужестранное и малопонятное. Она начала развиваться, как вы знаете, с Киевской духовной академии: это было так называемое «могилянское»² богословие, схоластическое, заимствованное с Запада, в первую очередь из Польши.

Это латинское, схоластическое богословие, которое к XVII веку перестало быть органичным даже для Католической Церкви, было тем более неорганичным для Церкви Православной. Между этим «школьным» богословием и реальной жизнью Церкви образовался колоссальный разрыв. Именно поэтому нельзя было загнать людей, желающих стать священниками, в духовные семинарии. Силой загоняли учиться — и не потому, что так ленивы или глупы были бурсаки — а потому что, видимо, рассуждая с самими собой, убеждались, что не так уж это богословие нужно для практического служения.

Этот разрыв между богословием и жизнью, к сожалению, окончательно в нашей Церкви не преодолен. Я никогда не забуду свою беседу с группой семинаристов в то время, когда я был ректором духовной академии. Я убеждал их, что знание древних и классических языков необходимо для того, чтобы по-настоящему заниматься богословием, потому что нужно читать книги Божественного Откровения в подлинниках, и Святых Отцов надо читать в подлиннике, чтобы понять нюансы их богословия. Убеждал, говорил, а в ответ получил удивительное заявление: «Зачем нам греческий, зачем нам латинский, зачем нам английский — мы что, на этих языках с нашими бабками разговаривать будем?» И я понял, что нет у этих людей, кандидатов в священники, яркой и ясной мотивации — почему и зачем нужно изучать богословие. Этот разговор еще раз убедил меня в том, что разрыв между богословием и практикой церковной жизни, который был обусловлен историческим развитием в России, не преодолен, не изжит.

Сегодня, когда у нас открываются десятки, сотни монастырей, тысячи храмов, когда нередко в эти монастыри и храмы приходят лица вообще без всякой богословской подготовки, когда священниками становятся люди благочестивые, но не прошедшие систематический курс богословия, вопрос о преодолении

² По имени Петра Могилы, митрополита Киевского, основателя Киевской духовной академии.

«Преодолеть разрыв между богословием и жизнью»

нии исторического разрыва между богословием и церковной жизнью становится вопросом огромной важности.

И не потому ли так легко сегодня прививаются на церковно-общественную почву многие искусственно созданные проблемы, порожденные различными политизированными домыслами потому, что люди не способны встретить все эти проблемы достаточно ясным и трезвым богословским анализом? Я думаю, тот факт, что вокруг проблемы экуменизма у нас говорится и пишется столько, что даже человеку, закончившему духовную академию, трудно во всем разобраться, и тот факт, что нередко самые невероятные домыслы, спекуляции и слухи находят какую-то поддержку в церковной среде, нельзя объяснить ничем, кроме отсутствия трезвого богословского анализа. А богословский анализ любой доктрины возможен в том случае, если люди могут в своей практической деятельности использовать результаты богословской науки, владеть методологией богословской работы. И происходит это именно тогда, когда преодолевается разрыв между богословием и жизнью. Быть канонистом — значит не только знать каноны, но и знать, как они могут и должны применяться в каждодневной практике церковной жизни. Быть богословом — значит понимать, что есть истина, а что есть ересь, но не применительно к старым схоластическим схемам трехсотлетней давности, которые плавно перетекают из учебника в учебник, а применительно к нуждам реально переживаемого нами времени.

Если восстановится связь между богословием и реальной жизнью, тогда, я думаю, прекратятся многие провокации, которые устраиваются в церковно-общественной среде, прекратится использование церковно-исторических и богословских тем для разжигания внутрицерковной полемики, выдержанной в совершенно нецерковном духе. Все это отпадет, потому что сама среда церковная будет отторгать такого рода методы обсуждения богословских проблем, такого рода недоброкачественные идеи, которые используются для нагнетания напряжения в церковной жизни.

Я позволил себе такое пространное введение к презентации книг отца Илариона по той причине, что эти две книги — о святом Григории Богослове и о святом Исааке Сирине — написаны богословом, который осуществил в своей жизни то, к чему я призывал семинаристов: он владеет языком подлинников, он

читает и переводит тексты, он знает тему и может понимать нюансы богословского учения тех авторов, о которых пишет. Важно, что это написано современным языком и для современников. Очень важно, что эти книги помогают нам, людям современным, в том числе и тем, кто не имеет богословского образования, на общекультурном уровне принять и понять святоотеческие писания, узнать особенности богословской мысли святого Григория Богослова и святого Исаака Сирина.

Представляя сегодня церковной и светской общественности книги отца Илариона, я бы хотел выразить удовлетворение фактом их появления, выразить надежду на то, что в нашей Церкви в ближайшее время появится достаточное количество современных молодых богословов, деятельность которых будет способствовать постепенному, но необратимому преодолению всякого рода разрывов между богословской мыслью и церковной жизнью, церковной практикой. С этими словами я хотел бы приветствовать отца Илариона и факт выхода в свет двух его книг «Жизнь и учение св. Григория Богослова» и «Мир Исаака Сирина».

Вопрос: Что Вы думаете о перспективах богословского образования в Русской Православной Церкви, в частности, в созданных в последние годы богословских учебных заведениях? Смогут ли они давать образование на должном уровне, воспитывать настоящих православных ученых? Я знаю, что отец Иларион получил образование в Оксфорде, учился у известного православного богослова епископа Каллиста. Эта оксфордская школа дала ему толчок, дала те знания, благодаря которым он может переводить, писать и печатать свои книги. У нас же в духовных школах основное внимание обращается на дисциплину, которая нередко означает давление преподавателей и инспекции на учащихся — то, что называется «завинчиванием гаек». Как вы думаете, Владыко, возможно ли, что у нас в школах возрастет уровень богословского образования?

Ответ: Я попытаюсь вот как ответить на этот вопрос. Школа — это то место, где люди получают образование и где осуществляется интеллектуальная работа. Речь идет, конечно, о высшей школе — не о средних учебных заведениях. В высшей школе главное — обучить человека методу, обучить навыкам

самостоятельной работы. Человеческая память так устроена, что невозможно запомнить все исторические даты, имена, которые встречаются в книгах, которые даются на лекциях. И не нужно этого запоминать.

Думаю, главная ошибка советской системы образования заключалась в том, что высшая школа от низшей отличалась только размером учебника. Когда мне показали учебник, который используется в педагогическом институте, я его посмотрел и спросил себя: «Что же это за учебник?». Это просто совокупность сведений. То же самое было в нашей духовной академии. Чем отличалась семинария от академии? Тем, что в семинарии по I Вселенскому Собору вы должны были выучить десять страниц машинописного текста, а в академии — пятьдесят.

Повторю: высшая школа должна обучать людей методу научной работы, духовная академия — методу богословской работы. Я думаю, что трудно было требовать от наших послевоенных школ решения этой задачи. В свое время, когда я сам был ректором духовной академии, я специально занимался историей богословского образования в России и много времени посвятил изучению того, как была организована наша духовная академия после войны. Я много размышлял о том, по какому пути должно пойти развитие богословской мысли в России, и буду счастлив, если что-то из моих мыслей осуществится в нашей реформе духовного образования.

Возвращаясь к истории, скажу следующее: когда восстанавливали Ленинградскую и Московскую духовные академии после войны, взяли учебный план и учебные пособия дореволюционных академий, план сократили, а учебные пособия, то есть конспекты лекций, использовавшиеся профессорами дореволюционных академий, отредактировали, точнее — адаптировали к уровню тех студентов, которые обучались в наших послевоенных академиях. К примеру, профессор Заболотский берет курс Болотова и адаптирует его для своих студентов: получается и не Болотов, и не Заболотский. По такому курсу вы не могли научиться методу богословской работы, вы просто усваивали информацию.

Что нужно сделать, чтобы наши духовные академии и богословские институты достигли славы своих дореволюционных предшественников, снова стали центрами серьезной богословской работы? Нужно, в первую очередь, так построить учебно-

педагогический процесс, чтобы он содействовал развитию у студентов навыков самостоятельной научной работы. Чтобы каждый, кто оканчивает высшую духовную школу, был потенциальным исследователем.

Но для этого нужно соблюсти несколько условий. Первое. Исследователь в области богословия не имеет права не знать древних языков. Все богословские тексты написаны на соответствующих языках. Нельзя серьезно изучать Григория Богослова по русскому тексту. Тем людям, которые работают не в области патристики, а в другой области, где, может быть, не требуется в нюансах изучать мысль богослова святоотеческого периода, достаточно русского перевода творений святителя: этим людям, может быть, надо знать не греческий язык, а какой-нибудь современный, на котором имеется обширная библиография по данному вопросу. Но исследователи Ветхого Завета должны знать древнееврейский, исследователи Нового Завета и патристических текстов должны владеть греческим, латинским и сирийским языками. Это — *sine qua non*!³ Без этого невозможно развитие настоящей богословской науки.

Второе. Богословское образование должно обязательно включать историко-критический подход к текстам. Богословие — это наука (хотя, конечно, не только наука). Значит, изучение богословских текстов — будь то святоотеческие или тексты Священного Писания — должно включать в себя очень серьезный историко-критический элемент. Богослов должен нести ответственность за научную обоснованность своих выводов, иметь ясное представление о том предмете, о котором он рассуждает. Поэтому без включения в программу наших высших духовных учебных заведений научной библеистики, истории перевода, практических занятий по переводу текстов и прочих вспомогательных дисциплин невозможно радикально повысить уровень богословского образования. На необходимости изучения этих дисциплин очень настаивали такие корифеи богословской мысли, как В. В. Болотов или Н. Н. Глубоковский, которые преподавали эти дисциплины в духовной академии, проводили практические занятия и семинары со студентами.

Глубоко убежден, что знание древних языков, научный критический метод исследования материала — необходимые усло-

³ Обязательное условие (лат.)

вия для развития богословской мысли. Это то, что касается научной стороны вопроса.

Но духовные школы — не только научные заведения. Говоря о духовной школе, мы должны обязательно иметь в виду духовный фактор, фактор воспитательный. В вашем вопросе прозвучала негативная нотка, Вы упомянули о «давлении», о «завинчивании гаек». Все это относится к духовной сфере жизни высшего богословского учебного заведения. И здесь, я думаю, тоже нужно много работать. Но, мне кажется, что не так уж плохо у нас сейчас. А реформа высшей богословской школы, которая готовится и которая уже сейчас практически начинает осуществляться, если она действительно будет осуществлена, думаю, приведет к определенным сдвигам в самое ближайшее время.

А еще духовная школа очень зависит от того, кто учит, и от тех, кто учится. Ведь лекционный процесс, вообще учебный процесс — это движение в две стороны. И каждый, кто имел опыт преподавания, знает, что преподавателю или профессору приходится учитывать уровень аудитории, приспосабливаться к аудитории. Я вспоминаю, как выдающийся литургист, профессор Успенский, ведя в 60-е годы уроки церковного устава в Ленинградской духовной семинарии, приспосабливался к уровню аудитории. Ему, может быть, было очень трудно это делать, но он делал. Я думаю, что многие, кто окончил в те годы семинарию, благодарны этому замечательному русскому богослову, литургисту за его лекции. Но если бы он имел дело с другими студентами, он, наверное, и лекции читал бы по-другому.

Уровень преподавателей — это очень важно. И со временем, я думаю, он будет повышаться: раз есть преемственность в школе, будет и развитие. Трагедия заключалась в том, что разрывали преемственность между дореволюционной школой и послевоенной, послевоенная была помещена в ненормальные условия существования, отсюда и все перекосы. Если же будет возможность свободного развития, то очень скоро появятся — да уже и сейчас появляются! — достаточно подготовленные профессора и исследователи. Но очень важно, чтобы уровень студентов соответствовал нуждам школы. И здесь, конечно, вопрос отбора в духовные школы, особенно в духовную академию выдвигается на передний план. Необходимы серьезные вступительные экзамены, чтобы люди, поступающие в духовные ака-

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

демии, находились на достаточном интеллектуальном уровне, чтобы профессорам и преподавателям не приходилось адаптироваться к уровню аудитории.

Высшие духовные учебные заведения должны превратиться в подлинные очаги духовной культуры, в центры по подготовке ученых богословов: без этого не будет развития богословской научной мысли. Для того, чтобы это произошло, необходимо, конечно, чтобы созрели кадры профессоров и преподавателей, и нужно вдумчивое отношение к формированию учебных заведений на уровне студенчества. Думаю, что при соблюдении этих условий наша школа будет развиваться — сегодня к этому есть все необходимые предпосылки.

К 1050-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА (949—1022)

От редакции

В 1999 году исполняется 1050 лет со дня рождения великого византийского богослова, мистика и поэта преподобного Симеона Нового Богослова. В связи с этим журнал «Церковь и время» предлагает читателю новый перевод «Жития преподобного Симеона», написанного преподобным Никитой Стифатом, а также перевод «Послания об исповеди» преподобного Симеона Нового Богослова.

Публикуемый ниже текст «Жития преподобного Симеона» представляет несомненный интерес — прежде всего потому, что автором его является человек, знавший святого лично и бывший его верным учеником. Перевод «Жития» выполнен известным филологом-классиком и византинистом Л. А. Фрейберг.

Редакция считает своим долгом сказать несколько слов о переводчице «Жития». Лидия Анатольевна Фрейберг родилась 4 марта 1922 года в Калуге. В 1945 г. окончила филологический факультет Московского государственного университета по кафедре классической филологии. Темой ее дипломной работы были хоровые партии в Фиванских трагедиях Софокла. В 1957—1961 гг. Л. А. Фрейберг занималась изучением Плутарха в аспирантуре Института мировой литературы им. А. М. Горького по сектору античной литературы.

Почти сразу после окончания университета Лидия Анатольевна начала преподавательскую деятельность. В разные годы она преподавала латинский и греческий языки на кафедре иностранных языков в АН СССР, в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, в Московском государственном университете. До самого конца ее жизни — а

К 1050-летию со дня рождения Симеона Нового Богослова

скончалась она 4 марта 1997 года, в день своего 75-летия — к ней домой продолжали ездить ученики. Среди людей светских и церковных есть немало тех, для кого благодаря Лидии Анатольевне, благодаря ее домашним урокам был открыт мир греческого и латинского языков, и за ним мир классической и византийской культуры.

Значительная часть жизни Л. А. Фрейберг была отдана работе над словарями. Она являлась ведущим редактором латинского словаря и редактором древнегреческого словаря И. Х. Дворецкого. Она писала статьи и делала переводы для многих энциклопедий и хрестоматий.

Перевод «Жития преподобного Симеона Нового Богослова» — труд многих лет. Текст, который видит перед собой читатель, знатоку может показаться слишком гладким и русифицированным, а у человека менее искушенного останется неудовлетворенным желание видеть подробный комментарий. Перевод, выполненный Л. А. Фрейберг, не претендует на то, чтобы быть научным изданием. Это прежде всего литературный перевод, т. е. перевод на хороший русский язык. Делала его очень пожилая женщина с совсем слабым зрением: ей приходилось пользоваться лупой, чтобы различать буквы.

При подготовке к публикации перевод заново сверен с оригиналом и отредактирован. Многочисленные цитаты из Священного Писания оставлены в том виде, в каком они переведены Л. А. Фрейберг с оригинального текста преподобного Никиты Стифата, где они, как правило, не приводятся точно, а перефразируются. Верностью переводчика греческому оригиналу «Жития» в большинстве случаев объясняется несоответствие библейских цитат тексту Синодального перевода Библии.

Преподобный НИКИТА СТИФАТ

**ЖИЗНЬ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
ОТЦА НАШЕГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА,
ПРЕСВИТЕРА И ИГУМЕНА МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО
МАМАНТА КСИРОКЕРКА***

1. Добродетель теплоты преисполнена, и не только угли желания раздуть, но и самую душу в огонь превратить способна; может она и ум окрылить, отторгнув его от земли, вознести к небесам в духе и сделать всего человека богом.

Вот и великий Симеон, о котором нам предстоит рассказать, став теплейшим ревнителем ее, вознесся к сияющей вершине славы ее; потому-то и следует поведать всем, кто нам близок, о его прекрасных качествах — сколь многие из них были для него достоянием от рода его и отечества, и сколь великую праведность стяжал он в поте лица, трудами подвижническими, борьбой и бранями, чтобы обрести добродетель.

2. Славный добродетелью Симеон вырос из земель Пафлагонских, словно цветущее и плодоносное древо, от молодых ногтей изобилующее плодами Духа. Родиной же его было селение, называемое в тех местах Галати, а родители его, Василий и Феофано, из богатых и знатных, носили прозвище «Галатяне».

Еще в нежном возрасте он был послан родными, словно некая драгоценность, во град Константина. Там принимают его близкие к царскому двору родственники, отдают учителю словесности, и он постигает начала¹. Будучи с детства восприимчивым и преисполненным разума, он старательно проходил учение, а благодаря врожденной живости и способности мыслить извлекал из него пользу. Если же Симеон видел какие-либо детские шалости и вольности, то, ощущая себя как бы уже седина-

* Перевод Л. А. Фрейберг по изданию: *Vie de Syméon le Nouveau Théologien*. *Orientalia Christiana Periodica*, XII. Roma, 1928.

¹ Греч. προπαιδεία — подготовительные науки.

ми умудренным и весь ум обращая к занятиям, удалялся от неразумных. А достигнув более совершенного возраста, он предан был учению более сложному и, занимаясь им еще прилежней, вскоре научился очень красиво писать и овладел даже наипрекраснейшим искусством скорописи, чему верное свидетельство писанные его рукой книги.

В прохождении светских наук ему оставалось лишь поэллинически изощрить язык и успешно приобщиться к риторике. Но, будучи с детства мужем, исполненным рассудительности, избегая упреков, он не то чтобы вовсе пренебрег ею, но лишь концами пальцев едва коснувшись проистекающей от нее пользы и выучив только так называемую грамматику, все остальное, что разумеют под светской наукой, отверг и избежал неприязни сверстников.

3. Так вот, дядя его по его отцовской линии, увидев, что он отличается от многих красотой и цветущей наружностью — дядя ведь был начальником китонитов² и пользовался очень свободным доступом к тогдашним скиптродержцам (а это были единокровные и порфирородные братья Василий и Константин) — вознамерился представить его императору и приблизить ко двору. Но Симеон со слезами отверг намерение дяди: не пожелал он знакомиться с тогдашними правителями, чтобы не потерять Бога, стяжав то, что не стоит ни гроша. Еле убедил его дядя принять достоинство спафарокувикулярия³ и стать одним из членов синклита. Но вот истинное благородство! Над ним не властны узы и порабощение вещам житейским, не подчиняется оно суетному блеску этой жизни. Ведь в то время как один спешил показать свету мужа в сиянии преходящей славы, другой кое-что мудро отвергал, а кое-что по снисхождению принимал на время, ожидая будущего.

Внезапно тот знаменитый муж похищается из жизни неминуемой смертью. Тогда Симеон, пользуясь случаем, тотчас же, оставив все, бежит от мира и от того, что в миру, и устремляется к Богу. Так вся его душа, уязвленная небесными красотами, исполненная жаждой нездешней славы, легко презирает обман-

² Китониты — слуги императорской опочивальни высшего разряда, ведавшие гардеробом и личными вещами императора.

³ Спафарокувикулярий — служитель при опочивальне императора в ранге спафария.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

чивый блеск видимых вещей и всецело предается вкушению надежд и наслаждений от мира нездешнего, каждый день питая свои умственные чувства сладостью мыслей [о Боге] и стремясь более совершенным образом достичь желанного.

4. Итак, Симеон оказывается в славной Студийской обители⁴. Он искал того, кто бы от юности его стал отцом его духовным и учителем. А был это Симеон, великий добродетелью, как никто другой достигший крайнего бесстрастия, в ком благоговение перед Богом, соединившись с благочестием и скромностью характера, дало повод для его прозвания.

Находит его Симеон, сообщает о своей цели, просит принять к себе, чтобы изменить ему полностью свою жизнь и быть причисленным к монахам. А тот, будучи опытным в монашеской жизни и зная нападку лукавого, не потворствует немедленному исполнению [просьбы], но едва достигшего четырнадцати лет юношу отклоняет от этого порыва и предлагает ему срок по достижении более совершенного возраста. Но Симеон с детства еще, живя в доме дяди, хранил готовое разгореться пламя божественного желания, поэтому сверх всего прочего он стал усердно заниматься молитвой и чтением. Когда однажды он получил из рук учителя книгу сочинений святых мужей Марка и Диадокха, раскрыв ее, он нашел среди написанного обращенные к нему слова: «В поисках пользы позаботься о своей совести; делай все, что она говорит, и обретешь пользу»⁵.

И словно из уст Божьих слыша это, начинает он заботиться о своей совести. А это божественное качество, присущее людям, каждый день укрепляло в нем пыл духовный и способствовало возрастанию добра. Оттого увеличилось у него время молитвы и бодрствования⁶ вплоть до пения петухов. Ведь образ жизни, который он вел, ограничивался лишь тем, что необходимо для длительной молитвы и чтения, и, прежде чем отказаться от мира, он возлюбил жизнь бестелесного в теле, — надо сказать, молодом и нежном. Поэтому не было нужды в многолетних периодах, чтобы полностью удалиться от видимого и погру-

⁴ Студийский монастырь (монастырь Иоанна Крестителя) находился вне стен Константинополя. Назван по имени основателя — патриция Студия. Монастырь особенно возвысился при Феодоре Студите в эпоху иконоборчества.

⁵ Преп. Марк Подвижник. О законе духовном, 69. PG 65, 913 С.

⁶ Греч. μελέτη — занятий, чтения, изучения Священного Писания.

зиться в созерцание незримых божественных видений: ведь по прошествии недолгого времени благодать Духа, обретя его душу свободной от материи и воспламененной любовью к Создателю, окрылила его вожделением мысленного и, отторгнув от земли, вознесла к видениям и откровениям Господним.

5. И вот, когда однажды ночью он стоял на молитве и очищенным умом соприкасался с Умом Первичным, он увидел вдруг свет, воссиявший на него с небес, прозрачный и безмерный, все озаривший и чистый, словно превративший ночь в день, которым и сам он был освещен, — и ему показалось, что весь дом с келлией, где он стоял, стал сразу невидимым и ушел в небытие, сам же он, восхищенный в воздух, совсем позабыл о теле. Такую радость испытывал он, как он [впоследствии] писал и рассказывал тем, кому доверял, что тотчас преисполнился тогда умилением и теплыми слезами; и, потрясенный необычностью чуда, ибо был еще не посвящен в такие откровения, стал он громким голосом бесчисленно взывать: «Господи, помилуй!» — как осознал он позже, придя в себя. Тогда ведь он вовсе не знал, звучит ли его голос и слышна ли его речь извне. Будучи под действием этого света, увидел он — и вот, словно сияющее облако, без формы и очертаний, полное неизреченной славы Божьей, в небесной вышине, а справа от этого облака увидел своего духовного отца, Симеона Благоговейного (о, страшное видение!) стоящим в обычной одежде, какую он носил в жизни, неотрывно взирающим на тот божественный свет и беспрестанно ему молящимся.

Итак, долго пробыв в таком экстазе и видя отца своего стоящим одесную Славы Божьей, он не чувствовал, находится ли он в теле или вне тела (2 Кор. 12:2—3), как впоследствии он объяснял и рассказывал. А несколько позже, когда свет этот постепенно скрылся, он осознал себя снова в теле и внутри келлии и тогда сердце свое обрел исполненным несказанной радости, а уста его возглашали, как уже сказано, «Господи, помилуй!», и весь он орошался слезами, более сладкими, чем мед и соты медовые. С этих-то пор он почувствовал, что тело его стало тонким и легким, как бы духовным, и так продолжалось долгое время. Таково воздействие чистоты и столь велико действие божественной любви на людей усердных.

6. Узрев такое видение, дивный Симеон еще более возгорелся внутри огнем божественным и стал настойчиво просить

духовного отца постричь его. А тот, прозорливым взором предугрев нужное для этого время, а также полагая нежный юношеский возраст для трудного подвига ненадежным, рассудил, что делать это рано.

Когда же прошло шесть лет после того вызывающего трепет видения и Симеон по какой-то причине поспешно собрался к себе на родину, приходит он побеседовать с тем божественным отцом в славную Студийскую обитель. А тот удивительный муж, как только увидел его, сказал: «Вот, чадо, подходящий момент, когда, если хочешь, следует тебе изменить внешний вид и образ жизни». Эти слова стали для сердца юноши раскаленным углем, и он промолвил: «Почему же, отец, ты мне, твоему чаду, не сказал этого раньше? Но теперь-то я распрощаюсь с миром и с тем, что в нем. И так как из-за вверенной мне царской службы я спешно еду к себе на родину, там возьму я все принадлежащее мне и, возвратившись, все мое имущество, да и себя самого всецело предаю в руки твоей святости». Окончил он речь, отправился в путь и быстро оказался в родных краях. А так как наступило время поста, он полностью предался брани, чтобы стяжать добродетель. Тогда-то, осмотрев библиотеку родителей, берет он оттуда «Лествицу» божественного Иоанна; с нею беседуя, словно некая благодатная почва, вбирал он сердцем слова и мысли, готовясь ежедневно их взращивать и плоды приносить.

А так как келлия его у входа в молельню была очень маленькой, то, войдя туда, он только один там и пребывал; затем, заперев ночью дверь молельни, он молился до третьего часа, а днем то втайне молился Отцу Небесному (Мф. 6:6), то беседовал с Божественным Писанием. И, слыша о сверхъестественных добродетелях святых, в послушании пребывающих, и об успехах, ими стяжаемых, сам он горячо возжелал такого же и приступил к брани, равной их браням. Поэтому, обратясь и к названной книге, он нашел в ней такие слова: «Бесчувствие есть омертвление души и смерть ума прежде смерти тела»⁷.

Как только Симеон прочел эти слова, — так как он искал и нашел в такой книге исцеление, — он стал бодрствовать и молиться на могилах, живописуя в сердце своем образы мертвых,

⁷ Преп. Иоанн Лествичник. Лествица, гл. 18 (заглавие).

и тем возбудил против него ⁸ целую войну: усиливал пост и бдение, пребывая в памяти о смерти и Страшном Суде.

7. И вот, когда он этому предавался, молился он однажды ночью в церкви, где стоял ковчег, полный останков, а двери он по привычке запер. Тогда сбежалось множество бесов, и с угрозами бросились они на церковь, налегли все разом на двери, открыли их, чтобы похитить его, и так загрохотали, что он подумал, будто двери разлетелись во все стороны. Охваченный великим страхом, воздел он руки к небу и стал призывать свыше помощь Божию. Когда увидели духи злобы, что он недвижно стоит уже много часов, побежденные, они удалились. От великого же напряжения руки Симеона онемели и не гнулись, но он соединил их, несмотря на сильную боль, а затем с изумлением увидел, что двери заперты. С тех-то пор прибавилось у него мужества против бесов, ни во что уже он не ставил их нападение, потому что обрел он полную уверенность, что нет у них против нас никакой силы, если только мы не отвергнуты Богом.

Пребывая в таком состоянии и так поступая, Симеон отрешался от всякой житейской заботы, а усердствовал лишь в молитве и чтении. Если же внезапно смущало его уныние, удалялся он в места, где находились могилы, и сидел на них, то мысленно беседуя с мертвыми, находящимися под землей, то безмолвно предаваясь плачу, то испуская со слезами скорбные вопли, стараясь всем этим оградить себя и снять покров бесчувствия со своего сердца. Такова с самого начала была брань дивного Симеона и столь великим было его рвение, когда он был еще мирянином. Несомненно, благодать Божия подействовала на него, ибо зрелище мертвых тел запечатлелось в его уме, словно писанное на стене изображение. Более того, все чувства его изменились, так что с этих пор лицо каждого человека, всякую цветущую красоту, каждое животное движущееся видел он поистине мертвым.

8. Когда же наступило время его отъезда в великий город ⁹ и родитель увидел, что он спешит и собирается в путь, тогда, испробовав все средства, но не имея сил отклонить его от божественной цели, он остается с ним наедине и начинает со слезами умолять его: «Молю тебя, чадо, не оставь меня в старости!

⁸ Сердца.

⁹ Константинополь.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

Ведь, как видишь, конец дней моих близок и время моего отшествия недалеко (2 Тим. 4:6). Вот когда сокроешь ты тело мое в могиле, тогда ступай, куда хочешь, и иди путем, каким пожелаешь. Теперь же не желай огорчить меня своим уходом. Ты ведь знаешь, что только в тебе нахожу я опору старости моей и утешение души моей. Поэтому и разлуку с тобой я считаю равносильной смерти». Это и еще многое говорил отец, проливая потоки слез. Но сын, как преступивший уже узы естества и предпочитающий Отца Небесного отцу земному, отвечал: «Невозможно мне, отец, более задерживаться в миру, даже и на краткое время: ведь мы не знаем, «что родит грядущий день» (Притч. 3:28, 27:1), и предпочесть что-либо служению Господу для меня рискованно и опасно».

9. Произнесши это, он тотчас же письменно отказался от всего отцовского наследства. Затем, взяв только свои собственные вещи, слуг и то, что досталось ему иными путями, вскочил на коня и, погоняя его, как Лот (Исх. 19:17—26), поскакал изо всех сил. Он не оглядывался на стенания родных и не помышлял о вверенном ему мирском служении. Настолько острее всякой иной вещи и даже естественной любви к родителям всеожигающая любовь к Отцу Небесному! Он знал, что никакие природные узы не могут удержать его и никакие угрозы людей, раз уж лучшее одержало верх над худшим и отторгло самовластный помысел от всякого мирского чувства. Поэтому-то дивный Симеон, охваченный такими чувствами, приказал слугам идти вперед, а сам в глубокой печали то неторопливо следовал за ними, то отставал от них настолько, чтобы они не слышали его рыданий. Плач его оглашал горы, и жалобные вопли наполняли долины, утешала же его любовь к Богу. Так однажды, когда он устремился вперед и достиг вершины горы, его внезапно озарила свыше, словно огонь, благодать Духа Святого, как некогда Павла (Деян. 9:3; 22:6), и он весь исполнился несказанной радости и сладости, — что увеличило в нем любовь к Богу и доверие к духовному отцу.

10. И вот, за восемь дней достигнув города — главы городов прочих — словно жаждущий олень, бежит он к источникам водным (Пс. 41:2), достигает славного Божьего старца и припадает к нему, словно к Самому Господу Иисусу Христу, сложив к его ногам все свое достояние. А тот, поистине любвеобильнейший отец, видя глубину его смирения и веры, сначала раздал

Преподобный Никита Стифат

все бедным (Мф. 19:21), освободив ученика от попечения об имуществе, а затем взял его с собой в монастырь и приготовил к грядущим испытаниям; провидел ведь он прозорливым оком беды, которые постигнут юношу.

11. На следующий день, взяв благородного юношу, старец представляет его игумену (большую паству студитов окормлял тогда Петр) и, отложив две литры золота на монастырь, облакает его в одежду подвижническую. Но так как не оказалось в то время свободной келлии, где приютился бы юноша, то игумен поместил его к тому великому отцу — так оба они решили из-за молодого возраста Симеона. А старец, приняв того, кого от молодых ногтей воспитал в изучении словесных наук, повелел ему оставаться под лестницей своей келлии и размышлять там об узком пути (Мф. 7:14); ибо в келлии был уголок наподобие гроба, — в нем юноша спал, с большим трудом туда протиснувшись. Итак, один приступает к более совершенным трудам, чтобы стяжать добродетель, а другой — к искусному его обучению.

И говорит юноше отец: «Смотри, чадо, если хочешь спастись и избежать козней лукавого, внимай только самому себе; не общайся впустую ни с кем из тех, кто пребывает здесь в священных собраниях, не ходи из келлии в келлию, но держись как странник, неуязвимый для всякого человека; думай о своих грехах и помышляй о вечном воздаянии; сохраняй разум не развлекаемым внешними вещами. Соблюдая это, обретишь ты великую пользу».

12. Слыша эти слова, словно из уст Божиих исходящие, Симеон неукоснительно все их исполнял. Но отец-наставник, желая увенчать труды юноши еще больше, приказал ему выполнять самые низменные работы в своей келлии. Юноша же, раз и навсегда поработив себя старцу, все охотно исполнял, считая себя рабом и странником, — ибо он был готов с радостью и охотой ввергнуться даже в печь огненную и в пучину морскую, если бы только приказал ему старец. Занимаясь самым презренным трудом и сильно в нем изнуряясь, он не забывал о постах и бдениях, но, зная, сколь велика от них польза, постоянно в них пребывал. Старец же, желая отсечь волю юноши, часто приказывал ему исполнять противное этому — и за трапезой сидеть, и сну предаваться: хотя это сильно огорчало Симеона, он все это переносил, многому научаясь; ибо мудр был тот божественный старец: то заставлял он Симеона переносить унижения и

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

труды, то удостаивал его чести и давал ему отдых, тем и другим способом противоборствуя его воле и доставляя ему награду. Итак, научаемый отцом, юноша таким образом изменился к лучшему, доверие же его к старцу и благоговение перед ним настолько возросли, что он даже благоговейно остерегался ступать по земле, где ступали ноги его отца. Поэтому каждое место, где видел он отца стоящим или молящимся, он почитал словно святая святых, припадал к нему, простирался и лобызал его, а руками собирал с него слезы учителя и, словно лекарство от страстей, прикладывал их к голове и к сердцу; прикоснуться же к чему-либо из одежд его считал себя недостойным.

13. И вот враг, видя, что Симеон стремительно взлетает на такую духовную высоту, стал острить на него свои зубы и пытаться разными способами его уловить. Однако огненный столп (Исх. 13:21) молитвы старца был для Симеона прочной защитой. Но чтобы показать, что сила злобы врага ничтожна, учитель попускает ему немного нападать на Симеона в минуты слабости. Поэтому враг приступает к нему сначала во сне и вызывает расслабление и помрачение головы и отяжеление всего тела, так что Симеону показалось, что одет он с головы до ног в тяжелое вретисще и невмочь ему ни стоять, ни преклоняться, ни уста раскрыть, ни слушать то, что поется в церкви. Но доблестный юноша, предугадывая нападки врага, отражает их крепостью и оружием Духа, нисколько не уступив и не сдвинувшись с места, где он стоял. Поэтому, будучи не в силах вынести крепости и великого упорства Симеона, враг, потерпев поражение, бежит от борьбы вот как. Однажды, когда Симеон стоял при начале утреннего псалмопения, ему показалось, что тяжесть одежды как бы освобождает концы его ног и постепенно ускользает вверх. Поэтому удаленные от нее части тела оказались свободными, а те, с которыми она соприкасалась, она подвергла ощущению еще большей тяжести. Затем словно густое облако с мощным дыханием остановилось поодаль в воздухе, — и с этого времени доблестный муж ощутил себя легким и тончайшим, и словно бы всецело духовным. Тогда, исполнившись несказанной радости, сам он возопил вместе с Давидом: «Растерзал еси вретисще мое, Господи, и препоясал мя еси веселием» (Пс. 29:12). Итак, получив силу свыше, на всех службах он совсем уже не сидел, но, подражая своему учителю, все их проводил стоя.

14. Когда был побежден окончательно лукавый дух уныния, восстали на него ночью демоны страха и, когда он молился, стали сотрясать келлию, поднимая шум и представляя страшные видения; когда же отходил он ко сну, они являлись к нему, как эфиопы, испуская из своих глаз и ртов пламя, дыша в лицо ему удушливым дымом и вместе с тем наполняя им всю келлию; а иногда казалось, что они вопят, потрясая огненным оружием; и где лежал он, там они поджигали пол и стены. Так совершали бесы привычное свое дело, а он при каждом нападении вставал на молитву, и они вскоре обратились в бегство.

15. Так что же? Сильнейшие прежних, не знающие отдыха демоны блуда выходят на другую брань и подступают к нему. Тогда каждую ночь дважды или даже трижды стали они нападать на него в видениях, чтобы уязвить сердце его усладой плотского смещения. Он же получил против демонов столь великую благодать от Бога, что и во сне пребывал, словно бодрствуя, и противостоял им даже больше, чем когда не спал.

16. Так как они снова потерпели поражение и уже не осмеливались нападать на него подобным же образом, то в своем разнузданном бесновании они вооружают оружием зависти и подстрекают против него наиболее беспечных из братии и даже (чему не случиться бы!) самого кафигумена Петра. Но доблестный воитель Христов, будучи облечен в панцирь и шлем Духа, не позволял себе ни смотреть на кого-либо из искусителей, ни беседовать с ними, но и всех прочих людей избегал без ненависти; и, словно дитя Христово, безыскусное по разумению, отдыхал он только в духовных объятиях божественного отца, коему открывал он все, что было на душе, и во всеоружии выходил на битву с бесами. Поэтому на божественных службах стоял он подобно некоей колонне или безжизненной статуе, совершенно не поднимая глаз, из которых каждодневно испускал он потоки слез, ни с кем из окружающих не говоря ни слова. Так что среди монахов равные ему благочестием, видя его в таком состоянии, радовались и славили Бога, иные же не выносили видеть его: ибо все, кто погряз в нечестии, полагали, что его образ жизни обличает их нерадение. Вот от них-то на доблестного мужа и надвигается великая война. И сами они, кому невыносимо было видеть подвиги Симеона, превышающие человеческую природу, и предстоятель их начинает борьбу с ним — настойчиво стремятся отклонить его от избранного пути, лишить

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

его доверия к духовному отцу и следовать их образу мыслей, или совсем удалить его из монастыря, если не поддастся их увещаниям.

17. Но только ли их, словно единокровных братьев на Иосифа, выслали враги на брань с Симеоном? Совсем нет: но и кое-кого из мирян, и даже самого родного отца его. И можно было видеть странное сражение и борьбу с обеих сторон: миряне старались вернуть Симеона к семье и миру, от которого он убежал, а монахи стремились отдалить его от духовного устроения и пользы — и или сделать его своим единомышленником, или, если не поддастся, полностью лишить его даже и своего общества. Но что это за мудрость мудрецов и козни против него? Льстивые речи и угрозы, поношения и хвалы, клевета и обещания, чтобы хоть в чем-то одном из этого сокрушить того, кто сопротивлялся бесам. Одни увлекали его на пиры, попойки и беседы, обещая то, что у них считается делом почетным. Что же именно? Служения, роскошные келлии, рукоположения. Другие же отторгали его от себя и угрожали изгнанием. Чего ради? Чтобы он Бога презрел и отрекся от добродетели и от духовного отца.

18. Так что же сей доблестный юноша, даже пресвитеров разумением превосходящий и прекрасно умеющий отличать лучшее от худшего? Расслабился ли от лести? Поступился ли хоть немного строгостью подвига? Сменил ли узкий путь на широкий? Нисколько! Но, словно некий непобедимый борец в прекрасном нечувствии, хватает он то, что содействует его славным подвигам — наветы, преследования, скорби, доносы, — и проходит мимо того, что услаждает многих. Что это? Похвалы, словословия, почести, председательства, служения и прочее, что радует стремящихся к этому. Но что же дальше? Умастил старец борца увещаниями, да обретет он в испытаниях мужество и крепость, и обратился к нему с такими словами: «Доблестно переноси, чадо мое, искушения, бесами на тебя воздвигаемые, ибо они суть пробный камень для нас. Хорошо усвой, что все вещи, к которым мы ревностно стремимся, чтобы стяжать их трудом в брани, как то постничество, бодрствование или преуспеяние в каком-либо ином виде подвижничества, бывают для нас впустую, если мы не боремся, чтобы стяжать душу беззлойной, простой, несуетной, смиренной и кроткой. Ибо в такой душе поселяется и дышит, словно в наиприятнейшем жилище,

благодать Божественного Духа, а иным образом никто не может ни увидеть ее, ни получить».

19. Мудрейший Симеон, как только это услышал, возжелав получить благодать Святого Духа, тотчас же падает ниц и касается святых ног старца, горячо умоляя, чтобы скорее обрести ему благодать по его молитвам, чем сподобиться получить ее собственными деяниями и трудами. Сострадательный старец умягчается сердцем и говорит простертому ученику: «Встань, чадо! Я и сам человек. Однако, надеясь на человеколюбие Бога, говорю, что тебе будет дарована благодать вдвое больше, чем мне». Крайне изумившись этим словам и с непоколебимой верой приняв их, Симеон встал с глазами, полными слез, а старец, поцеловав, отпустил его с миром. Было около трех часов ночи. Когда же вошел Симеон в свою келлию, — о, скорое заступление Божие! — воссиял утренний свет, а затем внезапно свет свыше, подобный молнии, осиял его, полностью объял его ум и, всего его захватив, исполнил его неизреченной радости. А она окрыляет душу его еще большей любовью к Богу. С теплотой духа в сокрушенном сердце он припадает к Богу и, исповедуясь, воздает Ему благодарение. И вот ему, поверженному и плачущему, является страшное чудо. Как только припал он к Богу, сразу увидел умом ниспадающее на него световидное облако, сообщившее его душе всю сладость и наслаждение, исполнившее ее божественной благодати, вконец истончившее земную толщу его плотского разума.

20. Итак, с этого времени стало возрастать доверие Симеона к духовному отцу, и он стал простираться вперед (Флп. 3:13—14). Ведь тоска по явленному видению целиком охватила его, и он обрел непреходящее умиление. Даровано ему было слово премудрости и знания, так что все удивлялись его разуму и речам и, изумленные, говорили так: «Откуда у него, не научившегося внешним наукам, такая премудрость и знание?» Сокрыто было от них, что Бог — сама премудрость и совершенное знание тех, в коих Он поселяется и творит жилище Себе и наполняет причастных Ему неизреченной мудростью и знанием и делает их более мудрыми, чем все мудрецы и риторы, как своих учеников и апостолов. И не только этому все поражались, но также его смирению и непрестанному умилению; ибо упорное подвижничество помогло ему за короткое время взлететь на такую высоту, что он обогнал даже тех, кто длительное время

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

пребывал в борениях за добродетель, и стал их учителем, подобно великому пророку Даниилу (Дан. 2:45). Это узнает всякий желающий, из того, что он писал в ответ на их вопросы, чрезвычайно поражая их своими посланиями.

21. Но прошло немного времени, и завистники, видя его преуспевание в добродетели и доверие к духовному отцу, придя к игумену, сильно раздувают угли его гнева на Симеона. Игумен, призвав доблестного мужа, начал беседовать с ним и то обещаниями, то угрозами старался отвратить его от учителя и привлечь к себе: ведь питал предстоятель неподобающую зависть к тому великому старцу. Но когда он увидел непреклонный дух Симеона и непоколебимое доверие его к старцу, то, побежденный убедительностью и мудростью слов блаженного мужа, тотчас приказал изгнать его из обители.

22. Увидев зависть игумена и остальных братьев, великий отец, взяв своего ученика, направляется к тому самому Антонию, который был известен тогда добродетелью, игумену расположенного неподалеку монастыря святого Маманта. Ему-то старец и вручает Симеона, словно сокровище благих. И что же? Отступил ли сколько-нибудь при этом лукавый, оставил ли зависть и козни против Симеона? Нисколько. Но воздвигает он снова отца по плоти и некоторых людей из синклита, и они стараются помешать Симеону отторгнуться от мира и от того, что в мире. Но доблестный воин Христов, воспламененный божественной любовью, оставался непоколебим и непреклонен.

23. Поэтому Симеон посылает отцу по плоти письмо, с каким подобало бы тому обратиться к сыну, чтобы увещевать его ничего не предпочитать любви ко Христу. Но тогда-то, когда он писал, является ему другое божественное знамение. Когда он написал отцу наставление, желая научить его, как следует обращаться в письмах к святым мужам, он прибавил следующее: «А письмо к моему святому отцу ты напишешь так...» И при этих словах — о, новые тайны Твои, Царю Христе! — внезапно с неба воссиял ему беспредельный свет, как бы разделивший кровлю дома и снова наполнивший душу его несказанной радостью и сладостью, и от безмерности этого света как он сам, так и горящий светильник совершенно затмились (ведь была ночь!). И вот из этого божественного света исходит голос: «Апостолу, ученику Христову, ходатаю и предстателю нашему перед Богом». Как только Симеон услышал эти столь неожиданные сло-

ва, разум его пришел в исступление» и чувства его охватил трепет. Ибо он клялся явившимся ему Богом, что был весь осиян божественным светом. «Проливая потоки слез, — говорит он, — я почувствовал, как кто-то сделал легкой мою руку, толкнул ее к писанию и стал ею водить. Ведь я не мог видеть чувственным зрением, когда записывал реченное свыше».

24. Когда же пастырь добрый (Ин. 10:11) стал посещать ученика чаще и понял, что тот весь воспламенен божественной любовью и сжигаем желанием святого образа, он постригает ученика и облакает в ризу радости (Ис. 61:10). Отныне Симеон с горячим усердием к стяжанию добродетели приступает к еще большим подвигам и с пониманием дела препоясывается по чреслам поясом (1 Петр 1:13; Пс. 29:11) радости и мужества, в чем он возрос и с чем сжился от молодых ногтей. Прикасается он и к более совершенным деяниям праведности и, оставив все прочее, предается только молитве, безмолвию и размышлению над Священным Писанием и в свете созерцания соприкасается более совершенным образом с Богом, для Которого он жил до пострига и Который щедро озарял его с колыбели.

25. Ежедневной пищей его, до крайности очистившегося, был животворный хлеб и честная кровь Христа, съедобные растения и злаки. Этим поддерживал он жизнь своего тела, ничего иного не принимая в течение шести дней недели, кроме воскресных, а в дни праздников он участвовал в общей трапезе с братьями, ни на кого не глядя и в неиссякаемом умилении, затем вставал, благодаря, поспешно удалялся в келлию, запирает за собою дверь и вставал на молитву. Затем, недолго почитав, он предавался кратковременному отдыху, склонившись к земле: ибо у него не было ни ложа, ни постели, ни какого-либо иного удобства для тела, но в качестве постели предпочитал он пол с постланной овечьей шкурой и циновкой, да и то проводил он на нем не каждую ночь. По воскресеньям и по большим праздникам келлия видела, как пребывал он без сна с вечера до утра и таким образом, подобно Арсению Великому, не предавался сну, но вставал на молитву с первыми лучами солнца, обливаясь теплейшими слезами. Ибо он считал, что нет ничего более ценного, чем беседа с Богом. И очень старался не проронить ни единого праздного слова (Мф. 12:36): ибо точно знал, что нарушение любой Христовой заповеди, даже если она кажется самой малой, в будущей жизни принесет душе немалый вред.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

26. Поэтому можно было видеть его ежедневно словно на стадионе бегущим с воодушевлением и в кипении духа по пути заповедей Христовых, ни на кого из людей не оглядывающимся, всецело исполненным внимания, жара духовного, божественных откровений и озарений. С этого-то времени сей крепчайший муж целые дни пребывал в запертой келлии и вообще не выходил из нее. Пребывая же внутри келлии, он производил мед добродетели и, подобно трудолюбивой пчеле (Притч. 6:8), каждую добродетель прекрасно складывал в соты, чтобы иметь неиссякаемый запас пищи на будущее и чтобы плод собственного делания, достойный небесной трапезы, подобающим образом отдать своему Царю и Богу. Поэтому, сначала всецело сосредоточившись и отрешившись от внешнего, он вставал на молитву, как сказано, с рассветом, восхищая ум горе и нематериально пребывая с нематериальным Богом; разум его не облакался никакими заботами и не рассеивался чувственными впечатлениями, но Само Божество тотчас же принимало его моления и охватывало своим светом разумную часть его души, переплавляя то, что оставалось в нем земного, и наполняя сердце его духовной теплотой и всякой радостью. Тогда, омывшись слезами, словно в бане, и весь сделавшись от молитвы словно пламя, он выходил из келлии на кафизму¹⁰, а затем обращался к Священному Писанию и, читая жития ранее бывших аскетов, усваивал для себя их подвиги.

27. После чтения он принимался за рукоделье, изготовляя списки богодухновенных книг: ибо был он очень одаренным писцом, так что каждый, кто видел его письмо, преисполнялся радости. По удару била он быстро вставал на божественную службу и, пока совершалась божественная анафора, он, затворившись в одной из молебен храма, после чтения Евангелия, становился на молитву и со слезами беседовал с Богом, пока священник не возносил хлеб. Тогда, будучи весь охвачен божественным огнем, он причащался Пречистых Таин и тотчас же молча поспешал в свою келлию, принимал умеренную и незатейливую трапезу и приступал, как сказано, к своим обычным деланиям. Но когда наступал вечер и начиналась ночь, можно было видеть его, словно некую неусыпающую звезду, светящую в ночной тьме: до полуночи он стоял на молитве, читал Свя-

¹⁰ Скамейку.

щенное Писание и в экстазе священных созерцаний таинственно соединялся с Богом.

28. В седьмом часу пополуночи, с ударом била, он поднимался с земли, лежа на которой отдыхал весьма недолго, и вместе с братьями воспевал Богу утренние гимны. В течение всей утрени до самого отпуста стоял он прямо и не присаживался во время чтения Священного Писания, но удалялся в одну из молелен храма и стоял недвижно, слушая чтение и орошая слезами пол. Когда же оканчивалось обычное последование, он один после всех молча выходил из храма, поспешно удалялся в свою келлию и предавался своим святым подвигам. Таков был путь аскетических подвигов дивного Симеона в течение всего дня и ночи. А дни святой Четырдесятницы он проводил почти без пищи, все дни каждой недели, кроме субботы и воскресенья: в эти два дня он вкушал бобы и вареные овощи на общей трапезе. Он никогда не ложился на бок, но, если когда-либо чувствовал, что естество его ослабело, он, как сидел, склонял свою голову на затекшую и ноющую от боли руку и, как будто предаваясь сну, давал себе отдых не более одного часа. Таково было его делание в трудах начальных и срединных этого законного подвижничества (2 Тим. 2:5).

29. Когда же за два года он хорошо усвоил срединную часть подвига и с помощью мудрости стал быстро двигаться к совершенству, — то, пристально рассмотрев оком созерцания природу вещей и познав причины, благодаря которым они получили свыше движение, он обретает от Духа ясность речи и, составив прекрасные проповеди, произносит их посреди церкви Христовой (Пс. 44:1). А когда пастырь и учитель узнал, что ученик таким образом быстро при горячем рвении духа возрос в мужа совершенного, в меру возраста Христова (Еф. 4:13), он возымел прекрасное намерение этот уже зажженный светильник поместить на подсвечнике (Мф. 5:15) церкви верных, чтобы он всем в ней находящимся явил то, в чем самого его просветил свет познания.

30. Вот что думал тот святой муж о Симеоне, а между тем прошло немного времени, — и настоятель того монастыря, оставив земное, отошел ко Господу. И тогда решением Патриарха Николая Хрисоверга и монахов обители святого Маманта Симеон возводится на учительский престол и рукополагается во священника, как сослужитель вышних сил, не без борьбы и по-

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

хвального сопротивления, которое он прочно стяжал во смирении сердца, благоговев перед достоинством священства и откладывая бремя власти по причине достохвальной и прекрасной робости. Итак, он помазуется елеем радости (Пс. 44:8) и возвещает мир людям, будучи громогласно засвидетельствован всеми как достойный иерей, блюститель Божественных Таинств и созерцатель страшных зрелищ, которые он видел очами херувимскими. Ведь когда премудрый Симеон рукополагался архипастырем во иерея и тот творил над ним молитву, а он приклонил колени и голову перед таинством, он увидел, как Дух Святой, словно беспредельный свет, простой и лишенный формы, снизошел и покрыл его всесвятую голову. Духа Святого видел он сходящим на предложенную им жертву, когда совершал Литургию, в течение сорока восьми лет своего священства, как сам он кому-то рассказывал, будто о ком-то ином, сокровенно подразумевая самого себя, и как написано в его апофтегмах.

31. Так кто же в этом поколении поднялся до такой степени созерцания, чтобы всегда ясно видеть Духа Святого, слышать, как Он говорит, и чувствовать Его действие и движение?

Затем, погрузившись в глубины смиренномудрия, отвращаясь от людской славы, он стремился быть незаметным и избегать, насколько возможно, даже своих сослужителей. Вот поэтому-то часто, когда его спрашивали, каков должен быть священник, он, преодолевая себя, с умилением и со слезами отвечал: «Ах, братья, зачем вопрошаете меня о таких вещах? Ведь одно помышление об этом наводит трепет: я вовсе не достоин быть священником, потому что о священном достоинстве помышляю страшное; и все же я, ничтожный, твердо знаю, каким должен быть священник. Во-первых, священник должен быть чист, и не только телом, но, что гораздо важнее, самой душой; и не только это, но и быть непричастным всякому греху, по внешнему поведению смиренным, а по внутреннему устройству сокрушенным. Когда же он предстоит святому престолу, он должен мысленно видеть Божество, а чувственно дары предлагающие, обрести знанием в своем сердце Того, Кто в дарах невидимо присутствует, чтобы он мог с дерзновением приносить молитвы и беседовать с Богом и Отцом, как друг беседует с другом, и неосужденно произносить “Отче наш, Иже еси на небесах” как имеющий в себе истинного Бога и по природе сущего».

Сына Божия, в нем пребывающего помощью вселившегося в него Духа Святого».

32. Так говоря, проливал он потоки слез и каждого из присутствовавших умолял не добиваться этого недостойно, прежде чем многими трудами не достигнет такого состояния для совершения столь высокого и даже для ангелов страшного таинства, но день за днем усердно трудиться в исполнении Христовых заповедей и, так сказать, ежечасно каяться в том, в чем мы, люди, согрешаем не только по плоти, но и глубинами ума и тайными помыслами души; и особенно сокрушенным духом следует ежедневно со слезами возносить жертву Богу за себя и за ближних — молитвы и прошения нашего таинственного священнодействия, которому Бог радуется и принимая которое во святой, пренебесный и мысленный Свой жертвенник, подает нам дар Всесвятого Духа.

33. Так отвечая спрашивающим и в таком состоянии восседая на пресвитерском престоле, сослужитель вышних чинов постоянно приносил бескровную жертву в созерцании Духа, и лицо его принимало ангелоподобный образ. Даже и черствый душою, если смотрел на Симеона во время Литургии, когда он преподавал мир народу, не мог долго выносить сияние его лица, но бывал ослеплен исходившими из него лучами, находясь в смятении, подобно тому, кто внезапно взглянул на солнце и был ослеплен присущим солнцу светом. Ведь благодать Духа, полной мерой разлитая во всем теле Симеона, всего его сделала словно огонь, и он стал почти недоступен очам человеческим во время своего служения. Говорил и Симеон Эфесский, который сам стал учеником этого мужа и который поведал некоторым людям о нем: «Когда я сослужил, — говорит, — святому, у меня открылись умные очи, и я увидел его во время служения его в алтаре с омофором, облаченным в патриаршую столу и погруженным в божественные таинства». Уверял меня и Мелетий, собственноручно постриженный святым, что, говорит он, «часто видели мы, как светящееся облако окутывало его всего, когда он стоял в алтаре во время святой анафоры». Так и должно быть: достигающие высоты добродетелей удостоены бывают славы Божией.

34. К тому времени, когда Симеон принял попечение о пастве словесных овец Христовых, монастырь давно уже находился в полном запустении и не был ни прибежищем, ни обителью

для монашествующих, но служил местом, где проживали миряне, и усыпальницей, где лежало множество мертвых тел. Из монахов остались немногие, но и те по причине духовного бесплодия одичали и томились голодом по слову Божию. Так вот эти-то малочисленные и вверенные ему души Симеон сначала вскармливает бессмертной пищей Слова, утоляет голод и дает вкусить лучшей жизни. Затем собирает он с Иисусом (Мф. 12:30) и умножает овец, доводит их до большого числа и составляет из учеников войско. От единственной виноградной ягоды или от молодой и незрелой грозди слагает он в хозяйское точило созревшие грозди, то есть мужей желаний духовных (Дан. 9:23; 10:11, 19). Но так как монастырь требовал большого труда для восстановления, то он выносит за ограду все сваленное в груды и лежащее на земле как бесполезное и благолепно обновляет весь монастырь от основания, кроме храма. А храм, который, как говорят, построил император Маврикий и который давно стал усыпальницей, очищает он от мертвых тел, устилает пол мрамором и светло украшает храм пожертвованной утварью и святыми иконами. Кроме того, он устраивает хранилище книг, священных облачений и всего прочего, а еще светильников, выточенных из прозрачного камня, и удивительных по красоте паникадил.

35. Так восстановив всю обитель, Симеон обращается затем также и к духовному устройению учеников, назидая и уча их искусству искусств и науке наук, то есть монашескому образу жизни — немного словами, но больше делом побуждая их к исполнению заповедей, показывая свой пример и говоря: «Смотрите на меня и делайте то же» (Суд. 7:17). Тогда же он установил трапезу, общую для себя и учеников — вареные овощи и крупа, которых достаточно вкусивши, ученики с благодарением вставали, а он зачастую, отойдя от них, довольствовался сырыми овощами и умеренным количеством воды, тем самым обуздывая себя и сдерживая, являя ученикам образец теснейшего и полного трудов пути (Мф. 7:14). Так поступал он и так учил, и благодаря переизбытку смиренномудрия стал у него возрастать дар умиления, свыше ниспосланный, который стал для него хлебом и питьем в течение всей жизни, так что он мог сказать вместе с Давидом: «Ты наплатил нас хлебом слезным и напоил нас вином

умиления» (Пс. 79:6). Для этого делания ¹¹ он установил себе три времени дня, как было сказано: раннее утро — после утреннего псалмопения, время священной анафоры, когда закалается Сын Божий, и время вечернее, после прочего псалмопения. В эти три времени, стоя уединенно, он со слезами один на один общался с Богом.

36. Каждый день сокровенно исполнял сей праведник такое делание. Однажды ночью он стоял и воздавал молитвы свои Господу — и вдруг видит, что поднялась крыша дома, и облако света, нисшедши с неба, опустилось на его честную голову: оно покрывало всего его довольно долго и преисполнило его величайшей теплоты и какой-то неизреченной сладости, неописуемой радости и душевного наслаждения, ибо он слышал и голос таинственный, оттуда исходивший, который поучал его неким неизведанным и сокровенным тайнам. Поэтому, когда облако удалилось, он обрел свое сердце источающим в премудрости Божией потоки божественной благодати, и отныне он уже не принадлежал себе, но божественная благодать, целиком его захватившая, сделала язык его «тростью книжника-скорписца» (Пс. 44:2), а разум — источником божественной мудрости (Вар. 3:12). Поэтому, хотя он был совершенно несведущ в светских науках, он стал богословствовать, словно «любимый ученик», и предавался богословию целыми ночами.

37. Мы слышали, что всякую природу, к сей жизни причастную, сон укрощает, но душа этого человека, чуждая телесных нужд, не желала сна и не позволяла ни телу клониться, ни усталость чувствовать при всенощном бдении или стоянии, ни уступать и поддаваться нуждам голода и жажды. Как те, кто в благополучии ведет жизнь изнеженную и выглядит цветущим и румяным, так Симеон при всяком злострадании выглядел сияющим и ангелоподобным. Но будучи так усовершенствован благодатью свыше и удостоенный апостольского дара, то есть слова учительного, он сделался и видим был, повторяю, органом Духа, таинственно звучащим свыше: то он слагал свободным размером «Гимны божественной любви», то от обилия мыслей писал толкования Священного Писания, иногда же составлял огласительные слова, а временами, обращаясь с посланиями к немногим, бывал всеми услышан.

¹¹ Т. е. для плача умиления.

38. Но что же дальше? Орошал он, как я сказал, непрерывно паству словами, и она ежедневно возрастала, но не безболезненно, не без различных препятствий, а с великими трудностями и вражескими искушениями. И чтобы через одно искушение показать и прочие, с ним случившиеся, я расскажу о том, что причинили ему монахи этого монастыря во время богослужения. Однажды утром, когда кончилось утреннее славословие и блаженный муж, как было у него в обычае, начал поучать учеников, то обличая, то запрещая, то увещая (2 Тим. 4:2), согласно совету апостольскому — внезапно человек тридцать монахов, разодрав на себе одежды, подобно тем, которые когда-то были вместе с Анной и Каиафой (Мф. 26:65), с бессвязными криками, порываясь совершить убийство и смутив всю церковь, дерзко подняли нечестивые руки на отца своего, чтобы схватить и растерзать его, словно дикие звери. А он, когда заметил внезапное изменение их и то, как они изменились к родному отцу и учителю, прижал руки к груди и мысль устремил к небу: стоя неподвижно, с ясной улыбкой взирал он на нечестивцев.

39. Они же продолжали наступать на него с бессмысленными воплями и бранью, ярость лающих псов и бесстыдство свое обнажая, но сила свыше не позволяла им наложить на него нечестивые руки, ибо благодать, в Симеоне поселившаяся, удерживала их на расстоянии и отталкивала от него. Не зная, что делать, они выбегают из церкви и, сокрушив запоры монастырских ворот, одержимые и безумные, бегут в патриархию, оставив блаженного мужа только с благочестивыми. Когда же они, безоружные, прошли первые ворота великой церкви Божией и криками снизу стали донимать архипастыря, — а это был Сисинний, — патриарх вызывает их, осведомившись о причине смуты и о кознях против святого мужа. Распознав страшное их безумие, на следующий день вызывает он блаженного мужа. И когда блаженный вошел к нему с достоинством и в ясном спокойствии, он стал расспрашивать его о причине безумного поведения монахов. Когда же тот изысканным и красочным слогом рассказал о том, что случилось во время обычной проповеди и поучения, затем об их бесстыдстве и об их порыве совершить убийство, и как они бежали, сокрушив засовы и замки ворот, патриарх, потрясенный этим и узнав о зависти и неистовстве этих безумцев, преисполнился справедливого гнева и всех их осудил на изгнание.

40. Если бы кто-нибудь иной претерпел от них таковое, неужели не обрадовался бы этому решению? Не возвеселился бы, по слову Писания (Пс. 57:11), если бы увидел отмщение? Не так пастырь добрый и точнейший подражатель Первого Пастыря. Когда он увидел стражей, приготовившихся схватить мятежников и увести их, он, преисполненный сострадания и полагающий душу за овец (Ин. 10:11), падает ниц, касается ног патриарха и в слезах испрашивает для них прощение. С трудом склоняется патриарх и в ответ на просьбы отменяет изгнание, однако не позволяет уже этим людям вернуться в обитель. Немедленно все они были отлучены от Церкви и, преисполненные безумства, разбежались, каждый следуя собственной воле. Из них одни стали оглашенными при церквях, других разбросало по разным монастырям, а все наихудшие и ничтожнейшие рассеялись, кому куда случилось.

41. А что же пастырь добрый? Один возвращается он в монастырь, внутренне терзаясь от потери овец Христовых и обливаясь слезами. И смотри на непреклонность святой души и незлобие праведника (Прем. 2:19)! Так как ему невыносимо было видеть двор опустевшим от овец, что предпринимает муж всеумудрый и благородный, чтобы примирить паству с собою и с Богом и чтобы возвратить к себе? Он разведывает о тех местах города, в которых каждый из этих людей пребывает по собственной воле и, разузнав это, посылает каждому, в чем тот нуждается, смягчая утешительными словами жестокость их сердца. Поступал он так в течение многих дней и, будучи поистине добрым пастырем, смиренно с каждым в отдельности общался, с любовью беседовал, просил вернуться и простить его, как если бы скорее он их обидел, а не был обижен ими. Назидательными словами умягчил он их упорство и сердечную жестокость, и за короткое время пастырь добрый собрал всех, войдя во двор овчий дверью Иисусовой, а не иным образом, словно забравшийся туда разбойник (Ин. 10:1—2), и снова наполнил свой двор прирученными овцами, которые незадолго до того одичали.

42. Да услышат пастыри нынешнего века о его добродетели и да подражают ей, дабы стать, если захотят, сопричастниками и соучастниками той благодати свыше, какую вкусил он. Ведь тому блаженному мужу, в отличие от теперешних пастырей и учителей, помогало не стремление удовлетворить всякую телесную потребность в сей жизни, но забота о том, чтобы скорее

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

устранять пламя вожделения и не давать перевеса худшему началу души, идти только за лучшим и следовать воле Божией. Поэтому избегал он людской славы как подательницы вечного наказания. Он не страдал тем, что свойственно многим — кто, не будучи в силах явиться перед другими досточестным благодаря крайней добродетели, наводит страх на людей подвластных гордо поднятой головой и насупленными бровями, — но подражал своему Богу и Господу, соразмеряясь во всем со своими учениками; поэтому блаженную бедность и нестяжательность принимал он с радостью, как надежное богатство, ибо через них ему прекрасно удавалось и мыслями пребывать в смирении, и постоянно находиться в сокрушении духа.

43. Поэтому струились у него потоки слез, цвела в нем кротость, а влечения к божественной любви и праведности, сострадания к ближнему, чистоты сердца, мира по отношению к себе и ко всем, терпения в искушениях и стойкости в гонении за правду (Мф. 5:5—10) — всего этого, словно великой награды, всегда стремился он достичь. Поэтому не ошибался он в своих желаниях, задуманное исполнялось на деле до конца, и обнаружил он терпение в делах, как покажет дальнейшее повествование. И лицо у него всегда было словно сияющим, он возвеселялся изнутри благодатью Духа, как сказал мудрец: «Когда радуется сердце, цветет лицо» (Притч. 15:13).

44. Таков был Симеон, и таковую вел он жизнь, и таковая сопутствовала ему деятельность. Во-первых, он полностью отшелся от мира и того, что в мире, обнажившись от всякого пристрастия к вещам видимым; затем, устранив собственные желания и вступив на стезю подвига, доблестно отогнал противника. Преуспев в этом, от безмолвия обратился он к служению слова и, воссев на пресвитерской кафедре, поучениями просветил вверенный ему народ, многих, из недостойных сделав достойными, привел к Богу и, наконец, сражаясь правды ради со многими искушениями, до конца сохранил непобежденным свидетельством своей совести. Такова была, как сказано, жизнь этого человека; если выразить кратким словом, жизнь деятельная и вместе с тем в высшей степени созерцательная и возвышенная, совершенная в богословствовании и в великой премудрости Божией. Такова же была и паства его, как бы вторая церковь священных студитов, по облику ее и делам, по самому одеянию и нравам, или, лучше сказать, хор бесплотных ангелов, разумно

Преподобный Никита Стифат

воспевающих (Пс. 46:7) хвалу Богу и с горячим усердием ему служащих. Так проводя жизнь и таким образом превзойдя низменные потребности тела, блаженный муж ежедневно возрастал в стремлении к лучшему (Флп. 3:14), и возрастала у него паства Христова через постригаемых его учеников.

45. Стоит упомянуть о добродетелях одного или двух его учеников и попутно рассказать о них, чтобы через это еще явственнее для всех стала добродетель их учителя. Некий муж, происходивший также из Пафлагонии, евнух, по образованию скорописец, презрел суетность этой жизни, и когда дошел до него слух о блаженном отце, направился к нему, полностью отрекшись от мира. И вот, когда блаженный Симеон увидел и испытал его и нашел, что человек этот всячески возненавидел мир и горячо устремился к Богу, он принял его в свою паству, сошел с него мирское платье и одел сначала в ризу послушничества, не обещая пострига; если же он хорошо исполнит назначенные ему работы, с готовностью претерпит труд всякого злострдания, тогда во благовремение дано будет ему и во святую схиму облачиться, и разделять с прочей братией порядок и устав обители. За короткое время наилучшим образом засвидетельствовав свою покорность, показав на деле, какая у него любовь к подвигам за добродетель, и пройдя через все низменные послушания, человек этот постригается у Симеона и по внешности и внутренне, и получает имя Арсений. Итак, вступает он на поприще подвижничества и, будучи свободным от душевных желаний, начинает схватку с противником.

46. И посмотри на происки врага и на крепость и разумность Арсения. Поскольку любовь к родителям есть некие трудно расторгимые узы, самым естеством сплетенные, и немногие при помощи философии стяжали убежище от них, то через это пытается враг погубить и Арсения. Но он, имея большое доверие к блаженному Симеону, с самого начала разорвал эту связь словно паучьи сети, как покажет дальнейшее описание его деяний. Мать Арсения была еще жива и проживала на Понте Эвксинском. Кознодей побудил ее и подвигнул, чтобы ради горячей любви к сыну дошла она до царицы городов¹². Придя в город, разузнает она, где находится прибежище и местопребывание сына, стремительно туда спешает и, простершись перед воро-

¹² Т. е. Константинополя.

тами, со слезами просит позволения увидеть сына. Привратник, не стерпев настойчивости женщины, рассказывает Арсению о ней, и о том, как она говорит: «Не встану с этого места, если не увижу сына моего возлюбленного». И что же истинный ученик истинного пастыря и учителя? «Я, — говорит он, — уже умер для мира; как же, брат, обращусь я назад и увижу, как ты говоришь, родившую меня во плоти? У меня есть родивший меня по духу, от которого ежедневно я вкушаю чистейшее млеко (1 Петр. 2:2) благодати Божией, — я говорю о моем отце по Богу, который, родив меня в Духе, стал для меня и матерью, как говорится, и который в лоне и утробе своей лелеет меня, словно новорожденного младенца. Я никогда не смогу его покинуть и устремиться за ней, даже если услышу, что она у ворот испустила дух». Выслушал это привратник и передал матери сказанное Арсением. Три дня, проливая слезы, пробыла она у ворот и отправилась в обратный путь, так больше и не увидев своего сына, не побежденного природной любовью.

47. Если таков был рожденный в начале ристалища, каков же был по высоте добродетели и знания родивший его? Ведь говорит мудрец, что по сыновьям познается родитель (Еккл. 11:30). Едва начав готовить Арсения к подвигам за добродетель, Симеон увидел, что ученик прилежен в любом послушании, и не замедлил предоставить жаждущему способы приобрести пользу: он повелевал Арсению то ухаживать за мулами, то помогать на поварне, а иной раз носить воду и выполнять всякую более низменную работу. Арсений же не только охотно нес эти труды, но превосходил всех своих сподвижников-монахов в перенесении прочих трудностей, как-то в посте, бдении и молитве. Поэтому, когда в начале его пребывания в монастыре настал пост святой Четыредесятницы, он, будучи еще неопытен в подвижничестве, обращается к Симеону с просьбой провести первую неделю совсем без пищи. А святой, видя его горячее усердие, как и подобает, радовался и побуждал его к аскетическим подвигам, однако не хотел, чтобы тот следовал собственной воле, но предпочитал, чтобы он извлекал пользу большую и совершеннейшую через отсечение своей воли. Поэтому Симеон не потакал его воле. А тот возгорелся и, стараясь избежать препятствий в начатом деле, добивался исполнения своей просьбы.

48. Но так как блаженный муж часто пресекал его порывы, а тот часто настаивал на исполнении своего желания, то говорит

ему Симеон: «Арсений! Было бы прекрасно и очень полезно для тебя не собственной воле следовать, но больше слушаться моих повелений; если же тебе кажется, что полезно исполнить собственное желание, как ты рассудил, то я, хоть и с неохотой, все же позволяю тебе сделать то, что ты хочешь. Смотри же, что предстоит тебе претерпеть и какой плод неповиновения ты получишь». Сказал, — и когда наступила первая неделя, Арсений со всем присущим ему пылом и с горячим усердием безрассудно приступает к более совершенным подвигам, будучи еще новоначальным. Когда же все прочие в десятом часу ¹³ уходили на ужин, он один оставался без пищи, взирая на святого Симеона и желая ему подражать. Но во время ночного бдения четвертого дня, стоя среди воспевающих псалмы, он внезапно лишается чувств и падает навзничь, — бедствие от преслушания, очень грозный и страшный пример присутствующим. А святой, предвидя случившееся и поручив одному из учеников держать наготове сосуд с разведенным вином и немного хлеба, дает знак нести это прямо на утреннюю службу и приказывает, как только это будет принесено, поднять Арсения и накормить его этим. Приняв пищу, тот поднялся с превеликим, сколь можно выразить, стыдом и слышит от блаженного: «Если бы ты был во всем подобен братьям, то, находясь среди них на бдении, не претерпел бы ничего неподобного. Но поскольку ты раньше времени по гордыне и непокорности души поспешил достичь большего и стяжать первенство среди прочих, то по справедливости ты и меньшего не удержал».

49. С этого времени охватило Арсения непритворное раскаяние; от сознания позора ввергло оно его в глубину смирения. И дабы повествование наше показало его преуспевание в смирении, мы вспомним во украшение рассказа один или два случая из того, как поступал с ним блаженный ради смирения его. Исполняя служение келаря, Арсений однажды промыл пшеницу водою и поставил ее в притворе храма. Одну дверь он оставил открытой, чтобы зерно просушивалось. Но откуда-то налетели вороны, забрались внутрь храма, наелись зерна, сколько могли, прыгали и кричали. Услышав их голоса, Арсений бросился туда и нашел их жадно глотающими зерно, а зерно повсюду раскиданным. И вот, увидев это и преисполнившись гневом на птиц,

¹³ Т. е. в три часа пополудни.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

он затворил дверь, палкой перебил их всех и побросал на землю. И словно содеявший нечто праведное, сообщает он об этом блаженному. А тот, будто бы благосклонно приняв слова его, говорит: «Ну-ка, пойдем, посмотрю я, хорошо ли ты сделал, что убил их». Придя на место и увидев, что убитые птицы распростерты на полу, святой опечалился и вознегодовал на безрассудный порыв Арсения. Позвав одного из чад своих, он приказал принести веревку, связать ею всех птиц и повесить на шею Арсению. Исполнение приказанного опередило слова, и тогда блаженный повелел вести виновного через весь монастырь и поставить на виду у собратий-монахов. Это позорное действо Арсений переносил с таким сокрушенным настроением, что реки слез струились у него, и он громко называл себя убийцей. Итак, довольно рассказанного, чтобы показать добродетель обоих и любомудренное делание их благочестия.

50. Но надо еще прибавить к рассказанному то, что едва не ускользнуло от нас. Однажды к блаженному пришли друзья. И так как одному из них по причине какого-то телесного недуга требовалось вкусить мяса, — и притом мяса только что оперившихся голубиных птенцов, — то сострадательный и блаженный Симеон приказывает зажарить птиц и предложить нуждающемуся. Когда же недужный ел, сидевший тут же за столом Арсений смотрел на него с негодованием. Так вот, блаженный Симеон заметил его состояние и, желая научить его внимать только себе и не считать возможным оскверниться от принятия чего-либо, — ведь сказано, что для чистых все чисто (Рим. 14:20), ничто из входящего извне не может осквернить душу (Мк. 7:15), — а вместе с тем, желая показать высоту смирения ученика сотрапезникам, чтобы узнали они, что есть истинные чада послушания Богу и добродетели, говорит ему: «Почему, Арсений, ты не внимаешь одному себе и не вкушаешь хлеб свой со смирением, долу потупив очи, но, устремив взор на вкушающего по немощи мясо, страдаешь от помыслов, думаешь, что ты более благочестив, чем этот человек, если ты вкушаешь овощи и земные семена, не так, как орлы поедают голубей и куропаток? Или ты не слышал, как говорит Христос: “Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст” (Мф. 15:11), как-то прелюбодеяния, любодеяния, убийства, зависть, корыстолюбие и прочее (Мф. 15:11—19)? Почему ты, непонятливый, не смотришь и не помышляешь со знанием,

но столь неразумно внутри себя осудил вкушающего, конечно уж пожалев об убийстве птиц, и забыл о том, кто сказал: “Не вкушающий да не осудит вкушающего” (Рим. 14:3)?¹⁴ Теперь ешь и сам от них и знай, что ты больше оскверняешься помыслом, чем вкушением этих птиц».

51. И, схватив одну из птиц, святой бросил ее Арсению, приказывая ему есть ее. А тот, как только услышал это, содрогнулся от жестокости приказания, но зная, что непослушание тяжелее вкушения мяса, положив поклон и испросив благословения, взял птицу, начал пережевывать ее и есть со слезами. Когда же святой увидел, что он уже достаточно измельчил пищу зубами и готовился пропустить ее в желудок, он говорит: «Довольно с тебя, выплюни остальное, ибо если ты, обжора, начал есть, даже целый голубятник не сможет насытить тебя и остановить твою похоть». Так без рассуждения славный ученик великого этого отца исполнил послушание, которое пред лицом Бога обещал хранить до смерти. Не напрасно и не без умысла рассказываю я об этом, но чтобы показать знание учителем науки добродетели, преуспевание учеников его в смирении, и то, как велико было и у учителя и у учеников дело благочестия — в роде сем, который пренебрег божественным и тщательным деланием добродетели, свойственным отцам.

52. Но, если угодно, обратим повествование и к другому его ученику. Ведь рассказ этот не только не без приятности, но и пользу доставит вам вместе с удовольствием.

Был некий епископ, из западных, весьма боголюбивый по характеру и образу жизни, разумный, чистый и добродетельный. По причине дьявольской зависти впал он в тяжкий грех убийства. Но я расскажу по порядку, как это произошло. Епископ однажды сидел у входа в свою келлию, держа книгу в руках, и почувствовал легкую жажду. Был вечер. И так как прислуживал ему горячо любимый племянник, то и зовет он отрока, чтобы тот приготовил ему чашу разбавленного вина. Тотчас же выполнив просьбу, мальчик приносит чашу епископу, то есть своему дяде. Приняв ее и отведав, епископ преисполнился неудовольствия, потому что смесь была тепловатой. Тогда он поднял посох, который держал в руках, и, схватив его пальцами посередине, замахнулся на мальчика, как бы желая его напугать. А посох —

¹⁴ «Кто ест, не уничижай того, кто не ест». — Синодальный перевод.

о, непостижимый Твой суд, Христе! — по действию диавола выскользнув из рук епископа и, ударив мальчика по темени, мгновенно исхищает его из здешней жизни: поверженный отрок падает на землю мертвым. Епископ же, увидев, что племянник, вопреки всем его намерениям и по его же вине лежит на земле, бездыханный и мертвый, бросается на него с воплями сожаления и со слезами просит, чтобы и ему самому отдать душу.

53. Когда же плач его возвестил всем о несчастье, собирается клир его епископии, сокрушается и оплакивает не столько ребенка, сколько своего пастыря. Ведь был он для всего клира человеком добрым, кротким, спокойным, справедливым, сострадательным, милостивым, делателем всякой добродетели и правды; поэтому, желая вывести его из состояния глубокого отчаяния, люди умоляли, припадали, кричали, что они претерпят за него все — даже наказания рабства и злострадания. А он, как пораженный до самой глубины, не мог даже слышать то, что они говорили. Утром встал он, предал погребению останки умершего, обвязал себе шею цепью и, отдав ее конец одному из слуг, приказал силой влечь себя в Рим. И вот, когда люди епископии увидели, что ничего не добились и что уже не могут удержать уязвленного до глубины души епископа, с громкими рыданиями соглашались они на его отбытие. Быстро пройдя пешком столь великое расстояние по длинному тому пути в слезах и рыданиях, епископ входит в Рим с цепью на шее, влекомый слугой. Он исповедует свой грех папе и находившимся в Риме архиереям голосом, прерывающимся от плача и воплей. Видя его безграничное сокрушение и слезное покаяние, они не только быстро дали ему разрешение в его горе, но бесчисленными словами утешения умягчили боль страждущей его души. Но побеждаемый сердечной тоской епископ оставался безутешен.

54. Оттуда направляет он влекущего его слугу к великому граду Константинову. Еще и этот путь проделав пешком, он достигает царственного града и, войдя в великую церковь Бога, со слезами исповедует свой грех патриарху и архиереям и, окончив речь, вместе с цепью слагает с себя епископское достоинство. Душевно был любим епископ патрикием Генесием, и сам он того любил в равной мере. Когда патрикий узнал о случившемся, он пригласил епископа в свой дом, обласкал его и словами утешения ободрял его душу, беседовал с ним, как из-

менить ему жизнь и прямо спросил об этом, то есть каковы его намерения и какой образ жизни выберет он для остатка своих дней. А тот ответил: «Уединение, и притом в горах, пещерах и в недрах земных». Охваченный глубочайшим сочувствием, патрикий сказал: «Я не думаю, отец, что это будет хорошо для тебя: но если ты послушаешься моего доброго совета, то возлюби проводить монашескую жизнь в киновии и получишь немалую пользу через отсечение своей воли». Епископ ответил: «Где же, господин мой, я мог бы найти киновию, окормляемую сведущим пастырем, чтобы мне, отягощенному невольным преступлением, всецело предать себя на добровольную смерть?»

55. Генесий, имея духовным отцом блаженного Симеона и зная, сколь велик он в пастырстве и врачевании душ, рассказывает о нем епископу и говорит: «Если ты стремишься к истинной пользе и хочешь увидеть второго Арсения Великого и со всей тщательностью устроенную киновию — приди и виждь (Ин. 11:34), и, увидев, уверуй». Патрикий пошел впереди, а епископ тотчас же последовал за ним, и так достигли они вместе киновии блаженного, дали ему о себе знать, и были ласково встречены. Когда же святой муж узнал, что приключилось с епископом, он восскорбел душой и, только слушая, проливал потоки слез. Когда же епископ увидал сочувствие святого мужа и услышал из уст его слова участия, он повергся к его ногам и просил позволения быть принятым в обитель, изменить внешний вид и поселиться вместе с его учениками. А блаженный муж, тотчас уразумев горячий порыв этого человека и познав духом, каким богоизбранным сосудом тот станет, принял его и, сотворив над ним все, что полагалось для пострижения его в схиму, наименовал иерея Божия Иерофеем.

Достигнув того, чего так горячо желал, Иерофей немедленно вступил, по доброй воле, во всеборье с уязвившим его врагом. Он изнурял свою плоть постами и длительными страданиями, укрощал себя бдениями и всенощными стояниями на молитвах, сокрушал дух свой в услужении братьям. В жажде страданий он притворялся, будто бы нечаянно, а на самом деле намеренно, разбивал горшки с нечистотами, которые он выносил, чтобы услышать ругательства или даже получить пощечины. Принимая оскорбления, он радовался, словно получал нечто желанное, и жаждал испробовать бичевания, чтобы, подставив ударам внешнюю оболочку, освободить внутреннего человека от

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

будущих скорбей. Столь великое умиление было ему дано тогда вместе с изобилием слез, что он не мог их сдержать ни днем, ни ночью.

56. Чтобы на одном примере показать всем, как от его усердия через скорби и искушения возникала жизнь добродетельная, я расскажу только нижеследующее и сейчас же обращусь к блаженному Симеону.

Когда однажды Иерофей исполнял службу на складе, святой муж поручил ему наполнить из бочки один из пустых сосудов. Иерофей тотчас же повиновался и пошел к бочке. Был же у него обычай всегда петь псалмы и плакать, даже когда он шел исполнять службу, и прикладываться к образам святых и к начертаниям креста, хотя бы их были десятки тысяч. Случилось так, что крест был и на обеих сторонах крышки бочки. Иерофей открыл бочку, приложился к кресту и, закрыв крышку, снова припал. Приложившись и опять открыв бочку, он наполнил пустой сосуд, поставил его на бочку и так оставил. Затем, снова подняв крышку, он начал целовать крест, а сосуд тотчас же опрокинулся, и вода стала выливаться на землю. Увидав же, как опустошается сосуд, он с улыбкой сказал: «Клянусь юродивым Иерофеем, о злой бес, я не подниму его, пока не приложусь к моему кресту — ведь я знаю, что ради этого ты и устроил такое зрелище!» Когда же сосуд совсем опустел, Иерофей поднял его, поспешил к блаженному отцу и рассказал обо всем происшедшем. А святой, зная усердие Иерофея и зная, что он все делал для того, чтобы навлечь на себя бесчестие, и желая жаждущему венцов предоставить таковые, приказал поступить с ним следующим образом.

Так как в этот день случилось насельникам грузить на монастырских мулов множество пустых сосудов, то Симеон приказал поместить на них Иерофея и так везти до Ксиролофа, а влекущему его говорить: «Если кто-либо повредится умом, то вот какой триумф его ожидает!» Так и сделали: посадили Иерофея поверх груза, погонщик мулов стал громко возглашать то, что было ему приказано, а дивный Иерофей вторил ему, проливая вместе со словами потоки слез.

57. Чтобы кто-нибудь не подумал, что этот человек по причине плохого обхождения с ним навлек на себя ненависть некоторых учеников Симеона, я коротко расскажу другой случай с

Иерофеем, который свидетельствует о его доверии к блаженному мужу.

Однажды блаженный послал Иерофея навестить упомянутого патрикия. Увидев друга, патрикий весьма обрадовался и, угостив его, дал ему кошелек с золотом. Тот сначала не хотел брать кошелек, ибо не имел в нем нужды тот, кто никогда ничего не имел, кроме власяницы. Но так как патрикий стал заклинять и принуждать его, он все же взял кошелек и, сняв покров с головы, положил туда деньги. Держа деньги в протянутой руке, он в таком положении побежал прочь; достигнув монастыря, он увидел блаженного и вывалил кошелек с золотом ему в руки. Такое доверие и несокрушимую любовь к святому имели и этот славный ученик его и прочие — все, для которых бегство из мира было неложным, даже если подвергал их учитель многочисленным испытаниям через то, что казалось тягостным и искусительным, дабы никто не оказался порочным и упрямым, сбившимся с пути ребенком и из-за своей порочности не стал ненавистным отцу. В таковой любви к Богу преуспел, среди прочих учеников Симеона, и Иерофей, что, если ему случалось когда-либо читать книгу, то, сколько бы раз ни было написано «Бог», или «Христос», или «Иисус», он прикладывал к этому божественному наименованию свой правый глаз, затем другой, и плакал до тех пор, пока книга и грудь его не увлажнялись слезами.

58. Такие нивы обрабатывал треблаженный и великий отец наш Симеон и таковых учеников приобрел. Ведь если я попытаюсь упомянуть одного за другим избранных учеников его — мудрейшего Льва, по прозванию Ксилокодон, то есть «Деревянный колокол», Антония, Иоанникия, Сотирixa, Василия и Симеона, и некоторых других мужей, взыскующих Духа Святого, то мне, повествующему, останется сказать вместе с апостолом: «Недостает мне времени» и бумаги, «чтобы повествовать о них» (Евр. 11:32). Но довольно об этом.

59. У дивного Симеона все шло хорошо: собрал он прекрасную паству Христову, подготовил достойных, горящих духом учеников и научил их всей душой служить Господу. Но сильно огорчали его повседневные дела и забота о них, потому что они отвлекали его от наипрекраснейшего и желанного безмолвия. Движимый Святым Духом, он замышляет устроить управление киновией и учениками согласно древнему обычаю и самому

впредь освободиться от забот и снова, как раньше, предаться желанному безмолвию. Ведь любовь к безмолвию захватила его душу и даже среди суеты держала его отчужденным, чаявшим перемены к лучшему. И вот, по решению патриарха Сергия, добровольно оставляет он игуменство, а игуменом ставит вместо себя ученика своего Арсения, только что достигшего Христова возраста, а духом стремительно поднявшегося до мужа совершенного, могущего пасти Христово стадо. Сам же он отделяет для себя один угол, наравне с прочими монахами возводя очи (Пс. 122:1) к рукам ученика в христоподражательном смирении. С этого времени ученик Арсений приступает к попечительству над киновией, а пастырь и учитель всех монастырских насельников — к занятиям в уединении и к созерцанию логосов творения. Так что один ведет паству, а другой молитвой укрепляет ведущего и, наблюдая за сокровенными побуждениями прочих, направляет их к лучшему и более совершенному.

60. Но сначала собирает он учеников и при них обращается к дивному Арсению и ободряет его следующим поучением: «Ты знаешь доподлинно, — говорит он, — мою глубочайшую любовь к тебе и ко всем остальным — моим чадам и братьям, отче и брат, и да не забудешь ты никогда моей любви, моего сострадания, моих слез, которые проливал я за вас денно и ночью пред лицом Бога в течение двадцати пяти лет игуменства, но да будешь помнить об этом и будешь подражателем моего доверия к отцу моему духовному и отцу вашему, — я говорю о блаженном Симеоне¹⁵. Зная мою к нему приверженность, да поведешь ты с верой отцов и братьев своих, да будешь заботиться о них, как о собственных членах (1 Кор. 12:26—27), и, если нужно, душу свою за них положишь (Ин. 15:13) и не предпочтешь ничто из мирских вещей любви к ним. И раз уж из всех прочих тебя избрал Святой Дух на игуменство и присудил к этому через мое смирение, то следует тебе, согласно со словом Господа и Бога нашего, быть последним по образу мыслей и божескому смирению (Мк. 9:35), дабы как сильный носил бы ты немощи слабых, как врач лечил бы недуги братьев, как пастырь возвращал бы заблудших, и дабы добрым помогал рождать в изобилии добродетель, а исполненных пороком и нерадением удалял бы от своего словесного стада, чтобы не передать болезнь и здоровым. А

¹⁵ Т. е. Симеоне Благоговейном.

я уже состарился, много перенес и отдохну немного от трудов и буду пребывать вместе с тобой близ Бога душой успокоенной и несмущаемой.

61. Так постарайся, чадо мое о Господе, увеличить паству Господню заботой о ее словесных овцах, да не уклонишься ты к телесной слабости или изнеженности; не накапливай монастырское добро больше для себя, чем для братьев ради наслаждения. Не стремись часто отлучаться; хватит с тебя выйти раз в месяц, чтобы сделать наиболее необходимое для твоей обители, остальное выполнят за тебя прислужники, которые будут хранить тебя пребывающим в неотступном служении слову и в заботе о братьях. Не готовь для себя дорогие кушания, но такие, какие установлены для подчиненных тебе братьев, скромные; давай им для питья кислое вино, но да будет общая трапеза у тебя и чад твоих, одинаково с тобой жизнь проводящих и тебе единомысленных, кроме случаев немощи или посещения друзей. Еду на всех пусть готовит келарь: вареные овощи и злаки, или рыбу раз в неделю, в воскресенье или в Господский праздник. Что же касается дел монастырских, то все их один выполнить не пытайся: довольно с тебя главного и необходимого дела — я имею в виду заботу о душах братьев. Но каждому из живущих благочестиво и богобоязненно назначь обязанности по твоей киновии, сам испытывая их помыслы, согласно преданию свидетеля и исповедника Христова отца нашего Феодора Студита¹⁶, которое мы приняли по отеческому завещанию как богатое наследство.

62. Не впадай в гнев и раздражение против чад твоих и братьев, если только нет повода, чреватого опасностью для их душ, но напротив, поучай их кроткой речью, наставляя, как каждому подобает жить и вести себя среди братии. Пусть молодые и неукрепленные щадят себя и остальных братьев, чтобы не причинить вреда видящим их дерзостью и недисциплинированностью, свойственным юности; тех, кто долго пребывал в подвижничестве, ты будешь разумным словом учить терпению в искушениях, смирению, плачу, заботе о молитве и исполнению заповедей Божиих на пользу остальным; священнослужителей — благочестию, безмолвию, изучению Священного Писания, знанию апостольских правил и преданий, точному следова-

¹⁶ PG 99, 1782—1788.

нию догматам, чистоте сердечной, непрестанной молитве и умиленнию, стоянию со страхом у престола Божьего, чтобы через слово и дело они стали бы для всей братии и для мирян божественной солью и светом (Мф. 5:13—14), имея в себе слово жизни (Флп. 2:16). А если тебе придется когда-нибудь выступить против нарушителей порядка с благорассудительным гневом и с исправительной розгой (Притч. 22:15), чтобы как-то устранить порок и отсечь дурную привычку, — это также не чуждо церкви верных. Ведь всякое деяние наше, устраняющее зло и помогающее праведности и добродетели, похвально и богоугодно. Не скапливай добра в своей обители ни для родителей, ни для родственников — ведь ты раз навсегда отторгнул их от себя и презрел привязанность к ним, — но обращай с ним как с господним достоянием, и так охраняй его, как тот, кто должен дать отчет Богу даже за ничтожную вещь. А родным, если они в нужде, дай только необходимое как нуждающимся, чтобы под личиной кротости ради похвалы от людей из-за какого-нибудь пустяка ты не преисполнился гордыни и не презрел евангельскую жизнь и монашеское устройство, но, подражая твоему Христу и Богу, скорбя и бесстрастно возмущаясь (Ин. 11:33), защищай заповеди Божии.

63. И да будет у тебя точность суждения со всеми и при исповедании помыслов каждого, чтобы ты знал, кому из них нужно стоять с молящимися, кому с причащающимися, кому отдельно и с кающимися, чтобы сознательно или бессознательно не сделать церковь Божию вместо святого храма вертепом разбойников или блудилищем: за это ты не избежишь страшного суда Божьего гнева. Соделай же твоих духовных чад благоговейными, согласно написанному (Втор. 15:31), и учи их благоговейно относиться к местам, посвященным Богу, и к предметам служения Ему. Знай, что прикасаться к этому апостолы благословили только самых благоговейных монахов в священном сакрофанте, участвующих в таинствах. Поэтому не позволяй всем желающим входить в алтарь Божий, но, как сказано, только тем из братий, кто посвящен и освящен. Что же касается остального, полезного твоей обители, то имеешь наставление и от отцов переданный устав в боговдохновенном «Завещании» великомученика и исповедника Христова Феодора — общего наставника

для нас, рабов его, и святого отца нашего Студита¹⁷. Если ты соблюдешь это и станешь так поступать, полагая душу за любовь к братьям твоим, то верен Бог отцов твоих (1 Кор. 1:9; 10:13), что велика будет твоя награда на небесах и наследие твое вместе с Иисусом Христом, Пастыреначальником нашей церкви верных (1 Петр 5:4). А в будущем твое отдохновение вместе с Антонием, Евфимием, Симеоном и Феодором, блаженными отцами нашими. Таково, отец, брат и игумен, мое к тебе поучение и завешание.

64. Подойдите также и вы, чада, братья и отцы мои, коих собрал я вместе с Иисусом Христом, Богом моим (Лк. 11:23), и коих родил я через Дух Святой в преподавании слова, и выслушайте меня, недостойного отца и учителя вашего, и мне как уставшему дайте место для отдыха и для малого перерыва в трудах, чтобы я немного вздохнул и посмотрел на себя самого. А перед тем, кто благодатью свыше и моим смирением назначен игуменом вашим, преклоните колена и сердца ваши — умоляю вас во имя Иисуса Христа — и примите его, как и меня, и его и вас родившего через благодать свыше, и смиритесь под крепкую руку Божию (1 Петр. 5:6) и перед ним, ставшим уже пастырем вашим по святому избранию вашему. Итак, никто из вас да не презрит ни его юность (1 Тим. 4:12), ни лишенный прикрас слог его поучений: ведь если он невежда в искусстве речи, то в познании благодати совсем не невежда. А ведь деятельное слово, соединенное со знанием свыше, мудрее безумного людского мудрования, подобно тому, как солнце светлее и лучше звезд.

65. Поэтому-то приклоните ухо ваше к словам уст его, и он передаст вам изначальные наставления, которые он услышал и узнал и которые поведали ему отцы его. Ибо истинное смирение у людей способных распознается по изучаемому и всему прочему, а именно, по умению предоставить уши для слушания того, что будет им рассказано и что узнают они из уст учителей (Пс. 77:2—3). Вот таким образом всякий человек принимает семена слова, смиряясь пред братом, и знает, как получить тридцатикратный, семидесятикратный и стократный совершенный плод (Мк. 4:8—20) Духа Святого. Да не явится никто противоречащим или не подчиняющимся игумену; да не будет никто непослушным или дерзким; но все вы будьте покорны, все крот-

¹⁷ Скорее всего, имеется в виду Симеон Студит (Благоговейный).

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

ки, все подчиняйтесь вашему духовному отцу, поскольку, согласно божественному апостолу, он должен бодрствовать и молиться за души ваши (Евр. 13:17); да совершает он это с радостью и без ропота — иначе это не принесет вам пользы в здешней жизни. Спешите с верою исповедовать ему помыслы, которые сеют в вас бесы, так как, согласно пословице, выявленные раны не загнивают. Подобно тому, как змеи, пока прячутся в своих норах, живут и рожают многих змей, но когда выходят из нор и выползают наружу, сами становятся видимыми для людей и уничтожаются ими, таким же образом и лукавые помыслы, будучи нами как бы на столбах записаны и обнаружены пред отцами нашими, устраняются мечом Божьего слова (Еф. 6:17) и не порождают в нас согласия с ними, направляющего делание наше ко злу.

66. Если же, по причине нерадения, что-нибудь из дурных помыслов осуществится и мы совершим что-нибудь по человеческой слабости, тогда — умоляю — да не закоснеем в происшедшем, но поспешно бежим и припадем к ногам преподобного отца нашего и без стыда со слезами обличим порок, в горячем покаянии примем от него заживляющие лекарства или даже прижигания, и скоро получим исцеление. Не принимайте враждебно то, что он говорит и делает, даже если это противоречит мнению святых отцов, но в настоящий момент склоните пред ним головы. Потом же, если есть среди вас такие, которые отличаются от остальных возрастом, образом жизни или образом мыслей, пусть сообщат ему мнение того, кто с ним не согласен, как предписал и Василий Великий¹⁸: «Претерпите его в день искушения и горечи Господа ради, никак ему не противясь и не восставая на него». Ибо противящийся ему и восстающий на него противится власти Божией, как говорит Павел (Рим. 13:2), а во всем том, что не противоречит заповеди Божией, апостольским установлениям и правилам, надлежит вам всячески повиноваться ему и слушаться его, как Господа. Но во всем, что грозит опасностью Евангелию и законам Церкви, не следует слушаться ни его наставлений и повелений, ни даже и ангела, если бы внезапно сошел он с неба, благовествуя вам не то, что благовествовали самовидцы Слова (Гал. 1:8).

¹⁸ PG 31, 928.

67. Так соблюдайте же, чада мои и братья, то, что проповедал я каждому наедине и отдельно для того, чтобы стяжать добродетель (1 Тим. 6:20), как Богом данное для сокровищниц сердец ваших. Более того, трудитесь над этим и умножайте его как добрые рабы Христовы, дабы, сохраняя эти малейшие таланты и их пуская в дело, вы были допущены благодатью Христовой к вкушению множества благ Царства Божия, и дабы соцарствовали с Ним и наследовали Царство Божие, уготованное праведникам от создания мира (Мф. 25:34). Итак, приветствуйте меня и отца вашего, господина игумена, святым целованием (Рим. 16:16). И Бог, Который есть мир (Рим. 15:33), превосходящий всякий ум (Флп. 4:7), да восстановит среди вас мир свой (Кол. 3:15) и да поведет вас по пути заповедей Своих (Пс. 118:35) и да возрастит паству свою — вас, хранящих доверие к отцам вашим по Богу, — в святое собрание, народ избранный, царственное священство Его во Христе Иисусе (1 Петр. 2:9)».

68. Преподав эти и другие увещания дивному игумену Арсению и остальной братии, святой отец наш Симеон водворяется в мастерскую безмолвия и с тем большим рвением отдается желанному любомудрию. Поскольку долгий пробег по ристалищу подвижничества был для него завершен, преуспевание же способствовало стяжанию лучшего, душа его возносилась все выше к горнему и божественному. Труды в священных битвах превращались в нечто, не требующее усилий, или, странно сказать, в богоподобные упокоения бесплотных сил. Телесная природа превратилась в нетление, ибо выведена была из своего низменного состояния силою свыше. Тогда он снова был восхищен в видения и откровения Господни (2 Кор. 12:1) и стал созревать будущие события.

69. Однажды, когда он стоял, вознося чистую молитву и беседуя с Богом, внезапно увидел он умом, как начал сверкать воздух, и, хотя он находился в келье, ему казалось, что он вне ее; а была ночь, время около первой стражи. Вверху же, казалось, занимается утренняя заря. О, страшные видения этого мужа! Дом и все остальное исчезло, и он подумал, что вообще не пребывает в доме. Когда же он совсем исступил из себя, всем умом своим постигая этот явленный свет, который понемногу увеличивался и наполнял сиянием воздух, он стал ощущать, что вместе со всем телом отторгнут от земного. Но когда свет тот заблистал еще ярче и ему представилось, что сверху

светит полуденное солнце, тогда он понял, что находится внутри явившегося ему света. Сладость пребывала во всем теле его, и он исполнился радости и слез. Более того, он увидел, что самый свет чудесным образом коснулся его плоти и понемногу проник в его члены. Потрясающее видение отдалило его от предшествующего созерцания и направило на постижение только того, что дивно в нем совершалось. И он увидел, что свет постепенно охватил все тело его, сердце и внутренности, сделав его самого всецело огнем и светом. Как прежде забыл он о доме, так и теперь свет заставил его забыть форму и положение, плотскую природу и внешний вид тела, и он перестал плакать. А из света дошел до него голос: «Так надлежит измениться живым и оставшимся святым, при последнем звуке трубы, и, став таковыми, будут они восхищены», как говорит и Павел (1 Фес. 4:16—17).

70. Стоя в таком положении и проведя так много часов, непрестанно славя Бога некими таинственными песнопениями, постигая умом осеняющую его славу и то блаженство, которое будет навечно даровано святым, блаженный муж начал рассуждать и говорить сам себе: «Что же, вернусь ли я в прежний телесный облик или останусь в таком состоянии?» Помыслив это, он почувствовал, как телесная форма, словно тень или дыхание, облекает его. Ведь, как было сказано, он понимал, что весь вместе с телом сделался светом — безвидным, бесформенным, нематериальным. И он чувствовал, что тело присуще ему, но какое-то бестелесное и как бы духовное, ибо он не ощущал, что оно обладает весом или плотностью, и был изумлен, видя себя во плоти словно бесплотного. А свет прежним голосом, как и ранее, говорил: «Таковыми по воскресении, в будущем веке, станут все святые, бестелесно облеченные духовными телами — более легкими, более тонкими и более способными летать, или, наоборот, более плотными, более тяжелыми и более тяготеющими к земле — чем будет определено для каждого его место, чин и степень приближенности к Богу».

71. Слыша это и видя исходящий от Бога неизреченный свет, богосозерцательнейший и боговдохновенный Симеон воздал благодарение Богу, прославившему род наш и соделавшему нас причастниками Своего Божества (2 Пет. 1:4) и Царства, опять полностью вошел в свое тело и снова оказался внутри келлии, в прежнем виде и облике, будучи всецело человеком.

Преподобный Никита Стифат

Впоследствии он клятвенно уверял тех, кому доверял и кому открывал свои тайны, что в течение многих дней он ощущал эту легкость тела, не испытывая вовсе ни усталости, ни страдания, ни голода, ни жажды. Но так как благодаря таким чудесам он сделался всецело достоянием Духа и преисполнился Его божественных дарований, то понятно, что, предельно очистив свой ум, словно древние пророки, видел он страшные видения и откровения Господни. Имея образ мыслей апостольский, как вдохновляемый и движимый божественным Духом, он обладал благодатью, исходящей из уст его, и, подобно апостолам, будучи неискушен в словесности, стал богословствовать и своими богодухновенными писаниями учил верных точному соблюдению благочестия. Проводя такую жизнь и будучи столь велик духом, он пишет в форме глав аскетические слова о добродетелях и противостоящих им пороках — то, что узнал он из опытного любомудрия и от божественного знания. Также и тем, кто подвизается в жизни любомудренной, преподает он точное учение и становится для израильского народа монашествующих ¹⁹ рекой Божией, переполненной водами Духа.

72. Безмолвствуя, Симеон занимался деланием, свойственным безмолвникам, и, по благодати Духа, достиг такой высоты, что житием, словом и знанием уподобился древним отцам и богословам. Поскольку же надлежало и ему, как тем людям, пройти через огонь искушений (Лк. 22:32) и подвергнуться испытанию в своем терпении, подобно Иову (Иов 2:6), испрашивает его искушитель, и он предается в руки его. Но я расскажу по порядку, как было дело.

Упомянутый ранее божественный муж Симеон, справедливо прозванный «Благоговейным», духовный отец и учитель этого дивного Симеона, достигнув старости после сорока пяти лет строгого подвижничества (2 Тим. 2:5), стяжал прекрасное свидетельство совести, удостоился апостольской благодати, исцелял и творил чудеса; будучи неученым, но вдохновляемый божественным Духом, он написал целую книгу, полную всяческой духовной пользы ²⁰. Но подобало ему упокоиться от великих подвижнических трудов, о которых всякий желающий точно узнает из подробного их описания; он заболел неизлечимой болезнью и

¹⁹ Т. е. монахов как граждан Нового Израиля.

²⁰ Очевидно, имеется в виду «Слово аскетическое».

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

переселился ко Господу (2 Кор. 5:8), покинув свое многострадальное и терпеливое тело. Его блаженный ученик, зная его блестящие подвиги и подробно изучив его апостольскую жизнь, не умея скрывать дела Божии и божественные дарования, но умея возвещать о них и воспевать их, по божественному откровению написал в честь него гимны, похвальные слова и все его житие. И чтобы возбудить в людях ревность подражать тому, кого воспевали, и стать делателями добродетели, память его Симеон стал каждый год торжественно праздновать, по апостольскому преданию, наравне со всеми святыми, написав и икону его как памятник, на котором запечатлена история его добродетельной жизни.

73. Услышал об этом и патриарх Сергей. Он вызывает святого мужа и расспрашивает его об услышанном. Когда же блаженный объяснил ему все, а также и то, как, вдохновленный божественным откровением свыше, сложил он гимны духовному отцу и написал его житие, патриарх пожелал просмотреть это и вникнуть в написанное. Итак, взяв в руки книги, патриарх внимательно прочел весь труд, был обрадован его содержанием и, произнеся много хвалебных слов и весьма восхвалив твердую веру святого мужа, отпустил его, призвав напоминать ему, когда будет совершаться память отца, чтобы и сам он мог прислать воск и миро и молитвенно воздать почесть святому. Так продолжалось в течение шестнадцати лет: и Бог прославлялся памятью слуги Своего, и люди радовались прославлению праведника (Притч. 29:2), насыщались нищие, освещались храмы, провозглашалась добродетель, и многие начинали подражать святому.

74. А что же лукавый? Предавался ли он до конца покою, видя это, или забыл о врожденной своей злобе? Совсем нет. Он восстает и, вооружившись древним оружием — завистью, воздвигает против Симеона гору искушений и поток различных скорбей. Напрягите слух ваш и выслушайте.

Некий Стефан возглавлял митрополию Никомидийскую — Стефан Алексинский — муж, в речах и в знании отличавшийся от многих, не только влиятельный у патриарха и императора, но способный всякому спрашивающему дать ответ на неожиданные вопросы благодаря широте образования и благоподвижности языка. Он отказался от епископской кафедры по причинам неясным, только ему и Богу ведомым, постоянно был при патри-

архе и у всех пользовался большой известностью из-за своих знаний. Но и блаженный Симеон, обладая истинным духовным знанием, пользовался в то время всеобщей любовью; его знание вызывало благоговение и восторг, и все его почитали не только как духовно мудрого, но и как святого. А так как невозможно было укрыться городу, стоящему на столь высокой горе (Мф. 5:14) премудрости Божией, то это дошло до слуха упомянутого мужа. Он же, будучи о себе высокого мнения и всех прочих презирая, стал как бы насмехаться над известностью святого и порицать тех, кто говорил о его знаниях, называл святого неучем или вовсе деревенщиной, лишенным дара речи, который перед мудрыми и умеющими тонко ценить слово людьми ничего вымолвить не может. Вот что говорил премудрый синкелл²¹ из презрения к святому мужу; однако те, кто лично знал Симеона, распространяли по всему городу более верную молву, во всеулышание возглашая, что «в роде сем нет Симеону равного в знании, мудрости и добродетели»; слыша это, синкелл уязвлялся жалом зависти. Ведь для него, питающего и разжигающего в себе зависть, невыносимой пыткой стала бы распространившаяся тогда по граду Константина молва, что знаниями и премудрыми речами Симеон превосходит Стефана, тем более, что тот, как он слышал, пишет о вещах божественных и человеческих, и даже касается богословия, а сам он одними словами и пустыми звуками сотрясает воздух и только тешит слух.

75. Так обстояло дело: зависть разгоралась все больше и едва не угрожала пожаром. Немного спустя святой встречает синкелла в патриарших покоях, и тот, приняв личину друга, обращается к нему: «Здравствуй, благочестивейший господин Симеон, славный знанием, благочестием и витийством!» А святой отвечает: «Бог, Которому я служу, благословенный господин мой, да подаст тебе в награду за любовь к нам мир в Духе, соответственно твоему приветствию». И синкелл говорит: «Давно я стремился насладиться беседой с тобой и посидеть вместе с тобой, чтобы обсудить кое-какие неотложные вещи как с другом и как с человеком, всегда озаренным и предающимся истинному созерцанию. Но так как дела не оставляют нам времени для полноценного досуга, то желание это я отсек. И вот теперь, как

²¹ Синкелл — высокий титул, который мог иметь представитель высшей духовной знати. Синкелл обычно был членом синклита.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

видишь, приезд твой сюда и встреча с тобой сверх ожидания оказались для меня хорошим поводом. Но, мудрейший, сосредоточь мысли на том, о чем я намерен тебя спросить, а именно, о твоём понимании Самой Троицы, и разреши вопрос: как, скажи, отделяешь ты Сына от Отца, — мыслью или делом?» Этот лукавый и обоюдоскользкий вопрос синкелл приготовил заранее, рассчитывая, что, если Симеон скажет что-нибудь, выбрав одно из двух, то он поскользнется как якобы невежда и, изблеченный при первом жепадении, вызовет по отношению к себе много осуждения и смеха, а для восхваляющих его станет явным его невежество.

76. Святой же, будучи потрясен вопросом и суетностью этого человека, сказал в ответ: «Вам, архиереям, дано знать тайны Божии (Мф. 13:11), о наимудрейший владыка, и излагать их вопрошающим, потому что это ваш самонужнейший долг. А нам, смиренным, на долю которых за всю жизнь не досталось никакой иной философии, как только познавать самих себя, должно предоставить уши учителям и с радостью предаваться молчанию пред теми, кто умнее нас. Поэтому тебе скорее надлежало бы посвятить нас в тайну познания таких предметов, а еще и научить смиреномудрствовать и только оплакивать собственные грехи, не любопытствуя о том, что глубже и выше нас. Но если ты, премудрый, стремишься испытать мой дух и желаешь узнать, какой дар от Бога дается нищим духом, то я, как видишь, ученик рыбарей, не владею изысканной речью. Но дающий молитву молящемуся (Еф. 6:18) и слово отверзающему уста может приклонить ко мне ухо (Ис. 50:5), открыть уши души моей и дать благодатью Святого Духа то, что следует мне сказать в ответ о сем предмете, чтобы я, удалившись в келлию, письменно изложил это и отослал тебе». Синкелл, услышав слово «письменно», усмехнулся и ответил святому с насмешкой: «И я тоже с нетерпением желаю получить от тебя подробное изложение этого вопроса».

77. Итак, один удалился в глубину внутренних покоев, а другой, возвратившись к своей пастве, вооружается чистой и не рассеянной молитвой и, разжегши сердце Божественным огнем, приступает к изложению, описывая вначале прозой и простым языком происшедшее с ним озарение. Затем, уточнив смысл излагаемого и доведя слог до полной чистоты и ясности, составля-

ет труд свой по способу поэтов, в свободных стихах ²². Силой слова и духа, а также изобилием мыслей он разрешил и рассеял трудноразрешимые сплетения того мудреца, подобно льву, который нападает на охотников, распугивает их одним своим рычанием и превращает преследователей в беглецов. Но как бы мимоходом задел он мудреца намеками; переписав сочинение, он отослал его изощрившему язык (Пс. 139:4) синкеллу. А сам отныне приготовился к испытаниям. Ведь он уже предузнал духом, что побежденный такой красивой победой не успокоится и не уступит, пока изрядно не напакостит, будучи одержим завистью, раз уж, как написано, всякий обороняется от противника.

78. И вот краснобай получает разрешение вопроса. Соприкасается он с глубочайшими мыслями святого, видит величие смысла в словах простых и непритязательных, видит ясность и чистоту слога, несокрушимую силу мысли, деликатность и приятность в обращении, стройность изложения, серьезность образа мыслей, творческую силу, присущую человеку неученому и не вкусившему светской науки. Изумляется он мыслью, лишается дара речи, и даже голос у него пропадает. Но что же дальше? Уязвляется сердце синкелла стрелами премудрого слова, ибо, по Соломону, слова мудрых подобны иглам (Еккл. 12:11). Распаляется он гневом и восстает, чтобы дать отпор святому поношениями против него. Прежде всего синкелл принимается исследовать жизнь святого, не найдет ли чего-либо достойного порицания в помощь приуготовляемой против него клевете. И затем, не найдя ничего в том, что безусловно, синкелл подстрекает некоторых церковных людей, а они — других из паствы Симеона, и принуждает их поднять крик против него за почитание его духовного отца и за торжественные службы. И вот они кричали и говорили неправду против праведника (Пс. 30:18), а синкелл положил на небеса уста свои (Пс. 72:9), речи его достигли слуха архиерея ²³, и он говорил неправду пред высочайшим Священным Синодом.

79. Но поскольку, как было сказано выше, архиерей, да и остальные епископы не были в неведении происходящего, они сначала отклоняли клевету, зная, что синкелл поражен завистью. «Разве, — говорили они, — есть какое-либо несогласие со

²² См. Гимн 23 (в русском переводе иером. Пантелеимона Гимн 41).

²³ Т. е. патриарха.

Вселенской Церковью и ее установлениями в том, что доставляет душам не какой-то вред, а наоборот, пользу, когда явно прославляется добродетель?» А тот муж, будучи по природе в высшей степени склонным возбуждать раздоры, не переставал ежедневно долбить архиерейские уши. Патриарх и архиереи Священного Синода в течение двух лет затыкали уши, не давая завистливому голосу места для входа. Им было стыдно подвергать порицанию самих себя, потому что патриарх благоуханиями и свечами ежегодно воздавал почести святому, а многие архиереи по своей воле приходили на праздник отца. Они стыдились выдать свет за мрак, а мрак за свет, и назвать желчный язык синкелла сладостью, а сладость истины Симеона желчью (Ис. 5:20). На самом же деле происходило своего рода сражение между истиной и ложью: первая, соединяясь со справедливостью, мощно отталкивала безумие лжи, а вторая действовала заодно с несправедливостью и от избытка безумия нападала на доброе.

80. Чем же кончается битва между ними? Побеждает зло — иногда ведь оно пользуется удобным моментом и превосходит добро. Смотри, как праведность Иоанна была побеждена пороком Иродиады (Мф. 14:6—11): в танце вторая глумится над первой и тут же кичится победными трофеями. Подобным образом и в этом случае зависть, оболгав истину, побеждает праведность, насмеявшись над ней и презрев ее. Непрерывной клеветой синкелл надоел патриарху и архиереям и, — о, несправедливость! о, козни сатаны! — поколебал их души; ведь и они всецело являются людьми. И они настаивают, чтобы он выставил какой-нибудь предлог для обвинения святого, чтобы приговор против святого, которого он так добивался, не был лишен основания. Так, я знаю, твердость и крепость камня долбит непрерывно падающая капля, а в душе устойчивость и постоянство повреждаются упорно прокрадывающимся в нее пороком.

81. Из года в год наш Симеон торжественно праздновал память своего духовного отца, как и надлежало ученику. А отец, еще при жизни предварительно крайним бесстрашием умертвив плоть и совершенно угасив ее природные движения, к приближающимся к нему телам имел чувство как мертвец к мертвецу, однако надевал личину чувственности, желая, во-первых, скрыть свое сокровище бесстрастия, — ибо избегал славы и людских восхвалений, словно жалящего в пята змия (Быт. 3:15), — а во-вторых, незаметно этой приманкой извлечь из глубины погире-

ли и освободить от смерти некоторых долгу лежащих, а если возможно, то и всех. Этот его чудесный способ ловли (Мф. 11:19) синкелл использует как благовидный предлог для обвинения и выдвигает его перед Синодом, говоря: «Своего духовного отца, который был грешником, он воспеваает как святого вместе со святыми». Таковым было выдуманное мудрым синкеллом обвинение против ничем никогда не обидевшего его Симеона. Таковым был повод осудить этого блаженного мужа, подобный обвинительному приговору Христу. Ибо Тот тогдашними богоубийцами подвергался осуждению как чревоугодник и винопийца, друг мытарей и грешников, Его поносили как бесноватого за то, что Он называл Бога Своим Отцом и почитал Его, как Он и отвечал обвинителям: «Во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня» (Ин. 8:49).

82. И вот вызывают блаженного Симеона, чтобы он пред Священным Синодом дал отчет в том, что отчету не подлежит, и вводят того, кто никогда никого не обидел, как осужденного, и патриарх говорит: «Что это у тебя, господин Симеон, столь великая ревность в почитании твоего отца, так что весь город сбегается на празднование его памяти и изумляется чрезмерности воздаваемой почести, хотя, как ты видишь, его желчно осуждает боголюбивейший синкелл, имеющий о нем недоброе мнение. Хотя сам я хвалю и приемлю это, но синкелл слишком часто докучает нам и Синоду, произнося против покойного громогласные речи. Поэтому я хочу, чтобы ты освободил город от излишнего почитания его и совершал его память в присутствии только подчиненных тебе монахов. Так, конечно, и обвинитель твой когда-нибудь откажется от своих неумных нападок на тебя, и мы будем избавлены от его докучливости». А блаженный муж, отвечая, сказал: «То, что можно сказать о вере в моего духовного отца и о его прославлении, как я понимаю, всесвятой владыка, ты знаешь лучше меня, слуги твоего. Что же касается обвинений против него, исходящих от боголюбивейшего синкелла, то я сочту достойным отвечать на них, когда обвинитель представит доказательства». Тогда патриарх говорит: «Ты дал ответ четко и обоснованно. Но можешь ли ты сейчас доказать, что, совершая память твоего духовного отца наравне с древними святыми, ты поступаешь по установлениям отцов и апостолов, дабы ты оказался точно следующим священным законом?» А святой отвечает: «Если я не смогу представить доказательств от

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

всего Священного Писания, как ты сказал, мой господин, — а ты к этому меня побудил, — то да будет прав мой обвинитель в своих обвинениях и верен пред слушателями, а я заслуживаю любого наказания». Патриарх говорит: «Как можешь, так и скажи сейчас, в чем из божественных установлений нашел ты себе поддержку, и мы выслушаем тебя с полным вниманием».

83. И вот умудренный в божественных вещах Симеон начал говорить и с дерзновением сказал примерно так: «Священное собрание! Кто не знает записанных в Евангелии слов Христа, точный смысл коих: “Кто принимает вас, принимает Меня, а кто не принимает вас, не принимает Меня, а не принимающий Меня не принимает Пославшего Меня” (Мф. 10:40)? И еще: “Кто принимает святого во имя святого, получит награду святого; и кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка” (Мф. 10:41). А что в своих установлениях говорят те, кто воочию видел Слово? “Прославляй того, кто проповедует тебе слово Божие; вспоминай о нем днем и ночью; чти его как приносящего тебе добро. Ибо где учение Божие, там и Бог присутствует”²⁴. И далее: “Если о родителях по плоти сказано в Священном Писании: “Чти отца и мать твою и да будет тебе благо”, и “кто поносит отца или мать, да умрет”, то насколько больше Слово будет побуждать нас чтить и любить духовных родителей как благодетелей и ходатаев пред Богом! Родивших нас заново через воду, исполнивших нас Святым Духом, напавших нас млеком Слова, взрастивших нас в учении, утвердивших нас увещаниями, удостоивших нас спасительного Тела и драгоценной Крови, отпустивших нам грехи и сделавших нас причастниками и сонаследниками провозвестия Божия, — их благоговейно почитайте различными почестями, ибо получили они от Бога власть жизни и смерти»²⁵.

84. А что говорит златоязычный Иоанн в похвалу Филогону? ²⁶ Если, говорит, злословящий отца или мать будет предан смерти (Исх. 21:15), то очевидно, что благословляющий их вкусит жизни. Если же следует, чтобы родители по плоти получали от нас столь великое благорасположение, то тем более родители духовные, и особенно когда похвала не прибавляет прославляе-

²⁴ Апостольские Постановления, I. VIII, 9.

²⁵ Апостольские Постановления, I. II, 33.

²⁶ PG 48, 747—749.

мым славы, а нас, внимающих, говорящих, слушающих, делает лучше. Ведь взошедшему на небо совсем не нужны человеческие славословия, потому что он отошел к уделу лучшему и более блаженному, а нам, пока еще пребывающим здесь и нуждающимся в многообразном утешении, подобает возносить хвалы святому, дабы самим снискать такую же ревность. Поэтому и некий мудрец увещевает, говоря: “Память праведника пребудет благословенна” (Притч. 10:7). Не для отошедших, но для восхваляющих бывает от этого величайшая польза. А что так совершаемое нами благоугодно Богу и что установила это свыше благодать Духа Святого, подтверждает слово мое и Моисей-богосвидец, описавший жизнь не только первых людей, но и собственную жизнь, и Ездра, и премудрый Соломон, описавший жизнь Иова, и сам восхваляющий святых Златоуст. Он говорит: «Описание жизни и подвигов святых божественная благодать оставила нам для того, чтобы мы, изучив, как они, будучи одной с нами природы, исполнили всякую добродетель, стремились к подобному деланию и воспламенялись любовным влечением к ним. Как же происходит это? — Если мы будем постоянно помнить тех мужей и, нося образ их в мыслях, будем вести их образ жизни, ибо этим больше, чем всем остальным вместе взятым, будет прославлен Бог. Ведь если “небеса проповедуют славу Божию” (Пс. 18:2), не издавая ни звука, но других подвигая на это благодаря видению, то тем более давшие пример удивительной жизни прославят Бога, даже если молчат, потому что через них славят Бога другие».

85. Смотрите же, господа, как прославлен Бог через почитание моего отца, которое мы устраиваем ему ежегодно. Усвойте крепко, что не только совершается это во славу Божию, но и для народа это очень полезно. И ясно это из слов мудреца: «Когда прославляется праведник, веселится народ» (Притч. 29:2). Толкуя эти слова, Василий Великий в похвале мученику Гордию говорит ²⁷: «Люди радуются духовной радостью при одном только упоминании подвигов, совершенных праведниками, будучи ведомы к ревности и подражанию добродетелям, о которых они слышат. Ведь история жизни тех, кто был под хорошим руководством, словно некий свет, освещает жизненный путь спасающимся. Если похвальные слова иным людям требуют

²⁷ Св. Василий Великий. Беседа на мученика Гордия, I. PG 31, 492 AB.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

пространных речей, то праведникам достаточно истины о совершенном ими, чтобы показать выдающуюся их добродетель. Поэтому, когда мы повествуем о жизни отличившихся в благочестии, мы прежде всего прославляем господина через рабов, восхваляем праведников благодаря свидетельству, которое признаем, потому что о них знаем, радуем людей, потому что они об этом слышат. Ибо как за огнем обязательно следует свет, а за миром — благовоние, так и за добрыми делами следует польза».

86. Но чтобы еще более убедительно доказать вам, что не полезно для жизни не почитать проводивших свою жизнь во многих подвигах, что и сам я сегодня совершаю, приведу во свидетельство самого прославленного в богословии Григория и закончу речь. Что говорит он в похвальных словах Афанасию? ²⁸ «Не благочестиво и не безопасно чтить память нечестивых, а проводивших жизнь в благочестии обходить молчанием». О, Священный Синод! Если, как вы слышали от меня сегодня, поступать так, как я, и святое Евангелие повелевает, и видевшие воочию Слово учат, и святые отцы предписывали, побуждая к этому верных, — так кого же из всех прочих людей, учащего во отклонение от сказанного, будем мы слушать? Если же мой обвинитель знает нечто более глубокое, чем это, что осталось скрытым от меня, а равным образом и от святых отцов и апостолов, пусть он подробно изложит это перед вами, святыми мужами, и я не только молча выслушаю это, но и буду убежден и с душевной готовностью приму установленное священными законами, если предписанное основано на Священном Писании».

87. Желчный обвинитель синкелл был единственным обвинителем праведника и, хотя он не мог привести ни выдержки из Священного Писания, ни благовидного довода, посредством чего опроверг бы сказанное святым мужем, он получил полное согласие заседающих, открыто ему выраженное. Симеон, казалось, поет для глухих и ведет речи на воздух. Поэтому проходившее в беспорядочном словесном сражении расследование окончилось. Но так как зависть — порок, связанный со спорами, когда и побежденный не любит поражения, и победитель не успокаивается, то возбужденный ею синкелл упорно продолжал битву. Целых шесть лет таскал праведника по судам, очень желая, чтобы

²⁸ Св. Григорий Богослов. Слово 21. PG 35, 1088 А.

того осудили на смерть, — о, терпение Твое, Христе Царю! — этот мудрец, архиерей, монах, думавший, что является он для прочих светом знания, мнивший, что содержит он в себе соль Духа. Но поскольку он восстановил против праведника почти всех архиереев, он сделал его врагом и самого патриарха (чему быть не следовало бы). Нашлись же какие-то клеветники из обители Симеона, пораженные безумием Иуды, недугующие [ненавистью] к учителю; пользуясь поддержкой синкелла и самого патриарха, крадут они в одну из ночей икону святого отца его Симеона [Благоговейного], против которого синкелл вел великую войну, и приносят ее в патриархию. Видя, что на ней изображено множество святых и Сам Христос, одни, — все, кто был на стороне обвинителя, — хулили святого мужа, ложно обвиняя его, а другие, — все, кто имел хоть каплю истинного знания, — сокрушались о виновниках происшедшего и содрогались от поношения Христа, сказавшего: «Принимающий вас принимает и Меня» (Мф. 10:40), и еще: «Все, что вы сделали одному из братьев Моих, Мне сделали» (Мф. 25:40). Ведь они знали, что облеклись во Христа святые Его (Гал. 3:27).

88. Таким образом, при порицании одних и при одобрении других, икону святого от обвинителя приносят в Синод. Когда же образ был явлен всем, даже самому патриарху, снова вызывают праведного мужа, и он произносит речь по этому поводу, говоря такими словами: «Что касается меня, то, проверяя себя мысленно, скажу, что, не сделал ничего необычного или чуждого преданию отцов и апостолов. Но отцы наши, изначально воспринявшие в наследие обычаи и установления церкви верных, заповедали нам, чтобы мы рассказывали об изображениях святых наших отцов, и чтили их, и к ним прикладывались, ибо почитание переходит на первообраз Самого Христа, Чей образ мы в себе носим (Рим. 8:29), если Сам Он не посчитал недостойным принять наш образ. Поэтому и написал я эту икону раба Христова, как члена от Его членов, соделавшегося сообразным Его образу. К ней благоговейно прикладываюсь, поклоняясь в этом святом Самому Христу, а ему самому во Христе и Боге, поскольку сам он во Христе через Духа и Христос в Боге и Отце, и Отец во Христе и Боге, по Священному Писанию. «В тот день, — говорит Он, — узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне» (Ин. 14:20).

89. Но ведь и отец наш Иоанн Дамаскин, увещевая верных так поступать, говорит вот что: «Предстателей всего рода нашего, тех, кто за нас пред Богом совершает молитвы, следует почитать, воздвигая во имя их храмы, принося плоды, празднуя их память и веселясь о них духом, чтобы радость созывающих [нас] стала нашей». Немного далее: «В псалмах и гимнах и духовных песнопениях (Еф. 5:19) с умилением и состраданием к нуждающимся будем мы, верные, почитать святых, чем лучше всего выразим почтение к Богу, воздвигнем им видимые памятники и изображения и сами станем через подражание их добродетелям живыми их изображениями и памятниками»²⁹. Если, говоря это, я искажаю проповедь спасения, то я искажаю также истину и веру, и содеял дело неслыханное, какого никто до сих пор не совершал в церкви верных — написал икону святого мужа или даже обыкновенного человека; если же это повсеместно совершается во всей церкви каждым верным, а от меня одного сегодня, словно преступившего закон, мудрый синкелл требует в этом объяснения, и судят меня как подлежащего ответственности, и, возможно, я подвергнусь наказанию и штрафу, — где справедливость, скажите? Я ведь, как видите, не только написал [эту икону], но с верой и любовью написал [этот образ] на каждой стене мною обновленного монастыря, написал [его] рядом с изображением Христа, воздвигнув памятник добродетели и другим преподав образец добродетели».

90. Сказав это, на глазах у всех припал он к чтимой иконе отца своего и приветствовал ее такими словами: «О, святой Симеон, через приобщение Духу Святому ставший подобным образу Господа моего Иисуса Христа, прославивший Его в членах твоих умерщвлением наслаждений, через длительное подвижничество облекшийся в блистающие одежды бесстрастия (Лк. 9:29), омывшийся собственными слезами, равными изобилием крещальному источнику, носящий в себе Христа, Которого ты горячо возжелал и Которым ты много любим и Которым ты прославлен в чудесах, стяжавший от свыше снисшедшего ко мне голоса свидетельство [твоей] равноапостольной святости, защиты меня, смиренного и ради тебя, как видишь, судимого. Моли обрести мне силу достойно переносить оскорбления и осмеяния,

²⁹ Преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. PG 94, 1165 В и 1168 А.

подвергаться обидам ради тебя и твоей иконы, а лучше сказать — ради Христа, потому что Он принял на Себя все наше, кроме греха, и, будучи Богом, приобщился нашим свойствам, дабы я стал причастником той славы, которой ты вкусил, находясь еще во плоти, как ты был мне показан одесную Бога стоящим, и теперь еще явственнее вкушаешь со всеми святыми».

91. Так, помолясь, он обернулся, как-то радостно посмотрел на обвинителя и сказал: «Прекрасный господин мой и синкелл! Замечательна борьба твоя и стояние за справедливость. Да оставишь ты все иное и, заботясь о своей совести, непременно обратишься к апостольским правилам и установлениям, не нарушая ни одной, даже малейшей заповеди Христа. Но что же мы медлим? И почему ты все еще откладываешь [окончательное] решение против нас? Все твое: и престолы, и власти, и служители, и слухи. То, чего пожелаешь. Воспользуйся же принадлежащим тебе. Мы готовы претерпеть все, что уготовала [нам] твоя зависть». Так говорил святой, а тот терзался завистью и не знал, что бы [еще] сделать, видя, как синод медлит, страшась Евангелия и праведника, сознательно и чисто исполняющего его. Насколько хватило сил, восстает он против иконы, убеждая патриарха и архиереев Святого Синода по крайней мере выскоблить на иконе надпись «святой». Совершившие это немного приостанавливают его ярость. И таким образом, после того, как икона была возвращена Симеону, судилище расходится.

92. Так что же? Умолк ли впредь однажды допустивший клевету? Никоим образом. Ведь жала истинной мудрости Симеона, пронзая его сердце, совершенно не давали ему успокоиться. Словами какой трагедии описать мне нелепость, происшедшую в городе? Смутив патриарха клеветническими наговорами против этих святых [мужей], синкелл убеждает его, — чему не должно бы случиться — о, злоба, на столь многие и великие [вещи] восстающая! — послать [людей], дабы уничтожить все святые иконы того великого отца, где бы и когда бы они ни были написаны. Поистине и лучшие [люди] подвергаются позору. Как же не вспомнил этот славный мудростью муж о божественном отце нашем, Иоанне Дамаскине, который так объясняет и говорит о святых иконах: «Пусть знает каждый человек, что тот, кто пытается уничтожить изображение, появившееся вследствие божественной любви и ревности для славы и воспоминания о Христе и Матери Его — Богородице, или о ком-либо из святых, для по-

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

срамления диавола и для поражения его и демонов его, и не поклоняющийся ему, не почитающий, не приветствующий его как изображение драгоценное и не как Бога, — тот враг Христа и святой Богородицы и святых, защитник диавола и демонов его; на деле выказывает он свою печаль о том, что Бог и святые его чествуются и прославляются. Ибо изображение есть [как бы] изъяснение и триумф, и надпись на столбе в память о победе тех, кто, будучи не уstraшен, отличился, и в посрамление побежденных и низложенных лукавым»³⁰.

93. Итак, что же происходит? Тотчас же посылаются люди, дерзнувшие на это ужасное дело. О, как мне рассказать слушателям без слез о том, на что они осмелились?! Одни из изображений преподобного мужа они уничтожили преступной рукой, в неудержимой ярости топором нанося удары изображениям то по голове, то по груди, иной раз по животу, а иногда по бедрам, и не прекращали бить их до тех пор, пока не обращали их в порошок. Другие же иконы спрятали, вымазав их известью и сажей, в то время как монахи и миряне горько рыдали, видя совершаемое христианами в церкви верных (что некогда уже устраивал Копроним³¹ для разрушения Божиих храмов), и не смогли защищаться от содежавших таковое, потому что и те и другие назывались христианами. Преступники почитали для себя красотой и наслаждением росписи, подобные театральным, как ради украшения расписываются и священные завесы в некоторых церквях, — я имею в виду палестры, орхестры, охотничьи домики, с различными видами собак, обезьянами, пресмыкающимися, также со стаями птиц и [табунами] коней. А иконы и образы человека, чей образ принял на себя по любви Творец, в соответствии с которым изображается совершенный человек и совершенный Бог, познаваемый в одной ипостаси, изъяты из среды церкви, словно идол, — и ни слова об их соблазне или о соблазненных людях. Так да погибнет порок и виновница его зависть, через которую десятки тысяч святых стали жертвой насильственной смерти. Так египтянин Феофил позавидовал Иоанну Златоусту, и небесный человек стал жертвой его зависти.

³⁰ Преп. Иоанн Дамаскин. Слово II против отвергающих святыне иконы. PG 94, 1296 AB.

³¹ Константин V Копроним (741—775).

ти ³². Так и мой Симеон, избранный сосуд и многогласный орган Духа, став предметом зависти для премудрого Стефана Алексинского, стал ожидать от него страшных деяний, подобно упомянутому святому.

94. Когда опытный в божественном Симеон увидел, что пламя зависти разгорается все больше и не утихнет, пока противник его и истины, сильный в словах, не навредит [ему], он решил, что следует письменно оправдаться в предъявленных обвинениях. Поэтому он набросал первую свою апологию и разумно отложил ее до времени повторного суда, себя полностью приготовив на смерть за доброе дело. Прошло немного времени, и моего Симеона снова ведут от места подвигов на судилище. Вновь завязывается словесная битва, очень сходная [с прежней]. Борьба обеих сторон была все той же: или совершенно прекратить блестящие празднества в честь святого отца и его прославления, или вовсе удалить Симеона, не только из построенного им монастыря, но и за пределы всего этого большого и славного города. Таково было содержание речей, и святой муж вручил апологию патриарху. Она читалась перед Священным Синодом в течение достаточно долгого времени. Словно гром, поразила она разум слушающих мощностью мысли, величием слога, достоинством стиля, искусным применением [священных] изречений в сочетании с остротой и неопровержимостью истины. Будучи не в состоянии ослабить силу его слова, они поднялись со своих мест, языки их были связаны немотой, и они, осудив праведника, приговаривают его к изгнанию.

95. Таков, друзья, был мудрый исход того, что затеяно было синкеллом, мужем премудрым, монахом и священнослужителем, и на таковую лучезарную высоту вознеслась прославленная ученость его вкупе с любовью к ближнему. Увы! Мы, [ратники] священного воинства, уподобились народу, не имеющему ведения, по слову [пророка] (Ос. 4:6), и дана нам утроба нерождающая и сосцы сухие (Ос. 9:14). Переплывши Пропонтиду близ нашего Хрисополя, те, кто увозил блаженного, причалили свое суденышко у небольшого селения, называемого Палукитон. Они покинули святого, совсем не имевшего вещей, в зимнее время, оставили среди пустынного места в полном одиночестве, где во-

³² Преп. Симеон Метафраст. Житие св. Иоанна Златоуста, 44—50. PG 114, 1163—1187.

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

дружена колонна осужденного дельфина, и, будучи людьми бессердечными, не удостоили его пропитания даже на один день. Итак, когда блаженнейший Симеон понял, что безумие синкелла победило и сбылось то, чего желала зависть его, он без горечи воздает благодарность Богу, Который попустил для него таковому случиться. Прохаживаясь по этому необычайно крутому холму, он запел в какой-то душевной радости слова псалма: «Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился, изолью пред Ним моление мое; печаль мою открою Ему... На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня. Посмотрел я на правую сторону и увидел, что никто не признает меня» (Пс. 141:1—5). И еще: «Вот Бог мой, Спаситель и Господь, и буду на Него уповать, и спасен буду Им, и не убоюсь, ибо слава моя и пение мое — Господь; и Он был мне во спасение» (Ис. 12:2).

96. Итак, спустившись к подножию холма и найдя там развалины часовни святой Марины, он вошел туда и воздал Богу молитвы девятого часа. Затем, отдавшись краткому отдыху, как истинный ученик Христов, он приветствует друга синкелла следующим письмом. «Всесвященному и святому владыке моему, преславному синкеллу из-за тебя изгнанный и преследуемый твой Симеон. Смотри, всесвященный владыко, какую жатву принесли мне семена твоих подвигов по Богу и рассуждений, какую славу и радость принесли мне, скольких венцов стали они для меня причиной, сколь великим веселием наполнили меня, возвели на вершину духовного знания и стопы ума моего прекрасно утвердили на камне (Пс. 39:3); и уготовали мне в ту самую скалу облечься, из которой получаю я воду живую. Она ипостасно орошает меня, движет [мною], говорит со [мною] и побуждает писать тебе, преисполняя всякой радости; она вовсе не позволяет мне чувствовать смертоносные искушения, но, как трех отроков в печи сохранила она нетронутыми огнем, так и меня, как бы спрятав в своей скинии (Пс. 26:5), хранит беспечальным и не ведающим страданий, — за это я благодарен тебе и никогда не перестану благодарить и молиться за тебя. Так что если у тебя есть еще что-нибудь добавить к радованию и славе любящих тебя, не медли сделать это, чтобы мзда тебе увеличилась и воздаяние от Бога, еще законоположившего, было дано тебе приизобильно. Будь здоров».

97. Получив это послание, надмеваемый знанием синкелл прочитал высокие мысли и, не поняв их большую часть, был сражен словесными жалами сильнее, чем, как казалось, сам он сразил святого мужа злыми нападками. И он отвечает, но не словами, — на это он не был способен, — а делами. Тотчас же принимается он разить непобежденного, находящегося в отдалении, но не как мудрец, какими-либо доводами разума, — ибо не обладал свободным разумом, движимым любовью, — а как способный на все, изобилующий злобой, коварной болтовней, наветами и недостойными кознями. И вот, без промедления придя к самому патриарху и нашепав ему в уши то, что имел он против Симеона, он раздувает клеветой угли гнева, снова поджигает их и возбуждает сильнейшее пламя испытаний для Симеона. Так как он точно знал, что блаженный муж любит чтить в празднествах [своего духовного] отца и очень щедро раздает деньги бедным, он вообразил, подобно тому Мидасу, который все видел золотым, что святой муж владеет золотыми сокровищами, скрытыми в келлии — где сложены были груды аскетических подвигов. Тотчас же убеждает синкелл патриарха послать [людей] на поиски пресловутых богатств святого. И не только их, но с ними вместе изъять все находящееся в келлии имущество — я имею в виду книги, одежду для тела и другие необходимые вещи.

98. Видите, что делает зависть и ненависть к ближнему? Поистине ослепляет и воображает несуществующее существующим и то, чего нет, использует, как если бы оно имело место, и с ним сражается. Итак, обыскивают келлию блаженного мужа, которая некогда приобрела сокровище благодати Духа и стала его вместилищем. Ищут зарытые золотые сокровища у того, кто все презирал и отбрасывал и ничего не приобрел, кроме власяницы и плаща для защиты его иссушенного чрезмерными подвигами тела, которое тяготило даже тряпье. Обыскивают [келлию] при помощи каких-то лопат и приспособлений, раскапывают пол, проламывают стены, снимают кровлю и даже весь скарб разбрасывают на открытом воздухе. Но бездушная келлия, тщательно обыскиваемая в течение целого дня, со своей стороны, стала мстить за своего обитателя; сплошь продырявленная, она ничего не отдала из того, чего искали и чего жаждали погромщики. Тогда были изъяты сложенные в ней книги и малое утешение для тела того человека — все оно состояло из

Жизнь и подвижничество Симеона Нового Богослова

плаща и покрывала, по причине присущей ему немощи. Так вот, узнав о похищении имущества, Симеон апостольским разумом принимает это с радостью, совершенно презрев глумящихся и посмеявшись их наивности, ибо они думали найти золотые сокровища у того, для кого всю жизнь была богатством бедность во Христе и нужда служила трапезой роскошной и более изобильной, чем стол изощренных яств.

99. Итак, один, умудрившийся в злобе, делал все возможное, чтобы, как ему казалось, тем более уязвить святого. А другой снова отправил ему письмо, и первый больше, чем второй, получил ударов в сердце. И говорит пославший письмо так: «Добрый Стефан, господин мой, снова прибавил прекрасные венцы к моим венцам³³. Но чем же мы воздадим тебе за то, что ты сделал нашему ничтожеству, движимый благим расположением, и делаешь, и я знаю, что и впредь будешь делать, благодетельствуя нам ежедневно уже семь лет? Как защитимся мы пред тобой, усердным в таком деле и знающим, как почтить твоих друзей и угодить им сладкими твоими лекарствами? Но умоляем тебя, да не остановишься в твоих замыслах и не прекратишь деяний твоих; прибавь к ним, если нужно, еще такие, которые сделают труды мои более сладкими. Ты увеличил во мне свет, радость, наслаждение, которые странным образом кипят во мне, наполняя душу неизъяснимой радостью духа в умиротворенных помыслах. Все это ты, пожалуй, полностью приумножишь, творя свои обычные дела, и соединишь нас вскоре с возлюбленным Богом, ради Которого я все с готовностью переношу и ради Которого, как видишь, на меня возложены тобою эти узы изгнания. Будь здоров. Всесвященному и святому владыке моему тобою изгнанный и лишенный имущества твой Симеон».

100. Упомянутая часовня и место, на котором она стояла, принадлежали одному из сановников, Христофору, по прозванию Фагура. Узнав, что святой изгнан и расположился возле часовни, этот ученик святого не медля переправился через Пропонтиду и оказался точно в [означенном] месте. Когда он увидел, что блаженный муж сидит там с одним учеником и нет у него ничего, чтобы согреть свое тело, со слезами стремительно повергается он к прекрасным ногам учителя и горячо оплакива-

³³ Здесь игра слов: имя Стефан буквально означает «венец».

Преподобный Никита Стифат

ет его несчастье. Когда же он узнал еще и причину изгнания, он сурово осудил поступки гонителя, однако почел счастливым самого преследуемого и слышавшего «всяк зол глагол» (Мф. 5:11) по заповеди Божией. Осторожно попросил он святого [позволить] доставить нужные для тела вещи, чтобы тот не испытывал нужды в необходимом. А святой отвечал: «Что, чадо, нужно нам, кроме ежедневного пропитания, которое хлеб и соль с водой доставляют нам в большем изобилии, чем остальные яства? Но если ты, которого мы родили в Духе, больше заботишься о том, чтобы нас ублажать, то ты прежде всего отдашь в дар нам, лишенным крова, вот эту часовню. И если воззрит как-нибудь Бог на нашу скорбь, и взирая призрит и удостоит нас, гонимых ради Его заповеди, некоего утешения, то мы восстановим обитель монашествующих, и для спасающихся и для тебя деяние это будет в защиту перед Богом и в награду, а нам даст место совершения молитв и исполнения заповедей Христовых». Услышав это и очень обрадовавшись сказанному, сей муж тотчас же приносит в дар святому часовню, посвящает ее Богу.

Продолжение следует

Преподобный СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

ПОСЛАНИЕ ОБ ИСПОВЕДИ *

[1] Ты повелел нашему ничтожеству, отец и брат, ответить на твой вопрос: “Позволительно ли исповедовать грехи некоторым монахам, не имеющим священства?”, прибавив также и сие: “потому что мы слышим, что власть вязать и решить дана одним священникам”. Таковы слова и душеполезные вопрошания твоей боголюбивой души, пламенного рвения и страха [перед Богом]. Одобряя твое стремление к добру и желание узнать о божественных и священных предметах, мы, тем не менее, не способны рассуждать и писать об этом, почему и хотели бы молчать; ведь *соображать духовное с духовным*¹ — дело бесстрастных и святых мужей, от которых мы отстоим далеко и жизнью, и словом, и добродетелями. [2] Но поскольку, как написано, *близок Господь ко всем, призывающим Его в истине*², то и я, недостойный, призвав Его в истине, скажу тебе следующее не своими словами, но от самого Божественного и богодухновенного Писания, не поучая [от себя], но предлагая тебе из него свидетельство о том, о чем ты спрашивал; дабы мне от обеих пропастей по благодати Божьей сохранить самого себя и слушателей своих: и от сокрытия таланта, и от того, чтобы недостойно и тщеславно — более того, [находясь] в помрачении, — изъяснять догматы.

Итак, откуда положим начало слову, если не от безначального Начала всего? Это ведь лучше всего, ибо тогда и сказанное будет твердо. Мы ведь не ангелами сотворены и не у людей учились, но по благодати Духа таинственно научались и ежечасно всегда научаемся от мудрости свыше, которую и теперь

* Перевод иеромонаха Илариона (Алфеева) по изданию: *K. Holl. Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum. Eine Studie zu Symeon dem neuen Theologen. Leipzig, 1898. S. 110-127.*

¹ 1 Кор. 2:13.

² Пс. 144:18.

призвав, будем говорить здесь. И прежде всего скажем о способе исповеди и о ее силе.

[3] Итак, исповедь есть ни что иное, как исповедание долгов, а также признание ошибок и собственного безумия, то есть осуждение своей нищеты; как и в евангельской притче сказал Господь: *У одного заимодавца, — говорит, — было два должника, и один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят; но как они не имели, чем заплатить, он простил обоим*³. Итак, всякий верный является должником своего Владыки и Бога, и что он взял у Него, то и будет спрошено с него на страшном и ужасном Суде Его, когда все мы — цари и нищие вместе — предстанем перед Ним нагие, опустив головы. Слушай же, что именно дано нам Богом. Многое и другое, чего никто из людей исчислить не в силах, но прежде всего лучшее и совершеннейшее: освобождение от осуждения, освящение от скверны, переход из тьмы в несказанный Его свет, а также и то, чтобы нам через божественное Крещение сделаться детьми, сыновьями и наследниками Его, облечься в Самого Бога, стать Его членами и принять живущим в нас Святого Духа, являющегося царской печатью, которой Господь запечатлевает овец Своих, и — зачем много говорить? — стать и нам подобными Ему, сделавшись братьями и сонаследниками Его. Все это и другое большее этого дается тотчас при божественном Крещении всем крещаемым — то, что и божественный апостол называет богатством и наследием⁴.

[4] Заповеди же Владыки даны как хранители этих неизреченных дарований и даров: они, словно стена, отовсюду окружают верного, соблюдают невредимым хранящееся в душе сокровище и делают его неприкосновенным для всех врагов и воров. Мы, однако, считаем, что заповеди человеколюбивого Бога соблюдаются нами, и тяготимся этим, не зная, что скорее мы сами бываем хранимы ими; ибо соблюдающий заповеди Божьи не их, но самого себя соблюдает и сохраняет от видимых и невидимых врагов, о которых Павел говорит, показывая, что они бесчисленны и страшны: *Наша брань не против крови и плоти,*

³ Лк. 7:41—42.

⁴ Еф. 3:8; Кол. 1:12.

Послание об исповеди

*но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных*⁵, то есть тех, которые в воздухе и которые всегда невидимо противостоят нам.

Итак, сохраняющий заповеди сам сохраняется ими, и вверенное ему от Бога богатство не теряет; презиравший же заповеди оказывается нагим и легко уязвимым для врагов и, расточив все богатство, становится должником Царю и Владыке во всем том, о чем мы сказали, — что невозможно человеку чем-либо возместить и что невозможно найти. Ибо эти [блага] небесны, и с небес пришел и ежедневно приходит Тот, Кто приносит и раздает их верным; и где получившие и потерявшие их смогут снова найти их? Поистине, нигде. Ибо ни Адам, ни кто-либо из его сыновней не был бы в силах совершить восстановление себя и своих сродников, если бы сверхъестественный Бог и Господь наш Иисус Христос, сделавшись сыном его по плоти, придя, не поднял бы от падения его и нас божественной силой. А кто думает соблюдать не все заповеди, а только некоторые, о других же нерадит, тот пусть знает, что, если хотя бы одной пренебрежет, теряет все богатство целиком. Предположи, что заповеди — это двенадцать вооруженных мужей, которые окружают и охраняют тебя, стоящего среди них обнаженным; представь также других солдат-противников, наступающих отовсюду, нападающих, стремящихся захватить тебя и тотчас убить. Итак, если один из двенадцати по собственной воле упадет, пренебрежет охраной и оставит свое место, как дверь, открытую для противника, что пользы будет остальным одиннадцати мужам, когда один [из противников] войдет внутрь и беспощадно рассечет тебя, так что они не смогут даже обернуться, чтобы помочь тебе? Ведь если они захотят обернуться, то и сами будут захвачены противниками. Точно то же самое произойдет и с тобою, если не будешь соблюдать заповеди. Ибо если ты ранен одним врагом и падаешь, все заповеди отлетают от тебя, и ты мало-помалу лишаешься силы. Иначе говоря, как из сосуда, наполненного вином или маслом, если он не отовсюду цел, а с одной стороны сделался дырявым, понемногу выливается все содержимое, так и ты, пренебрегши хотя бы одной заповедью, понемногу отпадаешь и от всех прочих, как сказал Христос:

⁵ Еф. 6:12.

*Имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что он думает иметь*⁶. И еще: *Кто нарушит одну из заповедей сих и научит людей, — то есть своим преступлением [научит], — поступать так же, тот малейшим наречется в Царствии Небесном*⁷. И Павел говорит: *Кто кем побежден, тот тому и раб*⁸. И еще: *Жало же смерти — грех*⁹. И не сказал: “тот или иной [грех]”, но какой бы ни был грех, он самый и есть жало смерти. Жалом же смерти он называет грех потому, что ужаленные умирают. Итак, всякий грех — к смерти. Ибо однажды согрешивший, как сказал Павел, уже умер¹⁰, сделавшись виновным в долгах и грехах; разбойниками оставлен он лежать [при дороге]¹¹.

[5] Итак, умирающий захочет ли что-либо иное, кроме как воскреснуть, а задолжавший и не имеющий чем расплатиться — что, кроме как получить прощение долгов и не быть брошенным в тюрьму до тех пор, пока не выплатит долг? Ведь из-за того, что у него ничего нет, он никогда не избежит вечной темницы, то есть тьмы. Так же и тот, кто избит умственными разбойниками, всячески ищет, чтобы пришел к нему врач, сострадательный и милосердный. Ибо в самом себе он не имеет согревающего его страха Божьего, который бы [побуждал] его самому пойти к врачу, но, расточив душевную силу из-за собственного небрежения, лежит он, [представляя собой] зрелище страшное и жалкое для тех, кто хорошо, или лучше сказать — духовно видит душевные прегрешения. Итак, тот, кто из-за греха стал рабом диавола — ибо [Павел] говорит: *Неужели вы не знаете, что вы рабы того, кого слушаетесь — или рабы праведности к праведности, или греха к греху?*¹² — и сделался таковым в посмеяние Отца и Бога, поправление врагам, отступившим от Бога, кто оставлен обнаженным от царской багряницы и почерневшим, кто стал вместо чада Божьего чадом диавола, что сделает, чтобы снова войти в обладание тем, от чего отпал? Конечно же,

⁶ Мф. 25:29.

⁷ Мф. 5:19.

⁸ 2 Пет. 2:19.

⁹ 1 Кор. 15:56.

¹⁰ Ср. Рим. 6:10.

¹¹ Ср. Лк. 10:30.

¹² Рим. 6:16.

посредника и друга Божьего он взыщет, способного восстано-
вить его в прежнем состоянии и примирить его с Богом и От-
цом. Ибо тот, кто по благодати прилепился ко Христу и сделал-
ся членом Его и усыновился Ему, если, оставив Его, возвратит-
ся, подобно псу, на свою блевотину ¹³ и или свяжется с блуд-
ной женщиной, или соединится с другим телом, осуждается
вместе с неверными как обесчестивший и оскорбивший Христа,
поскольку, согласно божественному апостолу, *мы — тело*
Христово, а порознь — члены ¹⁴. Итак, кто сошелся с блудни-
цей, тот делает члены Христовы членами блудницы ¹⁵. А тот,
кто так поступил и таким образом прогневал своего Владыку и
Бога, не может иным образом примириться с Богом, кроме как
через посредника, мужа святого, друга и раба Христова, и через
избежание зла.

[6] Поэтому прежде всего будем избегать греха; если же бу-
дем ранены его стрелой, то не станем медлить, наслаждаясь
ядом его, словно медом, или, подобно раненой медведице, зали-
зывая рану, делать ее еще большей, но тотчас побежим к ду-
ховному врачу и изблюем посредством исповеди яд греха и, вы-
плюнув греховную отраву, получим от него с готовностью в ка-
честве противоядия даваемые им покаянные эпитимии и будем
стараться исполнять их всегда с горячей верой и в страхе
Божьем. Ибо все те, которые полностью расточили вверенное
им богатство и с блудными и мытарями растратили родитель-
ское имущество, чья совесть по причине великого стыда скло-
нилась долу и не имеет силы восклониться, лишенные дерзно-
вения, ищут какого-либо человека Божьего, чтобы стал воспри-
емником их долгов, дабы через него приступили они к Богу, по-
скольку, как думаю, невозможно без искреннего и сопряженно-
го с трудом покаяния, даже и при желании, примириться с Бо-
гом. Ибо никогда не слышано и не написано в богодухновенных
Писаниях, чтобы кто-либо принял на себя грехи другого и чтобы
отвечал за них, если прежде сам согрешивший не явит достой-
ные плоды покаяния, соответственные видам греха, и не поло-
жит в основание свои собственные труды. Ибо голос Предтечи

¹³ 2 Пет. 2:22.

¹⁴ 1 Кор. 12:27.

¹⁵ Ср. 1 Кор. 6:15.

Слова сказал: *Сотворите плоды достойные покаяния и не думайте говорить в себе: отец наш Авраам*¹⁶. Ибо и Сам Господь наш, обращаясь к неразумным, так сказал: *Истинно говорю вам: если бы и Моисей и Даниил восстали, чтобы спасти сынов своих и дочерей, никак не спасут их*¹⁷. Итак, что сделаем или каким образом, пожелав, вознамеримся покаяться к оставлению долгов и восстановлению от грехопадения? Слушайте то, что дает [мне] Бог, чтобы каждому из вас я ответил.

[7] Взыщи, если хочешь, посредника и врача и доброго советника, чтобы как добрый советник он предложил тебе образы покаяния, соответствующие доброму совету, как врач же дал бы тебе лекарства, подходящие для каждой раны, а как посредник, предстоя перед Богом лицом к лицу, молитвой и ходатайством перед Ним умилиствовал о тебе Божество. Но не пытайся, найдя льстеца и раба чрева, сделать его своим советником и сподобником, чтобы, приспособляясь к твоей воле, а не к тому, что любит Бог, он учил тебя тому, что тебе приятно, а ты бы при этом по-прежнему оставался непримиримым врагом [Бога]. И не [ищи] неопытного врача, чтобы он чрезмерной строгостью и несвоевременными операциями и прижиганиями не ввергнул тебя в глубину отчаяния или, опять же, чрезмерным снисхождением не позволил тебе, больному, думать, что ты выздоравливаешь, и не предал тебя самому страшному — вечному мучению, которого надеешься избежать. Ибо этот и подобный [способ врачевания] причиняет нам недуг, от которого умирает душа. Найти же посредника между Богом и людьми — не думаю, чтобы было легко. Ибо *не все те израильтяне, которые от Израиля*¹⁸, а лишь те, которые соответственно имени на деле узнают самую силу этого имени и умом видят Бога; и не все, призывающие имя Христа, поистине суть христиане. Ибо *не всякий говорящий Мне: "Господи, Господи", — сказал Христос, — войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего*¹⁹. И еще сказал: *Многие скажут Мне в тот день: "Господи, не Твоим ли именем мы изгоняли бесов?" Но Я объявлю им: "Истинно гово-*

¹⁶ Мф. 3:8.

¹⁷ Ср. Иезек. 14:14—20.

¹⁸ Рим. 9:6.

¹⁹ Мф. 7:21.

рю вам, не знаю вас, отойдите от Меня, делатели беззакония”²⁰.

[8] Поэтому всем нам, братья, следует быть внимательными — и посредничающим, и согрешившим, и самим желающим примириться с Богом, чтобы ни посредничающие не навлекли [на себя] гнев вместо награды, ни споткнувшиеся, не стремящиеся примириться [с Богом] не получили врага и убийцу и лукавого советника вместо посредника. Ибо таковые услышат ужасающую угрозу: *Кто вас поставил начальниками и судьями народа Моего?*²¹ И опять: *Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего*²². Бревно же — это какая-либо одна страсть или похоть, затемняющая глаз души. И тотчас: *Врач! Исцели самого себя*²³. И опять: *Грешнику же говорит Бог: “Что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое, и слова Мои бросаешь за себя?”*²⁴ И Павел сказал: *Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим господином стоит или падает; Бог же силен через верного раба Своего восстановить Его*²⁵.

[9] По всему этому я трепещу и дрожу, братья и отцы мои, и увещаю всех вас, утверждая и самого себя через увещания к вам, не относиться презрительно к этим божественным и страшным для всех таинствам и не играть ни с тем, что не является игрушками, ни против души нашей из-за тщеславия, или славолубия, или [желания] выгоды, или бесчувствия. Ибо случается, что ради того, чтобы быть названными “равви” или “отцы”, вы принимаете чужие помыслы. Не будем, прошу, так бесстыдно, с легкостью похищать апостольское достоинство, [но будем] руководствоваться примером из земной [жизни]. Если кто будет уличен в том, что самовольно дерзнул принять на себя подобие посланника земного царя и управлять тем, что доверено [посланнику], делая [это] тайно, или впоследствии и от-

²⁰ Мф. 7:22—23.

²¹ Ср. Исх. 2:14.

²² Мф. 7:5.

²³ Лк. 4:23.

²⁴ Пс. 49:16—17.

²⁵ Рим. 14:4.

крыто заявит о [своих] действиях, то и он, и споспешники и слуги его будут подвергнуты самым жестоким наказаниям для устрашения других, и он будет осмеян как безумный и бесчувственный больше всех. Что же ждет в будущем [веке] недостойно похищающих апостольское достоинство?

[10] Но и не пожелайте быть посредниками для прочих [людей], прежде, чем вы исполнитесь Духом Святым и познаете чувством души Царя всего и сделаетесь другом Его, поскольку не все, знакомые с земным царем, могут ходатайствовать перед ним и о других. Ибо весьма немногие могут делать это — те, которые по причине добродетелей и потов, то есть трудов своих, приобрели дерзновение по отношению к нему, и уже не нуждаются они в посреднике, но говорят с царем устами к устам. Итак, неужели не сохраним этот чин и по отношению к Богу, братья и отцы, не почтим Небесного Царя хотя бы наравне с земным, но сами себе хищнически присвоим [право] сидеть на кафедрах справа и слева от Него, прежде чем мы испросили и получили [это] от Него? О дерзость! Какой стыд охватит нас! Даже если ни за что другое не будем призваны к ответу, за одно это с бесчестьем лишимся предстоятельства как презрители и будем ввержены в огонь неугасающий. Но достаточно сего для назидания тех, которые хотят внимать себе; ибо ради этого сделали мы отступление от темы [нашего] слова. Теперь же скажем о том, о чем ты, чадо, хотел услышать.

[11] Что позволено нам исповедоваться монаху, не имеющему священства, найдешь это происходящим со всеми с тех пор, как одежда и обличье [монашеские] были дарованы от Бога наследию Его и монахи получили свое имя, как это написано в боговдохновенных писаниях отцов, вникнув в которые ты найдешь, что сказанное — правда. Прежде же [монахов] одни лишь архиереи по преемству от божественных апостолов получали власть вязать и решить, но по прошествии времени и когда архиереи стали негодными, это страшное поручение перешло к священникам, имеющим непорочную жизнь и удостоенным божественной благодати. Когда же и они, священники вместе с архиереями, смешались с прочим народом и уподобились ему, и когда многие, как и ныне, подпали [под действие] духов заблуждения и суетного пустословия и погибли, оно было передано,

как сказано, избранному народу Божьему — я говорю о монахах; оно не было отнято от священников и архиереев, но они сами сделали себя чуждыми ему. *Ибо всякий священник поставляется перед Богом как посредник между Богом и людьми, — как сказал Павел, — и он должен как за народ, так и за себя приносить жертву*²⁶.

[12] Но поведем речь от более раннего [времени] и посмотрим, откуда и как и кому была от начала дана эта власть священнодействовать, вязать и решить, и в том порядке, в котором ты задал вопросы, так пусть и следуют ясные ответы — не для одного тебя, но и для всех прочих людей. Когда Господь и Бог и Спаситель наш сказал [человеку], имевшему сухую руку: *“Прощаются тебе грехи твои”*²⁷, евреи, услышав это, сказали: *“Он богохульствует. Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?”*²⁸ Таким образом, никому не было дано отпускать грехи — ни пророкам, ни священникам, ни кому-либо из тогдашних патриархов. Потому и негодовали книжники, что проповедовалось как бы некое новое учение и странная вещь. Господь же не укорил их за это, но, напротив, научил их тому, чего они не знали, показав, что как Богу, а не как человеку дано ему отпускать согрешения. Ибо, сказав им: *“Чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле оставлять грехи”*²⁹, — говорит имевшему сухую руку: *“Протяни руку твою”*. И он протянул, и стала она здорова, как другая³⁰. Через видимое чудо [Христос] удостоверил большее и невидимое. Так [было и] с Закхеем³¹, так — с блудницей³², так — с Матфеем у сбора пошлин³³, так — с Петром, трижды отрекшимся³⁴, так — с расслабленным, которого Он исцелил и [которому], встретив [его] позже, сказал: *Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не*

²⁶ Евр. 5:1—3.

²⁷ Мф. 12:10.

²⁸ Мф. 9:2—3.

²⁹ Мф. 9:6.

³⁰ Мф. 12:13.

³¹ Лк. 19:1.

³² Лк. 7:36.

³³ Мф. 9:9.

³⁴ Ин. 21:15.

случилось с тобой чего хуже³⁵. Сказав это, Он показал, что из-за греха тот [расслабленный] впал в болезнь, а исцелившись от нее, получил и прощение своих согрешений — не благодаря многолетним просьбам, или посту, или сну на жесткой постели, но только благодаря обращению, непоколебимой вере, отвержению порока, истинному покаянию и многим слезам, как блудница и Петр, плакавший горько³⁶.

Отсюда начало этого дара — великого и подобающего только Богу, и которым Он один обладает. Далее, перед вознесением [Своим] на небеса, Он вместо Себя оставляет это дарование ученикам. Как же передал Он им это достоинство и власть? Исследуем также — кому, и скольким, и когда. Избранным одиннадцати ученикам, когда они были собраны вместе при закрытых дверях. Ибо войдя и став посреди них, Он дунул и сказал: *“Примите Духа Святого. Кому простите грехи — простятся, на ком оставите — останутся”*³⁷. И ничего совершенно не повелевает им по поводу епитимий как тем, которые должны научиться ся от Святого Духа.

[13] Как уже было сказано, святые апостолы по преемству передавали эту власть тем, кто принимал их престолы, так как никто из остальных не смел даже подумать что-либо такое. Таким образом ученики Господа строго сохраняли [за собой] право этой власти. Но, как мы сказали, по прошествии времени достойные растворились среди недостойных, смешались с ними и скрылись под большинством, один у другого оспаривая первенство и притворяясь добродетельными ради председательского [места]. Ибо с тех пор, как воспринявшие престолы апостолов оказались плотскими, сластолюбивыми, славолубивыми и склонными к ересь, оставила их божественная благодать, и власть эта отнята от таковых. Поэтому, так как они оставили все другое, что должны иметь священнодействующие, одно только требуется от них — хранить православие. Но думаю, что и это они не [соблюдают]; ибо не тот православный, кто не вносит новый догмат в Церковь Божию, но тот, кто имеет жизнь,

³⁵ Ин. 5:1—14.

³⁶ Лк. 7:38-44; Мф. 26:75.

³⁷ Ин. 20:19—23.

согласную с правым учением. Но такого и такового современные патриархи и митрополиты или, поискав, не находят, или, найдя, предпочитают ему недостойного, требуя с него только одного — письменно изложить Символ веры, и тем одним довольствуются, что он — ни добра не ревнитель, ни со злом не борец. Тем самым они будто бы сохраняют мир Церкви, но этот [мир] хуже всякой вражды и является причиной великого беспорядка. От этого и священники испортились и стали, как народ. Ибо, как сказал Господь, никто из них не является солью ³⁸, чтобы посредством обличений связывать и хоть как-то сдерживать нравственный распад ³⁹, но, напротив, сознавая и скрывая страсти друг друга, они сделались хуже народа, а народ хуже их. Некоторые же из народа оказались даже лучше священников, являясь словно бы углями на фоне беспросветного мрака последних. Ибо если бы священники, по слову Господа, сияли жизнью, как солнце ⁴⁰, не были бы заметны раскаленные угли, но казались бы почерневшими в сравнении с более ярким светом. Поскольку же только обличье и одежда священства остались в людях, а дар Духа перешел на монахов, и благодаря знамениям и чудесам стало очевидно, что делами [своими] они вступили на [путь] жизни апостольской, то и здесь, опять же, диавол сделал свойственное ему. Ибо, видя их, что они, как некие новые ученики Христа, снова явились в мире и просияли жизнью и чудесами, он ввел [в их среду] и смешал с ними лжебратьев и свои собственные орудия; и, мало помалу умножившись, они, как видишь, стали негодными и сделались весьма не монашествующими монахами.

Итак, ни монахам по внешнему облику, ни рукоположенным и включенным в степень священства, ни удостоенным архиерейского сана, — патриархам, говорю, митрополитам и епископам, — [14] просто так, только из-за рукоположения и его достоинства, не дается от Бога отпускать грехи — да не будет! Ибо им дозволено только священнодействовать, но думаю, что и это — не многим из них, — чтобы, будучи сеном, они из-за этого не сгорели дотла, — а только тем, кто из священников,

³⁸ Мф. 5:13.

³⁹ Букв. "распадающуюся жизнь".

⁴⁰ Мф. 5:18.

архиереев и монахов может быть сопричислен к ликам учеников Христовых за чистоту.

[15] Итак, откуда сами они узнают, что сопричислены к тем, о ком я говорил, и каким образом отыскивающие таковых с точностью их распознают? Этому Господь научил, сказав так: *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками, — речь идет о боговдохновенном и полезном учении Слова, — будут брать змей, и если что смертное выпьют, не повредит им*⁴¹. И опять: *Овцы Мои слушаются голоса Моего*⁴². И снова: *По плодам их узнаете их*⁴³. По каким плодам? По тем, о которых говорит Павел, перечисляя большинство из них: *Плод же Духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, вера, кротость, воздержание*⁴⁴, а вместе с ними милосердие, братолюбие, милостыня и следующие за ними; а к ним еще *слово мудрости, слово знания, дары чудотворений и другое большее; все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому, как хочет*⁴⁵. Ставшие причастниками таких дарований — или всех, или лишь некоторой части, в соответствии с тем, что им полезно — зачислены в лик апостолов, и ныне становящиеся такими зачисляются туда же. Поэтому они — свет миру, как сказал Сам Христос: *Никто, зажегши светильник, не ставит его под спудом или под кроватью, но на подсвечнике, и светит всем в доме*⁴⁶. Впрочем, таковые узнаются не только по этим [дарованиям], но также и по их образу жизни. Так и разыскивающие их узнают их, и сами они каждый с точностью [узнают себя], если они, как бы по подобию Господа нашего Иисуса Христа, не только не стыдятся нищеты и смирения, но скорее даже вменяют их в великую славу и, как Он, показывают нелицемерное послушание своим отцам и руководителям, подчиняясь духовникам; если бесчестия и насмешки, ругательства и оскорбления любят от души, а тех, кто наносит им эти [оскорбления], вос-

⁴¹ Мф. 16:17—18.

⁴² Ин. 10:27.

⁴³ Мф. 7:16.

⁴⁴ Гал. 5:22—23.

⁴⁵ I Кор. 12:8—11.

⁴⁶ Мф. 5:14—15.

принимают как подателей великих благ и от души молятся о них со слезами, если презирают всякую мирскую славу, а все сладости мира считают грязью. И зачем удлинять слово многими и очевидными вещами? Если каждый из вышеназванных найдет себя достигшим всякой добродетели, о которой слышит и читает в Священных Писаниях, если также совершит все добрые дела и в каждом из них достигнет преуспевания, изменения и [высокой] степени и будет взят к высоте божественной славы, тогда и сам себя пусть признает сделавшимся причастником Бога и его дарований, и [другими], хорошо видящими, или даже и близорукими, будет опознан. И тогда таковые могут говорить всем с дерзновением: *Мы — посланники Христовы, и как бы Сам Бог увещевает через нас: примиритесь с Богом* ⁴⁷. Ибо все таковые соблюли заповеди Христовы до смерти, продали свои имущества и раздали нищим, последовали за Христом через претерпение искушений, погубили свои души в мире ради любви Божией и приобрели их для жизни вечной. Приобретя же свои души, обрели они себя в умственном свете, и таким образом в этом свете увидели неприступный Свет — Самого Бога, согласно написанному: *Во свете Твоем мы увидим свет* ⁴⁸. Как же обрести то, что относится к душе? Внимай. Душа каждого из нас есть драхма, которую потерял не Бог, но каждый из нас, погрузив себя во тьму греха. Христос же, будучи истинным Светом, придя и встретив ищущих Его, даровал им видеть Его так, как знает только Он Сам. Это и означает обрести душу свою — увидеть Бога и в свете Его стать выше всякой видимой твари, и иметь Бога пастырем и учителем, от Которого, если хочет, узнаёт, [как надо] вязать и решить, и, точно узнав, будет поклоняться Подателю [этих благ] и передавать [их] нуждающимся.

[16] Я знаю, чадо, что таковым дается власть вязать и решить от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа через Духа Святого — тем, которые по усыновлению суть сыновья и святые рабы Его. Я и сам был учеником такого отца ⁴⁹, не имевшего рукоположения от людей, но вписавшего меня рукою Божьей,

⁴⁷ 2 Кор. 5:20.

⁴⁸ Пс. 35:10.

⁴⁹ Имеется в виду Симеон Студит.

то есть Духом, в ученичество и правильно повелевшего мне принять рукоположение от людей по установившемуся порядку — мне, который Святым Духом был издавна движим к этому сильнейшим желанием.

[17] Итак, возжелаем прежде стать таковыми, братья и отцы, и тогда только будем говорить другим об освобождении от страстей и принятии помыслов, и такого духовника взыщем. Итак, будем усердно искать таких мужей, учеников Христа, и с сердечной болью и многими слезами будем целыми днями умолять Бога открыть очи сердец наших, дабы мы узнали их, если, конечно, где-либо и обретается таковой в этом лукавом роде, чтобы, найдя его, получить через него оставление грехов наших, всей душой слушаясь его повелений и заповедей, как и тот ⁵⁰, услышав [заповеди] Христа, стал причастником благодати и даров Его и получил от Него власть вязать и решить согрешения, возжегшись Святым Духом, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение с Отцом и Единородным Сыном во веки. Аминь.

Комментарий к переводу

Письменное наследие преподобного Симеона Нового Богослова на греческом языке включает в себя 3 Богословских Слова, 15 Нравственных Слов, 34 Огласительных Слова, 2 Благодарения, 225 Глав, 58 Гимнов и 4 Послания. Большинство этих текстов переведено на русский язык в XIX — начале XX вв., за исключением 1-го Послания ("Послание об исповеди"), которое до сего дня отсутствовало в русском переводе. Текст этого Послания был в конце прошлого века опубликован К. Холлем; ранее он публиковался в греческой Патрологии Ж.-П. Миня, однако там он был приписан преподобному Иоанну Дамаскину.

О том, что Послание в действительности принадлежит Симеону Новому Богослову, свидетельствуют как рукописная традиция, так и внутренние текстологические данные. Стиль, язык и тематика Послания подтверждают авторство Симеона. Кроме того, в тексте имеется ссылка на Симеона Студита, который был духовным отцом Симеона Нового Богослова и о котором

⁵⁰ Симеон Студит.

Послание об исповеди

последний говорит: “Я и сам был учеником такого отца, не имевшего рукоположения от людей, но вписавшего меня рукою Божьей, то есть Духом, в ученичество и правильно повелевшего мне принять рукоположение от людей” ⁵¹.

В “Послании об исповеди” Симеон Новый Богослов выдвигает два положения, которые могут современному читателю показаться спорными: о том, что властью “вязать и решить” обладают не все священнослужители, а только те, чей нравственный и духовный уровень соответствует высоте служения, а также о том, что исповедь может совершаться монахом, не имеющим священного сана.

Остановимся сначала на первом из этих положений, которое, кстати говоря, содержится не только в данном Послании, но и в других произведениях Симеона. Согласно Симеону, власть “вязать и решить” принадлежит только тем священникам, которые “в духе смирения священнодействуют Евангелие и живут в непорочной жизни” ⁵². Недостаточно получить “рукоположение от людей” ⁵³; нужно быть назначенным от Бога Святом Духом, — так считает Симеон ⁵⁴. Если человек не отрекся от мира, не возненавидел его, не погубил свою душу ради Христа, не удостоился созерцать божественный свет и принять Святого Духа, бесстрастие и святость, он не должен становиться священником ⁵⁵.

При чтении подобных текстов может создаться впечатление, будто Симеон считает, что действительность рукоположения в священный сан, а следовательно, и действительность совершаемых священником таинств напрямую зависит от личных качеств самого священника ⁵⁶. Симеон, конечно, не заходит настолько далеко, чтобы утверждать, что таинство рукоположения

⁵¹ Ep. 1, 16.

⁵² Cat. 28, 263—265.

⁵³ Cat. 28, 292—293.

⁵⁴ Eth. 6, 428.

⁵⁵ Hymn 58, 224—248.

⁵⁶ Cp. J. Darrouzès. Introduction. — *Syméon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques*. T. I. SC 122. Paris, 1966. P. 33. Епископ Каллист (Уэр) обращает внимание на кажущуюся близость подобных взглядов к донатизму: *Kallistos T. Ware. The Spiritual Father in Saint John Climacus and Saint Symeon the New Theologian*. — *Studia Patristica*, XVIII, 2. Kalamazoo — Louvain, 1989. P. 308.

“недействительно”, если священник не является святым, и что “вода остается водой”, если Крещение совершает недостойный священник ⁵⁷. Однако он вплотную приближается к подобному утверждению, когда говорит, что епископы и священники, которые становятся “плотскими, сластолюбивыми, славолубивыми и склонными к ересям”, лишаются божественной благодати и власти отпускать грехи ⁵⁸. О клире своего времени Симеон высказывается следующим образом:

Итак, ни монахам по внешнему облику, ни рукоположенным и включенным в степень священства, ни удостоенным архиерейского сана, — патриархам, говорю, митрополитам и епископам — просто так, только из-за рукоположения и его достоинства, не дается от Бога отпускать грехи — да не будет! Ибо им дозволено только священнодействовать... и это... только тем, кто из священников, архиереев и монахов может быть сопричислен к ликам учеников Христовых за чистоту ⁵⁹.

Соответствуют ли подобные мысли традиционному учению Православной Церкви? Чтобы ответить на этот вопрос, следует, во-первых, пояснить, что Симеон, хотя и упоминает “священнодействие”, в первую очередь имеет здесь в виду таинство исповеди. Духовное руководство, включающее в себя совершение исповеди, рассматривается им как харизматическое служение: это — центральная мысль его 1-го Послания, а также и многих других сочинений. Симеон не столько ставит под вопрос действительность таинств, совершаемых недостойными священниками, сколько настаивает на необходимости для человека получить особое призвание от Бога, прежде чем он возьмется за служение духовного отцовства. Иными словами, власть “вязать и решить” не дается автоматически всякому, кто был рукополо-

⁵⁷ Ср. *J. Darrouzès*. Introduction. SC 122. P.33. Именно такое мнение выражено в “Житии св. Андрея Юродивого” [PG 111, 800 B]: если Евхаристию совершает недостойный священник, Святой Дух не сходит на Святые Дары, и те, кто приходит на подобную литургию, лишаются Святого Духа. Такой крайний взгляд, однако, составляет исключение в византийской церковной литературе.

⁵⁸ Ер. 1, 13.

⁵⁹ Ibid.

жен в сан священника; ее требуется стяжать посредством нравственной чистоты и духовного опыта ⁶⁰.

Во-вторых, не следует забывать, что в восточной Традиции мнение о том, что действенность таинств не зависит от личных качеств священника, никогда не было выражено так же прямолинейно и однозначно, как это было сделано на Западе (начиная с полемики Августина против донатизма). Симеон не одинок в своем предположении, что существует некая взаимозависимость между сакраментальными функциями и личными качествами священника. Нам известен по меньшей мере один литургический текст Восточной Церкви, который предполагает такую связь, а именно, священническая молитва Литургии Василия Великого: “Да не моих ради грехов возбраниши благодати Святаго Твоего Духа от подлежащих Даров”. В этом тексте нет прямого утверждения о том, что грехи священника становятся препятствием для действия благодати и, следовательно, для действенности таинства; однако такая возможность и не исключается.

В-третьих, не случайно Симеон говорит о клириках, которые “склонны к ересям”. Симеон считал некоторых своих современников “новыми еретиками” и вел с ними резкую полемику, в частности, по вопросам триадологии, но также и по вопросам духовничества и святости. Вполне обоснованно предположение о том, что, ставя под вопрос право некоторых современных ему епископов и священников совершать таинства, Симеон исходил из вполне традиционного мнения, согласно которому еретическое духовенство лишено божественной благодати ⁶¹. Можно сомневаться, насколько прав был Симеон, применяя столь жесткие критерии к некоторым своим современникам. Но даже если его требования были чрезмерными, главную его заботу составляла, несомненно, необходимость сохранить изначальный идеал священника как “образа Христова”, а отнюдь не стремление бросить вызов традиционным взглядам на иерархию и таинства.

⁶⁰ Отметим, что в Церквах греческого Востока даже и в настоящее время не всем священникам разрешается принимать исповедь, а лишь тем, кто по достижении определенного возраста получает благословение епископа на духовническое служение.

⁶¹ Такой взгляд, среди многих других писателей, выражает *Киприан Карфагенский*. Послание 69, 5; 72, 2.

Наконец, следует указать на связь, которая существует между требованиями, предъявляемыми Симеоном к нравственному состоянию священнослужителей, и высказываниями на ту же тему более ранних Отцов. Задолго до Симеона Григорий Богослов утверждал, что, если человек не возвысился над страстями и не очистил ум, ему не следует принимать на себя священническое служение⁶². Как говорит Григорий,

Надо сначала очиститься, потом очищать; умудриться — потом умудрять; стать светом — потом просвещать; приблизиться к Богу — потом уже приводить к Нему других; освятиться — потом освящать...⁶³

Сходные мысли высказывал Иоанн Златоуст⁶⁴. И у Григория, и у Златоуста было весьма возвышенное представление о священстве, и оба они были обеспокоены низким нравственным состоянием современного им епископата и клира. Симеон стремился к тому, чтобы духовно-нравственный уровень византийской Церкви его времени повысился, и его требовательность, так же как и критическую оценку иерархии и клира, следует понимать в контексте этой озабоченности. Слова Симеона в «Послании об исповеди» и некоторых других произведениях на ту же тему следует воспринимать скорее как пророческие предостережения, чем как вероучительные формулировки или догматические утверждения.

⁶² Слово 2, 91.

⁶³ Слово 2, 71, 9—73, 18; ср. Слово 2, 95, 8—27. В сочинениях Григория можно найти резкую критику современных ему епископов и священников, напоминающую критику Симеона в адрес его современников. Подробнее об этом см.: *Иеромонах Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова*. М., 1998. С. 184—195.

⁶⁴ См. О священстве, 6, 4. Ср. Климент Александрийский. Строматы, 6, 13: «Тот, кто проявил себя как совершенный и как гностик, согласно с Евангелием, может быть вписан в избранный сонм апостолов. Таков в действительности пресвитер Церкви и подлинный служитель воли Божией... не от людей рукоположенный и не потому считающийся праведным, что он пресвитер, но включенный в пресвитерство, потому что он праведен». Здесь ясно выражена мысль о том, что «рукоположения от людей» недостаточно, чтобы быть истинным пресвитером.

Рассмотрим теперь второе спорное положение преподобного Симеона — о том, что монахи, не имеющие священного сана, могут принимать исповедь. Идея Симеона основывается на практике, которая существовала на Православном Востоке, в частности, в студийской монашеской традиции, во времена Симеона. Это явление, впрочем, характерно не только для студийской традиции и не только для XI века. Основатели египетского монашества Пахомий Великий и Антоний Великий (V в.) были духовными руководителями многих иноков, однако не были священниками; Варсануфий и Иоанн Газский (VII в.) тоже не имели священного сана⁶⁵. Но в раннем монашестве влияние иноков-духовников, не имевших священного сана, в целом ограничивалось монашеской средой. Новым явлением в иконоборческий и послеиконоборческий период стала практика, согласно которой нерукоположенные монахи становились “старцами” — духовными руководителями мирян. К.Холль приводит множество примеров из житий святых и аскетических источников, подтверждающих это положение⁶⁶. Мнение о том, что монахи обладают правом принимать исповедь, закреплено некоторыми авторитетными источниками, например, “Словом о покаянии” патриарха Иоанна Постника, который говорит:

Господь наш Иисус Христос... посылал пророков, апостолов, архиереев, священников, диаконов и учителей для духовного наставления, монахов же для увещания,

⁶⁵ Там же, 308.

⁶⁶ См. K. Holl. *Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum*. S. 316—326. Р. Бэррингер показывает, что до VII века мы не имеем свидетельств о том, чтобы монахи, не обладавшие священным саном, принимали исповедь мирян; см.: R. Barringer. *Ecclesiastical Penance in the Church of Constantinople*. D. Phil. thesis. Oxford, 1979. P. 122. Однако в период между концом VII века и серединой IX усиление роли монахов в деле духовного руководства мирян и исповеди очевидно, при одновременном уменьшении роли епископата и женатого духовенства: см.: R. Barringer. *Ecclesiastical Penance*. P. 154. Что касается периода между 886 и 983 гг., то некоторые памятники агиографии (например, Житие Андрея Юродивого, Житие Павла Нового, Житие Луки Нового) прямо указывают, что нерукоположенные монахи были “духовными отцами” и преподавали отпущение грехов (греч. *apolytiw*); см.: R. Barringer. *Ecclesiastical Penance*. P. 177, 192.

[чтобы люди могли] исповедоваться перед ними с покаянием⁶⁷.

В XII веке Иоанн Антиохийский упоминает этот обычай как восходящий ко временам императора-иконоборца Константина Копронима (741—775):

Четыре столетия, с того времени и доньше, монашеский чин был почитаем и превозносим верующими до такой степени, что исповедь и откровение грехов, разрешение их и эпитимии были переданы монахам⁶⁸.

Пытаясь найти объяснение такой устойчивой традиции в византийском монашестве, современные западные ученые делают различие между, с одной стороны, духовным руководством и откровение помыслов, и, с другой, таинством исповеди. И. Озэрт в очень решительных выражениях доказывает, что откровение помыслов не имело сакраментального смысла, и что роль не обладавших саном духовных отцов носила "скорее психологический, чем богословский или канонический" характер⁶⁹. "Требуется еще доказать, — настаивает ученый, — действительно ли они давали сакраментальное отпущение грехов"⁷⁰. Однако монашеские источники не делают никакого различия между "сакраментальным" отпущением грехов и "не-сакраментальным" откровением помыслов. Восточная практика исповеди вообще не знала "сакраментального" отпущения в том смысле, в каком это понималось на Западе — т.е. произнесения особой формулы, в которой подчеркивалась власть священника "вязать и решить"⁷¹.

⁶⁷ Слово о покаянии [PG 88, 1920 A].

⁶⁸ О монашеской дисциплине [PG 132, 1128 BC].

⁶⁹ I. Hausherr. *Spiritual Direction in the Early Christian East*. Cistercian Studies, 116. Kalamazoo, Michigan, 1990. P. 100—102.

⁷⁰ Там же, 100. Ср. R. Barringer. *Ecclesiastical Penance*, 163.

⁷¹ Подобная формула ("...и аз недостойный иерей, властью его мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих...") вкралась в некоторые греческие и славянские евхологии лишь вследствие западного влияния после XVII в.: см. J. Meyendorff. *Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Terms*. London-Oxford, 1975. P. 196.

Послание об исповеди

Разумеется, практика, по которой не рукоположенные в священный сан иноки принимали исповедь, вызывала мощное сопротивление со стороны иерархии и канонистов⁷² и в конце концов вовсе исчезла в Восточной Церкви, но в промежуток времени от Феодора Студита до Симеона Нового Богослова (IX—XI вв.) она существовала и имела широкое распространение.

В заключение этого краткого комментария приведем слова архиепископа Василия (Кривошеина), которые содержат оценку взглядов преподобного Симеона, выраженных им в «Послании об исповеди»:

Можно в общем сказать, что учение преп. Симеона о власти вязать и разрешать, выраженное в «Послании об исповеди», является развитием его взглядов, основанных на личном опыте, на духовном рождении и на мистическом воскресении, на крещении Духом, а также на сознательном характере обладания благодатью. Но оно представляет, кроме того, большую жесткость и радикализацию его убеждений... Утверждая возможность обращаться к лицам, не имеющим священства, для получения от них отпущения грехов, преп. Симеон основывается... на предании Древней Церкви, допускавшей исповедоваться у нерукоположенных монахов... [Это учение] никогда не было официально принято Православной Церковью и с течением веков до такой степени забылось, что многие православные священники нашего времени, когда им говорят о нем (а слышат они это в первый раз), бывают удивлены и смущены и находят его опасным. Однако оно никогда не было ни прямо, ни косвенно осуждено Церковью. Церковное общественное мнение тоже не отвергало его, особенно в монашеских кругах... Влияние взглядов преп. Симеона на исповедь сказывается... на обычае, старинном, но обновленном в новые времена: открывать свои помыслы и душевные движения монахам, известным своей святостью, не спрашивая от них разрешения грехов, если они не иеромонахи⁷³. Нужно, одна-

⁷² См.: *K. Holl. Enthusiasmus und Bussgewalt. S. 326—331.*

⁷³ Такой обычай, в частности, существует на Святой Горе Афон.

ко, сказать, что такого рода различия между “откровением помыслов” и иерейским разрешением нет в писаниях пр. Симеона и оно чуждо его духовности. Для него исповедь была нераздельным целым, харизматическим актом⁷⁴.

Использованные сокращения

Cat. = *Syméon le Nouveau Théologien*. Catéchèses. Ed. B. Krivochéine, J. Paramelle. T. I (Cat. 1—5). SC 96. 1963; T. II (Cat. 6—22). SC 104. 1964; T. III (Cat. 23—34). SC 113. 1965.

Hymn = *Syméon le Nouveau Théologien*. Hymnes. Ed. J. Koder, J. Paramelle, L. Neyrand. T. I (Hymn 1—15). SC 156. 1969; T. II (Hymn 16—40). SC 174. 1971; T. III (Hymn 41—58). SC 196. 1973.

Eth. = *Syméon le Nouveau Théologien*. Traités théologiques et éthiques. Ed. J. Darrouzès. T. I (Theol. 1—3; Eth. 1—3). SC 122. 1966; T. II (Eth. 4—15). SC 129. 1967.

Ep.1 = K. Holl. *Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum. Eine Studie zu Symeon dem neuen Theologen*. Leipzig, 1898. S. 110—27.

⁷⁴ *Архиепископ Василий (Кривошеин)*. Преподобный Симеон Новый Богослов. Париж, 1980. С. 126—127.

БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Епископ Диоклийский КАЛЛИСТ

«НУЖНО МОЛИТЬСЯ ЗА ВСЕХ»

Спасение по учению преподобного Силуана Афонского *

«Мы члены друг другу»

«Любите все создание Божие», — говорит старец Зосима в романе Достоевского «Братья Карамазовы»:

Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах ¹.

Эта «тайна Божия», о которой говорит старец Зосима, есть не что иное, как взаимозависимость, неразрывная взаимосвязанность всего тварного в Боге-Творце.

Ибо все как океан, все течет и соприкасается. В одном месте тронешь, в другом конце мира отдается ².

Таково видение космического единства у Достоевского. Тварный мир представляет собой неделимое целое; таким образом, спасение каждого человека неразрывно связано со спасением всего человечества и даже, еще шире, со спасением всей вселенной. Вот почему слова апостола Павла «Мы члены друг другу» (Еф. 4:25) должны быть осмыслены во всей широте их значения. Мы, люди, не только зависим друг от друга, как члены одного тела, но и с животными мы связаны узами родства, и

* Перевод иеромонаха Илариона (Алфеева).

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. — Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. М., 1958. С. 399.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 400.

с деревьями, и с растениями, со скалами и землей, с воздухом и водой. Мы живем в них, а они в нас.

Именно это чувство космического единства выражено преподобным Силуаном Афонским:

Кто носит в себе Духа Святого... тот скорбит о всем народе день и ночь, и сердце его жалеет всякое создание Божие, и особенно людей, которые не знают Бога, или противятся ему, и потому идут в огонь мучения. За них он молится день и ночь, больше чем за себя, чтобы все покалялись и познали Господа (147) ³.

Своим избранникам Господь дает столь великую благодать, что они любовью обнимают всю землю, весь мир, и душа их горит желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню (153).

Архимандрит Софроний в своей книге о преподобном Силуане суммирует это учение Старца о взаимосвязанности всего космоса словами, которые сразу же заставляют вспомнить Достоевского:

Жизнь духовного мира старец признавал, как единую, и в силу этого единства, каждое духовное явление неизбежно отражается на состоянии всего этого мира (44).

Мы не искажим смысл сказанного Старцем, или отцом Софронием, если придадим этим словам всеобъемлющий характер: вместо того, чтобы говорить «духовный мир» и «каждое духовное явление», мы можем справедливо сказать «тварный мир» и «каждое явление». Как отец Софроний утверждает в другом месте, преподобный Силуан верил, что каждый человек, который истинно молится Богу, включает в свою жизнь всякого человека, «независимо от удаленности места или исторической эпохи, когда он жил» (102). Он, конечно же, включает в нее не только любого человека, но и любую вещь. Для него нет никого

³ Здесь и далее цитаты из писаний преподобного Силуана Афонского, а также из предисловия к ним архимандрита Софрония приводятся по изданию: *Архимандрит Софроний (Сахаров). Преподобный Силуан Афонский*. Эссекс, 1990. Номера страниц этого издания указаны в скобках после каждой цитаты.

«Нужно молиться за всех»

и ничего чужого. По словам Достоевского, «все как океан, все течет и соприкасается».

Несмотря на поразительные параллели между русским писателем и афонским монахом, весьма мало вероятно, чтобы преподобный Силуан когда-либо читал Достоевского. Скорее, сходство между ними возникает из-за того, что оба они черпали из одних и тех же источников и были сформированы одним и тем же живым Преданием. Несомненно, что и преподобный Силуан, и Достоевский испытали на себе влияние преподобного Исаака Сирина, жившего в VII веке и в течение недолгого времени бывшего епископом Ниневийским ⁴. В известном тексте из «Слов подвижнических» преподобный Исаак пишет:

И что есть сердце милующее?.. Возгорение сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы, от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умаляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, которая возбуждается в его сердце до уподобления в сем Богу ⁵.

Итак, что же имеет в виду Старец Силуан, когда, будучи верным учению преподобного Исаака, утверждает, что святые обнимают своей любовью и молитвой весь мир? Можно выделить три основных аспекта понимания преподобным Силуаном той всеобъемлющей любви и молитвы, которые и составляют истинное призвание каждого человека. Во-первых, твердая убежденность преподобного Силуана в том, что Бог призывает *вся-*

⁴ «Слова подвижнические» преподобного Исаака Сирина, переведенные на русский язык в середине XIX века, были хорошо известны Достоевскому. Книга «Слов» (издание 1858 г.) с карандашными пометками писателя сохранилась в его личной библиотеке. — *Прим. пер.*

⁵ *Преп. Исаака Сириянина Слова подвижнические.* Сергиев Посад, 1911. С. 206.

кого человека ко спасению. Во-вторых, его учение о «всем Адаме» и связанная с ним идея о том, что «мой ближний — это я». В-третьих, его непоколебимая уверенность в том, что, согласно Божественному замыслу, не только человечество, но и все мироздание должно быть искуплено и преображено.

«Любовь Божия всем хочет спастись»

«После опыта адских страданий, после указания Божия “держи ум твой во аде”, для Старца Силуана было особенно характерным молиться за умерших, томящихся во аде», — пишет отец Софроний, вспоминая при этом разговор Старца с неким отшельником:

Помним его беседу с одним монахом-пустынником, который говорил:

— Бог накажет всех безбожников. Будут они гореть в вечном огне.

Очевидно, ему доставляло удовлетворение, что они будут наказаны вечным огнем. На это Старец Силуан с видимым душевным волнением сказал:

— Ну, скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай, и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?

— А что поделаешь, сами виноваты, — говорит тот.

Тогда Старец со скорбным лицом ответил:

— Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех (23).

Эта молитва за всех, о которой говорит преподобный Силуан, не является чем-то сентиментальным или утопическим. Напротив, она основывается на Священном Писании: «Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4). Это ключевой текст, к которому в XVII веке апеллировали арминиане, выступая против строгого кальвинистского учения о двойном предопределении⁶; этот же текст вдохновлял динамич-

⁶ Арминиане — по имени голландского реформатского богослова Якоба Арминия (1560—1609) — отвергали учение Кальвина о том, что одни люди предопределены ко спасению, а другие к гибели. Арминиане утверждали, что

«Нужно молиться за всех»

ную, миссионерскую проповедь Джона Весли в XVIII веке⁷; и именно этот текст афонский монах XX века постоянно имеет в виду, когда пишет:

...Желает душа моя, чтобы вся вселенная спаслась... (117)

...Любовь Божия всем хочет спастись (138).

Господня любовь такова, что Он хочет, чтобы все люди спаслись (153).

...Мы должны иметь одну мысль: чтобы все спаслись (157).

Милостивый Господь иногда дает душе покой в Боге, а иногда сердечную болезнь за всю вселенную, дабы все люди покаяться и вошли в рай (177).

Согласно преподобному Силуану, это пламенное желание спасения всему человечеству в наивысшей степени присуще Божией Матери — Пречистой Деве Марии. В этом, как и во всем остальном, Она является для нас образцом и примером для подражания:

Она, подобно Своему возлюбленному Сыну, всем до конца желала спасения (169).

Она любила народ и пламенно молилась за людей... и за весь мир, чтобы все были спасены (152).

То, что Бог *хочет* всем спасения, не означает, что наше спасение осуществляется автоматически и является неизбежным. В «Послании к Диогнету» говорится: «Бог убеждает, а не принуждает, ибо Богу не свойственно принуждение»⁸. Божий призыв ко спасению приходит в форме приглашения, которое мы, люди, со своей стороны, можем принять или отвергнуть. Однако, хотя ответ с нашей стороны может быть различным, призыв Божий

всемогушество Божие сочетается со свободной волей человека и что Иисус Христос умер за всех людей, а не только за predetermined ко спасению. — *Прим. пер.*

⁷ Джон Весли (1703—1791) — английский богослов и церковный деятель, основатель методистского движения. — *Прим. пер.*

⁸ Послание к Диогнету, 7. Цит. по: Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988. С. 598.

ко спасению универсален. Эту мысль ясно выразил современный афонский отшельник, отец Василий. Некий посетитель, находившийся под большим влиянием широко распространенной сейчас идеологии «New age», спросил его: «Отче, все ли люди в конце концов достигнут спасения?» После минутного раздумья отец Василий без колебаний ответил: «Всем людям *дается возможность* достичь спасения»⁹.

Вера Старца Силуана в то, что Господь действительно желает всеобщего спасения человеческого рода, может быть суммирована в четырех императивах: люби всех, молись обо всех, плачь обо всех, кайся обо всех. Эти четыре императива не должны рассматриваться как относящиеся к последовательным этапам духовного восхождения; скорее, они отражают четыре взаимозависимых аспекта единого подвига, единой устремленности человека к Богу.

1) Люби всех

Когда, будучи еще молодым послушником, преподобный Силуан во время богослужения в церкви Святого Пророка Илии удостоился своего первого видения Христа (13), его душой «овладело новое сладостное чувство любви к Богу и к людям, ко всякому человеку» (17). Эту всеобъемлющую любовь он сохранил на всю последующую жизнь. Много лет спустя он напишет: «Любовь не терпит, чтобы погибла хотя бы одна душа» (118). Подобного рода всеобъемлющую любовь Старец Силуан считал главной характерной чертой святых (хотя, конечно, и не дерзал причислять к ним себя):

Святые угодники достигли Небесного Царства и там зрят славу нашего Господа Иисуса Христа, но Духом Святым они видят и страдания людей на земле. Господь дал им столь великую благодать, что они любовью обнимают весь мир (165).

Эта пламенная любовь, как она представляется Старцу, простирается не только на живых, но и на усопших, а также и на

⁹ Kyriacos C. Markides. *Riding with the Lion: In Search of Mystical Christianity*. London, 1996. P. 294.

«Нужно молиться за всех»

еще не родившихся, объемля, таким образом, то, что отец Софроний называл «всем Адамом», или «всем родом Адама»:

В своем искании спасения всех — любовь влечется идти до конца, и потому она объемлет не только мир ныне живущих на земле, но и уже умерших, и самый ад, и тех, которые имеют родиться, то есть всего Адама (47).

Как справедливо утверждает А. Хомяков в первом разделе своей работы «Церковь одна»:

«Живущий на земле, совершивший свой земной путь, не созданный для земного пути (как ангелы), не начинавший еще земного пути (будущие поколения), все соединены в одной Церкви — в одной благодати Божией; ибо еще не явленное творение Божие для Него явно, и Бог слышит молитвы и знает веру того, кто еще не вызван Им из небытия к бытию¹⁰.

В понимании преподобного Силуана, как мы видели из его разговора с суровым отшельником, любовь к людям включает в себя даже ад. Разъясняя учение Старца, отец Софроний пишет: «Пребывая на Небе, святые видят ад и его тоже объемлют своей любовью» (50). Это возможно для них, поскольку любовь, которая действует в их сердцах, есть не что иное, как любовь, испытываемая Самим Богом, а Божия любовь присутствует всюду, даже в аду:

Бог есть любовь, любовь абсолютная, объемлющая в преизбытке всю тварь. Бог и во аде присутствует, как любовь (50).

И во аде любовь Божия объемлет всех, но будучи радостью и жизнью для любящих Бога, она мучительна для ненавидящих Его (61).

¹⁰ Хомяков А. Церковь одна // Православная жизнь. № 1 (349). Джорданвилль, 1979. С. 1.

По словам Владимира Лосского, «божественная любовь станет нестерпимым мучением для тех, кто не стяжал ее внутри себя»¹¹.

В своем учении о том, что сила любви достигает даже ада, Старец опять следует преподобному Исааку Сирину, который пишет в «Словах подвижнических»:

...Мучимые в геенне поражаются бичом любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение большее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна никому такая мысль, будто грешники в геенне лишаются любви Божией. Любовь... дается всем вообще. Но любовь силой своей действует двояко: она мучает грешников, как и здесь случается другу терпеть от друга, и веселит собою исполнивших долг свой. И вот, по моему рассуждению, гееннское мучение: оно есть раскаяние. Души же горних сынов любовь опьяняет своими утешениями¹².

Итак, «любовь действует двояко»: то, что святые на небесах ощущают как радость, приговоренные к адским мучениям испытывают как невыразимую боль. Но и для одних, и для других это — одна и та же божественная любовь.

Если находящиеся в аду не лишены любви Божией, если их также объемлет любовь святых, возможно ли для них ответить на ту любовь, которая окружает их со всех сторон? И есть ли надежда на то, что они в конце концов будут спасены? Конечно, преподобный Исаак верил в конечное спасение всех тварных существ; будучи членом Церкви Востока и проживая в безопасности за пределами Византийской империи, он не имел оснований опасаться анти-оригенистских анафем V Вселенского Собора (553 г.)¹³.

¹¹ Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 176.

¹² Преподобного Исаака Сириянина Слова подвижнические. С. 76.

¹³ Подробнее об этом см.: Иеромонах Иларион (Алфеев). Творения преподобного Исаака Сирина в греческом и русском переводах. Послесловие к пуб-

А как насчет преподобного Силуана? Отец Софроний утверждает, — по моему мнению, на достаточном основании, — что Старец не был оригенистом (47) ¹⁴. Преподобный Силуан, конечно, настаивает на том, что наша молитва, проникнутая любовью, должна распространяться и на находящихся в аду, что мы должны «скорбеть о людях, которые не спасаются» (157), и до слез жалеть людей, которые не знают Бога (160). Однако с характерной сдержанностью он избегает всех спекуляций относительно конечного всеобщего восстановления — апокатастасиса. Старец не пытается уточнять, кто из людей спасется, а кто нет: это сейчас известно только одному Богу. Со своей стороны он лишь отвечает словами «Я не знаю»:

Отец Кассиан говорил, что еретики все погибнут. Я не знаю этого, но я верю только Православной Церкви: в Ней радость спасения во Христовом смирении (197).

Думая о том, что в будущем веке некоторые люди могут остаться навеки не примирившимися с Богом, горящими в адском огне, Старец говорил просто: «Любовь не может этого понести» (23). Но дальше этого он не идет.

А как обстоит дело с демонами? Могут ли они спастись, и если да, то не следует ли нам молиться и о них? Святой Исаак Сирин, как уже было сказано, утверждает, что сердце милующее «возгорается» жалостью даже к демонам, но он не говорит, что мы должны молиться о них. Преподобный Силуан высказывает сходные суждения: он говорит, что нам следует жалеть бесов, но не считает, что мы должны молиться о них:

Дух Святой научает любви, и тогда будет жалко даже и бесов, что они отпали от добра (156).

Старец был прежде всего человеком Церкви; и если бы его спросили, имеем ли мы право молиться о демонах, — хотя отец Софроний не упоминает о том, чтобы Старец был когда-либо спрошен об этом, — он, конечно, ответил бы, что в Церкви нет

ликации новооткрытых текстов // Церковь и время № 4 (7), 1998. С. 174—176. — *Прим. пер.*

¹⁴ Можно, конечно, спросить, являлся ли сам Ориген «оригенистом» в том смысле, в каком оригенизм был осужден V Вселенским Собором.

такой практики и что во всех подобных случаях мы должны следовать церковным правилам молитвы. В то же время мы не должны ограничивать милосердие Божие. Масштаб бездны любви Божией, а также и масштаб бездны человеческой свободы, являются тайнами, превосходящими наше человеческое понимание.

2) Молись обо всех

Любовь неразрывно связана с молитвой; если нам надлежит любить людей, это означает, что мы должны и молиться за них. Поэтому Старец пишет:

Молю Тебя, милостивый Господи, дай всему народу от Адама до конца веков познать Тебя (134).

...Буду молиться за весь род человеческий, дабы все люди обратились ко Господу и упокоились в Нем, ибо любовь Божия всем хочет спастись (138).

...Молю Тебя, Господи, дай всему народу познать Тебя (139).

Старец с сочувствием ссылается на слова монаха-подвижника, с которым он однажды беседовал: «Я, если бы было можно, всех вывел бы из ада, и только тогда душа моя успокоилась бы и возрадовалась бы» (192). «Если бы было возможно»: Старец не говорит, что это действительно возможно.

Преподобный Силуан считает молитву обо всех прежде всего основным и наиболее характерным призванием монахов. «Монах — молитвенник за весь мир, он плачет за весь мир, и в этом его главное дело» (169). Непрестанная молитва за других является служением монаха обществу:

Благодаря монахам на земле никогда не прекращается молитва; и в этом — польза всего мира, ибо мир стоит молитвою; а когда ослабевает молитва, тогда мир погибнет (169).

В связи с этим отец Софроний ссылается на слова святого старца Варсануфия из Газы (VI в.), который утверждал, что в его время молитва трех мужей удерживала мир от катастрофы

(98). Святой Варсануфий называет имена первых двух ¹⁵ (примечательно, что об этих людях в анналах истории не сохранилось никаких сведений). Имя третьего он не называет, по-видимому, потому, что, согласно откровению Божию, этим третьим был он сам, Варсануфий ¹⁶.

Молясь таким образом за мир, монах помогает не только Церкви и обществу в целом, но и самому себе. Описывая свой собственный опыт служения в должности монастырского эконома, Старец отмечает, что, по мнению многих монахов, «послушание» подобного рода делает невозможным соблюдение непрестанной молитвы и внутреннего мира, так как оно требует контакта со многими людьми в течение целого дня. Старец Силуан не согласен с этим:

Многие монахи говорят, что эконому некогда молиться, и что не может он сохранять душевный мир, потому что целый день приходится ему быть с народом. Но я скажу, что если он будет любить людей и помышлять о своих рабочих: «Любит Господь создание свое», то Господь даст ему непрестанную молитву (173).

Во взаимоотношениях монаха с миром преподобный Силуан различает как бы двойное движение. Сначала благодаря молитве монах уходит в себя, закрывается от мира и, постепенно освобождаясь от зрительных впечатлений и дискурсивного мышления, таким образом свободно входит во вне-образную тишину сердца. Но затем в глубинах сердца он вновь открывает свое единство со всем человечеством и со всем творением. Так что бегство монаха от мира оборачивается не мироотрицанием, но мироутверждением. По словам отца Софрония,

В своем устремлении к Богу он ненавидит мир и всецело уходит в глубину своего сердца. И когда действительно войдет туда, чтобы сотворить там брань с сатаной, чтобы очистить сердце свое от всякой греховной страсти,

¹⁵ Это некие Иоанн Римский и Илия Коринфский. — *Прим. пер.*

¹⁶ Так, по крайней мере, считал первый издатель творений свв. Варсануфия и Иоанна преподобный Никодим Святогорец. См. его примечание в книге наставлений свв. Варсануфия и Иоанна (Волос, 1960). С. 267 (на греческом языке).

тогда в том же сердце своем, в глубине его, он встречается с Богом, и в Боге начинает видеть себя неразрывно связанным со всем бытием мира, и нет тогда для него ничего чужого, постороннего. Порывая в начале с миром, он чрез Христа снова обретает его в себе, но уже совершенно иным образом, и становится связанным с ним «союзом любви» на всю вечность (101—102).

Преподобный Силуан говорит: «...Вот Арсению Великому было сказано: “бегай людей” но Дух Божий и в пустыне учит нас молиться за людей и за весь мир» (126).

3) Плачь обо всех

Истинная молитва не может не обходиться дорого; предстояние пред Богом за людей, пронизанное любовью, предполагает внутреннее мученичество, нашу готовность принять страдание. Как говорит преподобный Силуан, «молиться за людей — это кровь проливать» (103); «кто больше любит, тот больше и страдает» (142). Недостаточно просто вычитывать списки имен; мы должны ходатайствовать о людях со слезами и скорбью. «Молиться за всех» значит «плакать обо всех»:

...Сердце мое болит за весь мир, и молюсь, и слезы проливаю за весь мир, чтобы все покались (143).

И плачет душа моя за весь мир (154).

Господи, даруй мне проливать слезы за себя и за всю вселенную (159).

4) Кайся обо всех

Преподобный Силуан хотел бы, чтобы мы пошли еще дальше по пути взаимного наследования друг другу. Мы должны не только плакать обо всех, но и каяться обо всех. По мнению преподобного Силуана, этим частично исполняется завет апостола Павла: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Как отмечает отец Софроний, если понимать покаяние за других в чисто юридическом плане, возлагая вину одного человека на другого, то оно лишено

смысла: это просто «несправедливо». Но любовь Христова не ограничена рамками юридических норм:

Людам обычно свойственно юридическое понимание справедливости. Возложение на кого-либо ответственности за вину другого — они отвергают как неправду. В их юридическом сознании это не укладывается. Но иное говорит дух любви Христовой. По духу этой любви разделение ответственности за вину того, кого любим, и даже несение всей полноты ее, не только не чуждо, но и до конца естественно. Больше того, в этом несении чужой вины выявляется подлинность любви и достигается ее самосознание (52).

Падение Адама, — продолжает отец Софроний, — заключалось именно в его отказе признать, что он был тоже повинен в грехе. «Адам отрекался от ответственности, возлагая вину на Еву и Бога, давшего ему эту жену, и тем разбил единство Человека и единение его с Богом... И нужно думать, что если бы он не оправдывался, но взял бы на себя ответственность за их общий грех, то иными были бы судьбы мира» (52). Мы же, в свою очередь, отказываясь приносить покаяние за других, повторяем грех Адама, таким образом делая его падение нашим собственным.

Хотя идея покаяния за других может удивить многих современных читателей, у нее есть прекрасное подтверждение в учении Отцов Церкви. С большой силой формулирует ту же идею преподобный Марк Подвижник (V в.):

Святые понуждают себя приносить [покаяние] и о ближних, не могши быть совершенными без действенной любви... Если милующий [других] сам помилован будет, то, как полагаю, весь мир держится покаянием, когда один от другого промыслительно бывает вспомоществуем¹⁷.

Суммируя учение преподобного Силуана о том, что Бог хочет спасения всех людей, я поставил покаяние на четвертое, а

¹⁷ О покаянии. В кн.: *Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника* Нравственно-подвижнические слова. М., 1858. С. 112—114.

не на первое место. На первый взгляд это может показаться странным. Но, как уже было сказано, избранные мною четыре темы не должны рассматриваться в хронологическом порядке: это не последовательные этапы духовного восхождения. В то же время, есть особая причина, по которой покаяние обо всех следует с большим основанием поставить в конец списка, после прочих трех аспектов. Покаяние за себя поистине является отправной точкой пути духовной жизни; первый шаг, от которого зависит все остальное. Напротив, покаяние за других есть нечто, постепенно становящееся для нас возможным по мере того, как мы учимся любить других, плакать о других и молиться о них. Если покаяние за себя подобно семени или корню, покаяние за других — это плод, произрастающий на ветвях духовного дерева; вот почему темой покаяния следует закончить этот раздел.

«Адам, отец наш»

Всепоглощающее желание преподобного Силуана, чтобы все спаслись, будет для нас еще более понятно, если мы примем во внимание его учение о том, что отец Софроний называет «всем Адамом».

Для преподобного Силуана Адам есть «отец наш» (186), «отец вселенной» (185). Вслед за апостолом Павлом (1 Кор. 15:22 и 45) Старец видит в первозданном Адаме главу всего человеческого рода, вмещающего и «рекапитулирующего» в себе все человечество. В этом нельзя не заметить параллелей между преподобным Силуаном и святым Иринеем Лионским (II в.)¹⁸, несмотря на то, что Старец скорее всего не был знаком с писаниями последнего. Пользуясь терминами отца Софрония, единство и «рекапитуляция» в Адаме приводит человека к осознанию «онтологической общности своего личного бытия с общечеловеческим бытием» (53) и «единосущия всего человеческого рода» (63). (Сам Старец Силуан не использует подобных философских терминов.) Это онтологическое единство не является абст-

¹⁸ Имеется в виду учение св. Иринея о рекапитуляции (лат. recapitulatio — оглавление, воспроизведение основных моментов). Согласно этому учению, человеческая жизнь Христа, Нового Адама, как бы воспроизводит в обратном порядке жизнь первого Адама, олицетворяющего все человечество. — *Прим. пер.*

«Нужно молиться за всех»

рактным или теоретическим: оно актуально и конкретно, ибо, — процитируем еще раз отца Софрония, — «весь Адам не есть абстракция, а самая конкретная полнота человеческого бытия» (97). Именно отрицание Адамом своего «единосущия» с Евой и стало, как мы видели ранее, причиной его грехопадения.

Единство человечества во «всем Адаме» с большим чувством выражено преподобным Силуаном в самом широко известном из его произведений — «Адамовом плаче» (185—187). Здесь Старец использует и по-своему развивает богослужебные тексты последнего воскресенья перед Великим постом. Именно в этот день, называемый «прощеным воскресеньем», Православная Церковь вспоминает изгнание Адама из рая:

Седе Адам тогда и плакася, прямо сладости рая, руками бия лице, и глаголаше: Милостиве, помилуй мя падшаго...

Споболи раю стяжателю обнищавшему, и шумом твоих листьев умоли Содетеля, да не затворит тя: Милостиве, помилуй мя падшаго...¹⁹

Читая написанную преподобным Силуаном поэму в прозе «Адамов плач», мы видим, что это плач не только Адама, но и самого Силуана, и не только одного Силуана, но и всего рода человеческого. Скорбное покаяние Адама есть также и наше покаяние:

Душа, потерявшая благодать, скучает по Владыке и плачет, подобно Адаму по изгнании из рая (137).

Господи, дай нам Адамово покаяние (118).

Но и это не все. Адамов плач — это плач не только человечества, но и всего творения, всех тварей, ставших невольными участниками Адамова падения:

Так рыдал Адам, и слезы лились по лицу его на грудь и землю, и вся пустыня слушала стоны его; звери и птицы

¹⁹ Триодь постная. Т. 1. М.: Издание Московской Патриархии, 1974. Лист 72 (на об.).

замолкали в печали; а Адам рыдал, ибо за грех его все потеряли мир и любовь (185).

Вся земля скорбит (186).

Грех Адама является космическим по своим последствиям, ибо он разрушил первозданную гармонию между человеком и прочим творением. Потому Адам и восклицает в своем «плаче»:

В раю я был радостен и весел: Дух Божий веселил меня, и я не знал никаких страданий. Но когда я был изгнан из рая, то холод и голод стали мучить меня; звери и птицы, которые были кротки в раю и любили меня, одичали, стали бояться и бежать от меня (187).

По причине нашей общности со «всею Адамом» все мы участвуем в грехе Адама, считает отец Софроний. Это не означает, что он или преподобный Силуан развивают учение блаженного Августина о первородном грехе в логической или юридической форме. Но это означает, что, будучи объединены членством в единой человеческой семье, все мы ответственны друг за друга, и каждый из нас в отдельности должен быть «ответчиком за все и за всех», по словам старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы»²⁰. Если же мы несем общую ответственность за грех, то мы вместе и спасаемся: по словам А. Хомякова, «никто один не спасается»²¹. Личное спасение конкретного человека увязывается со спасением всего человеческого рода и, конечно, всего творения. Отец Софроний подробно раскрывает перед нами эту нашу взаимозависимость как в греховности, так и в спасении, пересказывая разговор двух афонских монахов, который ему однажды довелось услышать:

Один из них сказал:

— Не могу понять, почему Господь не дарует мир миру, если Его умоляет о том хотя бы один человек?

Другой на это ответил:

— И как возможен полный мир на земле, если останется хотя бы только один человек с злой волей? (87—88)

²⁰ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 400.

²¹ Хомяков А. Церковь одна. С. 18.

Такое понимание «всего Адама» означает, что каждый раз, когда мы произносим Молитву Господню, мы молимся не только от своего лица, но и от лица всех людей. «Когда мы произносим "Отче наш", мы думаем обо всем человечестве и испрашиваем полноту благодати для всех, как для самих себя», — говорит отец Софроний²². Святитель Григорий Нисский подчеркивает ту же мысль, когда говорит о том, что, поскольку мы причастны естеству Адаму и следовательно его грехопадению, слова из Молитвы Господней «и остави нам долги наша» приносятся нами от имени Адама, так же как и от нашего собственного имени²³. Это полностью соответствует учению преподобного Силуана.

Исходя из этого богословия «всего Адама», Старец с особой силой интерпретирует слова Христа «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 19:19). *Мне* заповедано любить ближнего, как самого себя, потому что благодаря единству всего человечества во «всем Адаме», мой ближний — это *я сам*. Я должен также и молиться о других, как о себе самом: «Я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя» (147). Таким же образом и страдание другого — это *мое* страдание, и исцеление моего ближнего — *мое* исцеление, а «слава брата моего будет также и моей славой»²⁴. «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор. 12:26).

Это ведет преподобного Силуана к утверждению о том, что в самом сильном и буквальном смысле жизнь ближнего моего есть моя жизнь: «Блаженна душа, любящая брата своего, ибо **брат наш — есть наша жизнь**» (154)²⁵. По словам отца Софрония, подвижник, посвящающий себя молитве за мир, приходит к пониманию того, что «бытие всего человечества не есть для него нечто чуждое, постороннее, но неотделимо связано и с

²² Archimandrite Sophrony. His Life is Mine. London-Oxford, 1977. P. 68.

²³ Св. Григорий Нисский. О Молитве Господней, 5. Но в словах св. Григория нельзя усматривать августиновское понимание первородного греха.

²⁴ Archimandrite Sophrony. His Life is Mine. P. 61.

²⁵ В цитатах из преподобного Силуана и архимандрита Софрония, приведенных в настоящей статье, выделенное жирным шрифтом принадлежит авторам цитируемых текстов.

его личным бытием... Чрез любовь Христову все люди воспринимаются как неотъемлемая часть нашего личного вечного бытия» (22).

Христос вместил в Себя «всего Адама» и пострадал за него; потому и нам следует вместиť в себя жизнь всего человечества, видя в каждом человеке «вечного брата своего»: «в вечности все мы едино, и потому каждый из нас должен заботиться не только о себе, но и об этом всеединстве» (23). И все это до такой степени, что, по словам отца Софрония, «в глубоком сердце своем христианин каким-то образом переживает всю историю мира, как свою собственную... и нет тогда для него чужого человека» (102). Так сильно в нас чувство единения с нашими ближними, что мы начинаем смотреть на все человечество, как если бы оно составляло одного человека. «Весь Адам становится единым Человеком — Человечеством... В глубокой молитве за весь мир, как за "самого себя", [человек] реально живет все человечество, как единую жизнь, единую природу во множестве персон»²⁶. Таким путем мы приходим к пониманию «универсальности человеческой личности»²⁷.

Именно потому, что мой ближний — это я сам, и потому, что его жизнь — моя собственная, я должен любить врагов своих. Только в свете учения преподобного Силуана о «всем Адаме» мы можем по-настоящему понять, почему он придает такое исключительное значение любви к врагам. Я должен любить врага моего потому, что мой враг — это я сам; я — тот «другой», которого я считаю своим врагом. Его жизнь — моя, а моя — его. Любовь к врагам есть непосредственное следствие нашей взаимосвязи во «всем Адаме».

Взаимозависимость всех людей во «всем Адаме» отец Софроний иллюстрирует ярким образом вселенского древа:

«Люби ближнего своего, как самого себя». Мне было дано увидеть смысл этой заповеди в форме гигантского, вселенского древа, корнем которого является Адам. Сам я — не более чем листик на ветви этого древа. Но оно мне не чужое: оно — моя основа, я принадлежу ему. Мо-

²⁶ *Архимандрит Софроний (Сахаров)*. Видеть Бога как Он есть. Эссекс, 1985. С. 191 и 210.

²⁷ *Archimandrite Sophrony*. De vie et d'esprit. Lausanne, 1992. P. 18.

«Нужно молиться за всех»

литься за весь мир — значит молиться за это древо во всей его целокупности, со всеми миллиардами его листьев²⁸.

Прежде чем завершить рассмотрение темы «всего Адама», необходимо отметить следующее. Хотя преподобный Силуан и размышляет о грехе Адама, он всегда говорит о нашем праотце с уважением и почтением, пронизанным любовью. Адам, плачущий вне райских врат, есть поистине трагический образ, но в глазах преподобного Силуана он никогда не превращается в объект презрения или отвращения. Старец остается верен традиционному православному пониманию, согласно которому Адам и Ева являются примерами святости: они рассматриваются не просто как грешники, но как покаявшиеся грешники, которые ныне причастны божественному свету и славе. С особой ясностью это выражено в православной иконе Воскресения Христова, на которой изображен Христос, простирающий руки к ним обоим и со властью и силой выводящий их из гроба в жизнь вечную.

«Плачьте со мною лес и пустыня»

Грех и спасение относятся не только к человечеству: они затрагивают и весь тварный миропорядок. Когда Адам пал, вся тварь пала вместе с ним; таким же образом спасение людей будет началом спасения всего космоса. Как говорит отец Софроний, «каждый святой есть явление космического характера» (98). И мы спасаемся не от мира-космоса, но *вместе* с миром.

Космическое, вселенское понимание греха и спасения имеет твердое основание в Писании. Святой Иоанн Креститель, например, приветствует Иисуса словами: «Вот Агнец Божий, который берет на себя грех мира» (Ин. 1:29). Предтеча говорит не о «грехах» во множественном числе, но о «грехе» в единственном числе, и не о грехе «людей», но о грехе «мира» (του κοσμου — космоса). Следовательно, помимо личных грехов отдельных людей, существует более глубокая греховность, которая включает в себя мир как целое. Апостол Павел, в свою очередь, говорит, что весь тварный миропорядок «совокупно стенает и

²⁸ *Archimandrite Sophrony. De vie et d'esprit. P. 19—20.*

мучится доныне», «с надеждою ожидая откровения сынов Божиих»; когда же мы, люди, войдем «в свободу славы детей Божиих» во Христе, тогда и вся тварь будет освобождена (Рим. 8:19—22). Иными словами, наше падение повлекло за собой падение всей твари; подобным же образом и наше искупление принесет освобождение всей твари. Именно поэтому Новый Завет завершается впечатляющим видением не только «нового неба», но и «новой земли» (Откр. 21:1).

Такое же понимание вселенских масштабов спасительного дела Христа содержится в богослужебных книгах Православной Церкви. Возьмем для примера один текст, несомненно знакомый преподобному Силуану: «похвалы», которые поются на утрени Великой Субботы перед плащаницей с изображением мертвого Христа, приготовленного к погребению²⁹. В этом тексте подчеркивается, что искупительное дело Христа имеет универсальный характер. Смерть и воскресение Христа приносят прощение и новую жизнь *всему* роду человеческому.

[32] Жизнь смерти вкусившая, Христос от смерти смертныя свободи, и *всем* ныне дарует жизнь.

[37] Вознесен на древо, и живущия человеки совозноши: под землею же быв, лежащая под нею воскрешаеши.

[44] Распростерт на древе, собрал еси человеки; в ребра же Твоя животочная прободен, *всем* оставление источаеши, Иисусе.

В «похвалах», однако, говорится и нечто большее, а именно, что крестная смерть Христа не только обновила человечество, но и изменила весь тварный миропорядок:

[22] Изменяшеся *вся тварь* страстию Твоею; вся бо Тебе, Слове, сострадаху, ведуша Тя Содержителя всех.

²⁹ В современной практике Православной Церкви утренья Великой Субботы (называемая также «Чином погребения Спасителя») совершается обычно вечером в Великую Пятницу. Текст «похвал» цитируется по изданию: Минея праздничная. М.: Изд. Московской Патриархии, 1970. С. 411—427. Нумерация стихов приводится в тексте в квадратных скобках.

«Нужно молиться за всех»

Тема сострадания твари страждущему Христу постоянно возвращается с новой силой:

[15] Истинный небесе и земли Царю, аще и во гробе малейшем заключен был еси, познался еси *всей твари*, Иисусе.

[26] Сотрясается страхом, Слове, *вся земля*, и носило света лучи скры, величайшему Твоему свету сокровену бывшу в земли.

[40] Тайно убо древле закаляется агнец; Ты же, яве заклан быв, Незлобиве, *всю тварь* очистил еси, Спасе.

[68] О горы и холми, и человеков множества, восплачьте, и вся рыдайте со Мною, Бога нашего Материю.

[107] *Солнце и луна* вкупе померкша, Спасе, рабом благоразумным подражаю, иже в черныя одежды облачаются.

[134] Гряди, *вся тварь*, песни исходныя принесем Зиждителю.

Вся земля вместе с нами, людьми, оплакивает мертвого Христа, полагаемого во гроб; равным образом, благодаря воскресению Христа из мертвых, вся земля вместе с нами воскресает к новой жизни. Пасхальное таинство спасения простирается за пределы мира людей — в царство природы, включая животных и деревья, холмы и долины, солнце и луну, и всю совокупность материального творения.

Исходя из этого всеобъемлющего понимания искупительного дела Христа, Старец верит в то, что наше личное спасение неразрывно связано со спасением всего мира. Призыв «любить всех» означает, что мы должны любить все творение: прежде всего людей, но также и животных, растения и вообще каждую и всякую часть природы. Наша любовь должна стать «любовью без пределов», как называется одна из книг отца Льва Жилле³⁰. По словам отца Софрония, «обращенные к единому Богу, святые в Нем видят весь мир»³¹. А преподобный Силуан жалеет «всю вселенную и всякую тварь» (155). «Плачь обо всех» — это значит, что «все будут тебе родные и милые, и будешь проливать

³⁰ *Un moine de l'Eglise d'Orient. Amour sans limites.* Chevetogne. 1971.

³¹ *Архимандрит Софроний.* Видеть Бога как Он есть. С. 204.

обильные слезы за ближнего и за всякое дыхание и тварь» (177). «Когда душа научится любви от Господа, то ей жалко всю вселенную, всякую тварь Божию» (183). Когда же она плачет о том, что оставила ее благодать Божия, она призывает и всю тварь рыдать вместе с ней:

Плачьте со мною все звери и птицы. Плачьте со мною лес и пустыня. Плачьте со мною все создание Божие, и утешьте меня в горе и печали (152).

В учении преподобного Силуана об узах, которые связывают нас с прочими тварями, есть три темы, которые я нахожу особенно интересными. Остановимся на них несколько подробнее.

1) Человеческое тело

Старец подчеркивает духовную значимость человеческого тела. Рассматривая страсти как явление отрицательное, он безусловно положительно оценивает саму физическую природу человека. Мы должны ненавидеть не наши тела, но ту страстную греховность, которая растлевает их. В своем нынешнем падшем состоянии тело может казаться нам врагом, но в том истинном и естественном состоянии, в каком оно было изначально сотворено Богом, оно есть наш помощник и друг. Бог призывает нас к всецелому освящению:

Свет Господень будет в душах, умах и телесах святых (124).

Дух Святой бывает во всем человеке: и в душе, и в уме, и в теле (148).

Когда человек двигается вперед по пути духовной жизни, не только в душе его водворяются свет и радость великая, но «и тело ощущает благодать Святого Духа» (122). Одна из наград, которые монах получает за свои духовные победы, заключается в том, что «душа чувствует благодать Божию и в теле своем» (204). «У кого благодать и в душе и в теле, тот имеет совершенную любовь» (154), ибо «совершенная любовь» ведет к преображению тела:

«Нужно молиться за всех»

Четвертая, совершенная любовь к Богу — это когда кто имеет благодать Святого Духа и в душе и в теле. У того освящается тело, и будут мощи (145).

Старец вспоминает случай телесного преображения, происшедший у него на глазах:

Великим Постом на вечерне, в Старом Нагорном Русике одному монаху ³² дал Господь увидеть иеросхимонаха Авраамия в образе Христа. Старец-духовник стоял в епитрахили и исповедовал. Когда в исповедальню вошел тот монах, то увидел духовника, седого старца, что лицо его молодое, как у мальчика, и весь он сиял, и был похож на Христа (168).

Отец Софроний говорит о подобных же явлениях: «Свет Божий, осиявший человека, делает его чудным образом преображенным: лица, самые банальные, как бы изуродованные грехом, в покаянной молитве озаряются Светом и видятся молодыми и даже прекрасными» ³³.

Таким образом, богословская антропология преподобного Силуана является безусловно «холистической». Божественная благодать охватывает всего человека — душу вместе с телом; тело обоживается вместе с душой. Эта идея имеет прямое отношение к взглядам Старца на материальный, тварный мир. Посредством тела мы соприкасаемся с окружающим нас физическим миром, который благодаря деятельности пяти чувств входит в нас и становится частью нас самих. Если же освящение включает не только нашу душу, но и физическое естество, следовательно, через тело мы можем воспринимать и материальный мир святым и — также через тело — передавать, в свою очередь, святость окружающему нас материальному миру. Наше тело — необходимый посредник между нашим внутренним бытием и миром природы. И поскольку тело может быть наполнено благодатью, очевидно, что наше собственное освящение представляет собой единое таинство вместе с искуплением материального мира.

³² Т. е. самому преподобному Силуану. — *Прим. пер.*

³³ *Архимандрит Софроний. Видеть Бога как Он есть. С. 176.*

Будучи монахом, жившим в строгом послушании в соответствии с афонской традицией, преподобный Силуан воспитывался на суровой дисциплине тела. Но он никогда не воспринимал аскетическое самоотречение в дуалистическом смысле. По словам святого Иоанна Лествичника, «монах есть тот, у кого тело очищенное»³⁴. Подвижник стремится к очищению тела, а не к его разрушению.

2) Животные

Преподобный Силуан глубоко вдумывался в смысл взаимоотношений между людьми и животными. В этом нет ничего неожиданного. Юность свою он провел в крестьянской общине. Святая Гора, которая затем стала его монашеским домом, также изобилует всякой живностью: птицами, бабочками, змеями, шакалами и даже (во всяком случае, во времена Старца) волками и дикими кабанами, не говоря уже о домашних животных, лошадях и мулах, которых во множестве держали в монастырях вплоть до появления на Афоне трактора и джипа. Животные были постоянными спутниками Старца.

Его отношение к животным характеризуется двумя чертами: нежным состраданием и реализмом. Он проявлял к ним одновременно мягкость и беспристрастность. Любовь к животным и сострадание к ним выразились в следующих строках:

Один раз без нужды я убил муху и она бедная ползала по земле больная с выпавшими внутренностями, и трое суток я плакал за свою жестокость к твари, и до сих пор все помню этот случай...

Однажды, идя в Старый (Нагорный) Русик из Монастыря, я увидел на дороге убитую змию, порезанную на куски, и каждый кусок ее судорожно бился, и стало мне жалко всю тварь, и всякое творение страдающее, и я много рыдал пред Богом (192).

³⁴ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 8.

В то же время Старец призывает нас не привязываться чрезмерно к животным и не уделять им ту любовь, которую мы скорее должны проявлять по отношению к Богу и ближним:

Животному и скотине дай пищу и не бей их, в этом милость к ним человека, но привязываться, любить, гладить и разговаривать — есть неразумие души. Душа, познавшая Господа, всегда в любви и страхе предстоит Ему, и как возможно при этом любить, и гладить, и говорить со скотом, с кошками, собаками? (193)

Как-то отец Софроний признался мне: «Я не включил этот текст в английское издание писаний Старца. Я знал, что англичане никогда не поймут этого».

Между прочим, преподобный Силуан нигде не говорит, что вкушение мяса животных является грехом. Как афонский монах, он мясо не ел, но монашеский устав позволяет вкушать рыбу в течение всего года, за исключением дней строгого поста. Старец даже упоминает о том, что было время, когда ему приходилось бороться с навязчивым желанием поестъ свежей рыбы (193). Если монах воздерживается от мяса, то делает это по причинам аскетического и дисциплинарного характера, а не потому, что само вкушение мяса непозволительно. Во всяком случае, Православная Церковь никогда не защищала вегетарианство в качестве всеобщего правила.

Сочувствуя страданиям животных, преподобный Силуан никогда не забывал о той основополагающей истине, что Бог даровал нам этот мир, чтобы мы пользовались им. Человек, по его словам, есть «великое создание» (156). По словам отца Софрония, «весь мир был создан ради человека»³⁵. Разумеется, это никоим образом не оправдывает жестокого и эгоистичного использования окружающей среды. Напротив, наслаждаясь миром, мы должны являть предельное смирение и осмотрительность. Бог дал нам «господство» над животными (Быт. 1:28), но господство вовсе не означает тиранию.

³⁵ *Archimandrite Sophrony. His Life is Mine. P. 70.*

3) Растения

Сострадательная любовь преподобного Силуана распространилась не только на животных, но и на растения: «Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям» (Откр. 7:3). Однажды, когда Старец Силуан шел по дороге вместе с отцом Софронием, последний ударил палкой по кустику высокой дикой травы. Старец ничего не сказал, но только недоуменно покачал головой; отец Софроний тотчас почувствовал стыд (41). В своих собственных писаниях Старец Силуан говорит:

Листок на дереве зеленый; и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок; жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить (156).

Дух Божий учит душу любить все живое, так что и зеленого листа на дереве она не хочет повредить, и цветка полевого не хочет потоптать. Так Дух Божий научает любви ко всем и душа сострадает всякому существу (192).

Это сострадание поистине вселенского масштаба, это чувство нашей человеческой ответственности перед всем творением делает Старца «святым нашего времени», святым для нас, живущих в эпоху глобального загрязнения окружающей среды. Его слова, написанные более полувека назад, отмечены пророческим духом. У Вселенского Константинопольского Патриархата были достаточные основания в своем весьма своевременном заявлении на тему «Православие и экологический кризис»³⁶ включить преподобного Силуана Афонского в число цитируемых авторов, наряду с пророком Исаией, преподобным Исааком Сириным и Достоевским.

Вместе с тем, в отношении преподобного Силуана к тварному мирозданию есть некий парадокс. С одной стороны, он призывает нас «любить всякую тварь» и подчеркивает красоту природы:

³⁶ Опубликовано совместно с Всемирным Фондом Природы в 1990 году под названием «Orthodoxy and the Ecological Crisis».

«Нужно молиться за всех»

С детства я любил мир и красоту его. Любил я рощи и зеленые сады, любил я поля и весь свет Божий, как он красиво создан. Любил я смотреть на светлые облака, как несутся они в голубой высоте (123).

Как считал преподобный Силуан, если человек не воспринимает, как должно, красоту мира и ничему в нем не удивляется, он лишен благодати Божией (42).

С другой стороны, Старец утверждал, что душа истинного монаха «забывает землю» (204). Он, в частности, пишет:

...С тех пор, как я познал Господа моего, и Он пленил душу мою, все изменилось в душе моей, и я уже не хочу смотреть на этот мир (123).

Ты уязвил душу мою любовью Своею, и она жаждет Тебя... и не хочет видеть мир сей, хотя я и люблю его, но паче всего люблю Творца... (158)

Ты украсил небо звездами, воздух — облаками, землю же — морями, реками и зелеными садами, где поют птицы, но душа моя возлюбила Тебя и не хочет смотреть на этот мир, хотя он и прекрасен. Только Тебя желает душа моя, Господи (122).

Такова шкала ценностей преподобного Силуана, так расставляет он приоритеты. Сколь высоко бы мы ни ценили красоту творения, мы должны испытывать несравненно более сильную любовь к Богу Творцу.

«Бытие в общении»

Итак, для преподобного Силуана существует единое и неделимое таинство спасения, одновременно личного, всечеловеческого и всемирного-космического: все, как океан, течет и соприкасается со всем прочим. Как замечает отец Софроний, самой сердцевинной духовной жизни и предпосылкой всякого духовного знания является «бытие в общении»³⁷.

Спасение для преподобного Силуана и для отца Софрония означает пребывание в общении; следовательно, не может быть

³⁷ *Archimandrite Sophrony. Voir Dieu tel qu'il est. Geneve, 1983. P. 151.*

никакого различия между нашим личным спасением и спасением мира. Одно и другое составляют единое целое. Наше собственное спасение непременно связано со спасением любого другого человека, ибо «брат наш — есть наша жизнь». В то же время наше, человеческое преобразование становится началом преобразования всего мира. Не случайно на последней странице книги отца Софрония о Старце Силуане мы находим молитву, которая по своему характеру является всеобъемлющей: «О Господи, дай нам сию любовь во всем мире Твоем!» (205).

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Д. В. ПОСПЕЛОВСКИЙ

ЦЕРКОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ, ОБНОВЛЕНЧЕСТВО И ПАТРИАРХ ТИХОН *

Где нет религии, там разговоры

О личности и ее свободе —

Одно жалкое недоразумение.

А. В. Карташев

Реформа, реформация и исполнение Церкви.

В этом исследовании речь идет о попытках обновления Церкви в начале века, об обновленчестве советского времени и об отношении к этим попыткам святого епископа и патриарха Тихона и близких ему архиереев.

Видение реформ епископатом далеко не всегда совпадало с реформаторскими стремлениями белого духовенства и просвещенных мирян. И тот и другие хотели освобождения Церкви от власти государственной бюрократии, но белое духовенство и значительная часть мирян к тому же стремились освободить Церковь и от архиерейско-монашеской олигархии. Обычно истоки конфликта между епископатом и низшим духовенством приписывают появлению так называемого академического монашества¹. Но покойный Сергей Зеньковский видел зачатки конфликта уже в появлении стригольников в XIV—XV вв., обвинявших епископов в симонии на том основании, что они взимали мзду за рукоположение священников². Хотя первое упоминание

* Доклад на Шестой международной конференции по русской духовности, Бозе (Италия), 17—19 сентября 1998 года

¹ См. например: Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия; Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви; свящ. И. С. Беллюстин. Описание сельского духовенства; Аксаков Н. П. Всецерковный собор и выборное начало в Церкви // К церковному Собору. СПб., 1906; Аксаков Н. П. Соборы и патриархи // Там же.

² Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. München: Wilhelm Fink Verlag, 1970. S. 128—129.

о стригольничестве связано с отлучением от Церкви Собором 1311 года некоего протопопа, отрицавшего монашество, это, однако, был скорее конфликт между низшим духовенством и епископатом, чем между белым и черным духовенством; так, следующим известным деятелем стригольников был монах Акиндин³. А американский историк Павел Бушкович в своем оригинальном исследовании русской религиозности XVI—XVII столетий замечает в XVI веке начало снижения духовной роли монашества и епископата⁴ — с этого времени о епископах говорится, в основном, как об администраторах, политиках, в то время как жития, например, митрополитов Петра и Алексия делают упор на их духовное значение, их тесную связь с монашеством, даже преклонение епископов перед духовным авторитетом иноков — то была эпоха подъема исихазма. Бушкович подчеркивает почти полное исчезновение канонизаций монахов примерно с середины XVI века. Даже Иосиф Волоцкий — строгий аскет, инок — не появляется в святцах до 1646 года, в то время как противник Иосифа, новгородский епископ-администратор Серапион, числится святым уже с 1610 года⁵. В XVII веке на историческую арену, по выражению Зеньковского, выступают протопопы — белое духовенство — в лице движения боголюбцев. Хотя основателем этого движения был настоятель Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Дионисий, героически отстоявший 16-месячную польскую осаду Лавры, в основном оно состояло из протопопов, которые выступают за нравственное обновление и Церкви, и всего российского общества. На Поместном Соборе 1649 года духовник царя Алексея Михайловича протопоп Вонифатьев обрушился на епископат за роскошество, оторванность от повседневной приходской жизни и ее потребностей. Более четко требования белого духовенства сформулировал один из ведущих деятелей движения боголюбцев, будущих борцов за старые обряды, протопоп Иван Неронов, требуя подлинной соборности в Церкви, представительства приходского духовенства и мирян на Соборах. И действительно, в XVII веке, по крайней мере три Поместных Собора проходили с участием

³ Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М. 1996. С. 63

⁴ А не в конце ли XV — в правление пресловутого Зосимы? — Д. П.

⁵ Bushkovitch Paul. Religion & Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Oxford University Press, 1992. P. 11—30.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

приходского духовенства и мирян: в 1649, 1653—1654 и 1690 гг.⁶

С воцарением Петра, ликвидацией патриаршества и превращением Церкви в государственно-бюрократическое Ведомство православного исповедания⁷ на двести лет снимаются не только вопрос о том, быть или не быть мирянам и приходским батюшкам на Поместных Соборах, но и сами Соборы. Соборы, и с участием батюшек и мирян, сохраняются только у гонимых старообрядцев, родоначальниками и вдохновителями которых были те же протопопы Аввакум, Наседка, Неронов... Таким образом, и в этой области старообрядцы оказались далеко не ретроgrадами.

Трения между белым и черным духовенством еще больше обострились в синодальную эпоху с появлением у нас пресловутого академического монашества. Это были выпускники духовных академий, принимавшие монашеский постриг еще в стенах академии или вскоре после ее окончания. Естественно, при допущении только монашеского епископата монашеский постриг при дипломе об окончании академии открывал максимальные возможности духовной карьеры. Поэтому многие “академические монахи”, принимая постриг, руководствовались карьерными соображениями, и дальнейший образ их жизни не имел ничего общего с иночеством, о чем с такой горечью писал священник Беллюстин в своей скандальной книге, изданной анонимно в Париже в 1858 году, в которой чуть ли не весь епископат обвинялся в роскошестве и разврате⁸.

Принципиально против монашеского епископата и особенно академического монашества выступил в 1905 году так называемый Союз церковного обновления. Один из наиболее видных участников Союза, известный богослов-мирянин Н. П. Аксаков, активный деятель Предсоборного Присутствия 1906 года, ука-

⁶ Зеньковский С. А. Там же. С. 43—130. Кстати, Зеньковский считает Дионисия подлинным автором “Истории” Смутного времени, обычно приписываемой келарю Троице-Сергиевой Лавры Авраамия Палицыну.

⁷ Формально этот термин утверждается в Николаевскую эпоху в обер-прокурорство графа Протасова, но реально он как нельзя красочнее отражает положение Церкви в России всего синодального периода.

⁸ На русском языке эта книга давно стала библиографической редкостью, но на английском она существует в переводе профессора Gregory Freeze и с его комментариями: *Bellustin I. S. Description of the Clergy in Rural Russia*. Cornell University Press, 1985.

зывает, что IV Вселенский Собор запрещает монахам вмешиваться в дела Церкви, обязывая их пребывать в монастырях в безмолвии, посте и молитве; а в документах эпохи Халкидонского Собора он находит слова о “недопустимости епископства для монашествующих ввиду нравственного... превосходства монашества над служением Церкви”⁹. О, если бы наши епископы были хотя бы подлинными монахами, озаряющими Церковь иноческой аскезой и святостью, но беда-то в том, пишет Аксаков, что большинство епископов монашества и не нюхали. А из исследования почти нашего современника историка Игоря Смолича следует, что и на научном поприще вклад академического монашества значительно уступал вкладу богословов-мирян и богословов из белого духовенства¹⁰. Да иначе и быть не могло. С одной стороны, как говорит Смолич, “монашеская ряса гарантировала быструю педагогическую карьеру”¹¹ без тех умственных усилий, которые требовались от ученых-немонахов; с другой — для большинства принимавших монашеский постриг на студенческой скамье педагогическая деятельность была лишь временным, переходным этапом. Естественно, что такая обстановка огорчала тех их бывших однокашников, которые были слишком честны и нравственны, чтобы вступать на этот псевдомонашеский путь. Осознание того, что даже в Церкви вознаграждается обман, компромисс с совестью, а не честность, действовало деморализующе. Все это стало достоянием широкой гласности с прорывом цензурных шлюзов в 1905 году, когда наконец началась широкая дискуссия о необходимости церковных преобразований.

Предысторией этой дискуссии можно считать знаменитые петербургские религиозно-философские собрания 1902—1903 гг. богоискательской левой интеллигенции под председательством юного, блестящего ректора С.-Петербургской духовной академии епископа Финляндского Сергия (Страгородского), будущего

⁹ К церковному Собору. С. 137—139. А в Записке проф. И. Соколова указывается, что еще в XIV веке в Византии хиротонисались не только епископы, но и патриархи без пострижения в монашество. А если епископ-монах решал постричься, он должен был покинуть архиерейскую кафедру. *Митр. Антоний С.-Петербургский* // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. III. СПб., 1906. С. 125.

¹⁰ *Смолич И.* История Русской Церкви, 1700—1917. Кн. VIII (1). М.: Изд-во. Спасо-Преображенского монастыря, 1996. С. 389—488.

¹¹ Там же. С. 477.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

патриарха. Это был первый такой диалог между либеральной интеллигенцией, находившейся лишь на поступках к Церкви, и духовенством, представительство которого на этих собраниях не ограничивалось Сергием — участвовали в собраниях, например, Антонин (Грановский), будущий вождь наиболее богословски серьезной ветви обновленчества, и ряд будущих членов “Группы 32-х петербургских священников”, известной также под именем Союза церковного обновления 1905—1907 гг. Хотя злобеший Победоносцев прикрыл собрания в 1903 году, испугавшись духа свободы, который, с благословения епископа Сергия, господствовал в дискуссиях, и того, что материалы собраний, печатаясь в журнале *Новый путь*, становились общедоступными; тем не менее этими собраниями и публикациями Церковь для многих представителей либеральной общественности впервые открылась своей духовной красотой. В обществе заговорили о Церкви и несвободе, искажающей ее миссию ¹².

Однако события, которые, как тогда казалось, в корне изменят положение и структуру Церкви, относятся уже к эпохе первой русской революции. Это, во-первых, Высочайший указ 12 декабря 1904 года, обещающий закон о веротерпимости. За ним последовал манифест Об укреплении основ веротерпимости 17 апреля 1905 года и указ о веротерпимости 17 октября 1906 года ¹³. Еще до опубликования манифеста Витте снесся с митрополитом Антонием (Вадковским) С.-Петербургским, который, соглашаясь с принципом веротерпимости, указал, что он поставит Православную Церковь в неравное положение по сравнению со всеми религиями и сектами империи: они все обретут полную свободу действий, одна Православная Церковь останется в тисках государственной бюрократии. Конечным результатом была Записка Витте Государю, составленная группой либеральных церковных деятелей, главным образом епископом Сергием. В ней осуждались бюрократизм и неканоничность синодального управления, предлагалось восстановить соборность и патриаршество. Затем последовала записка Победоносцева, осуждавшая патриаршество за “мертвенность обрядового формализма”, утверждавшая, что Синод и есть реализация подлинной соборности, и требовавшая, чтобы церковные вопросы были изъяты из Комитета

¹² *Поспеловский Д. В.* Митрополит Сергей и расколы справа // *Вестник РХД* № 158, 1990. С. 54—56.

¹³ Все даты до февраля 1918 года указаны по старому стилю.

министров и переданы в Синод. Но митрополит Антоний не сдавался и, против воли Победоносцева, уже 22 марта преподнес Николаю II синодальный доклад, предлагавший созвать Архиерейский Собор, избрать патриарха, ввести регулярность Поместных Соборов и смены членов Синода. Резолюция царя от 31 марта в принципе одобряла доклад и его постановления, но под влиянием Победоносцева гласила, что в "переживаемое ныне тревожное время" Собора созывать не следует; хотя тревожное время ничуть не помешало проведению решительных реформ в государственной структуре в том же 1905 году ¹⁴.

Последним актом победоносцевского Синода была рассылка 27 июля 1905 года всем епархиальным архиереям опросника относительно желаемых реформ в Церкви. По-видимому, Победоносцев надеялся найти более консервативный епископат на периферии. Но и в этом он просчитался: за Собор высказалось 50 архиереев из 65, 2 против, один колеблющийся; остальные этого вопроса не касались. Наиболее спорным оказался вопрос о составе Собора: 13 были за ограничение его архиерейским корпусом, 32 — за участие клира и мирян, остальные не касаются этого вопроса. Решительно за восстановление патриаршества высказалось 18 епархиальных архиереев, один против; остальные не касались этого вопроса. Авторы большинства ответов предлагали разделить Русскую Церковь на самоуправляющиеся митрополичьи округа, в которых было бы восстановлено каноническое правило регулярных Соборов не реже раза в год. Таково же было и заключение синодальной комиссии 1905 года по подготовке Собора под председательством митрополита Антония. Митрополит и его комиссия подчеркивают необходимость возрождения соборности на всех уровнях, регулярности созывов Собора как действительно верховного органа управления Церковью с Синодом как исполнительным органом Собора, ответственным перед ним ¹⁵. Комиссия постановила, что на будущем Соборе должны быть представлены и клир, и миряне с правом решающего голоса по всем вопросам, кроме чисто богословских и канонических, по которым решающий голос остается за епископатом. Интересно, что митрополит Антоний и его комиссия ратуют за предоставление Православной Церкви тех же прав на

¹⁴ Смолич И. Указ соч., (1). С. 236—238.

¹⁵ Митрополит Антоний. Отзывы. С. 83—90.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

приобретение недвижимости, какими обладают Католическая Церковь и мусульмане; в то время как Православная Церковь не могла купить землю иначе, как с Высочайшего разрешения в каждом отдельном случае. Более того, все религии, кроме православной, имели право делать инвестиции в частные предприятия, в то время как Православная Церковь должна была держать свои сбережения только в невыгодных для нее государственных кредитных учреждениях. Митрополит требовал равных прав с другими вероисповеданиями и в этой области ¹⁶. Интересно, что митрополит Антоний и его Синодальная комиссия требуют для духовенства мест в Государственном совете, по выбору Собора, и избрания в Думу представителей Церкви, духовенства или мирян, что решительно противоречит нынешней политике Московского Патриархата и показывает, что решение Великого Собора 1917—1918 гг. об участии духовенства в законодательных учреждениях не было продуктом революционной эйфории, а имело под собой тщательно продуманную базу ¹⁷.

Предлагалось восстановить самоуправляющийся приход как юридическое лицо и основную ячейку церковной соборности, расширить и углубить участие Церкви в общественной жизни страны; немало было требований реформировать церковный суд и школьное дело, повысить уровень богословского образования как в общеобразовательных гражданских, так и в собственно церковных учебных заведениях. Почти все архиереи выражали беспокойство по поводу того, что миряне богослужения не понимают. В связи с этим предлагались литургические реформы, на которых мы еще остановимся ¹⁸.

Мы не будем подробно останавливаться на Предсоборном Присутствии 1906 года и прочих предсоборных подготовительных учреждениях, да и на самом Соборе 1917—1918 гг. Нас прежде всего интересует, в чем были сходство и различия, во-

¹⁶ Митрополит Антоний. Записка проф. А. Бриллиантова. С. 97—99. Постановление о необходимости Государева разрешения на приобретение недвижимости монастырями было принято на Стоглавом Соборе 1551 года. Однако ограничения, о которых пишет Бриллиантов, были, по-видимому, наследием ликвидации монастырских имений Екатерины II.

¹⁷ Там же. Записки проф. А. Бриллиантова и П. Жуковича. С. 99—100, 174.

¹⁸ Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 26—27.

первых, между преобразованиями, предлагавшимися различными епископами, а затем между предложениями епископов, с одной стороны, и радикального белого духовенства с мирянами — с другой, и, наконец, каковы были установки непосредственно Тихона — архиепископа и патриарха.

* * *

В 1905—1907 гг. вся церковная и околоцерковная общественность была взбудоражена надеждами на скорый Собор и восстановление самостоятельности Церкви. Начали снова возрождаться всевозможные религиозно-общественные собрания, обсуждавшие как историю Церкви и ее учение, так особенно роль и состав соборов в истории Вселенской и Поместных Церквей. В Москве активизировалось Общество любителей духовного просвещения, состоявшее из мирян, интеллигентных священников и богословов, в сани и без сана, выделившее летом 1905 года из своего состава “Комиссию по церковным и вероисповедным вопросам при Союзе 17 октября”. Комиссия занялась подготовкой материалов для будущего Собора по следующей программе: “... освободить религию и Церковь от ... опеки государства; ... бороться с клерикализмом и бюрократизмом ... в нашем церковном управлении ... подточившем живой рост ее творческих сил; ... восстановить древний принцип соборности”. Работы комиссии шли по трем направлениям: “О церковном Соборе”, “Реформа церковного управления”: изживание “безжизненности и формализма” в церковной структуре и жизни, возрождение истинного прихода, его благотворительной и просветительной деятельности, соборность управления на всех уровнях, реформа духовной школы и т. д. Третьим направлением было обсуждение “Вопросов веры и жизни”, например: борьба с обрядоверием, христианство и светская культура (музыка, искусство); преодоление ложно-аскетического понимания христианства и противопоставление ему красоты христианства “как всеобъемлющей религии духа и плоти” (ср. 1 Кор. 6:20). Интересна экуменическая широта комиссии, допускавшей в свои члены христиан любых конфессий, оставляя право решающего голоса, однако, только за православными. Очевидно, члены комиссии считали, что поскольку Православная Церковь занимала господствующее

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

положение в российском государстве, то ее судьбы неизбежно затрагивают интересы живущих в России и католиков, и протестантов, которые поэтому должны иметь возможность высказывать свои мнения при обсуждении преобразований в этой Церкви. Материалы комиссии были опубликованы солидным томом в 368 страниц. Итоги, подведенные ее председателем — протоиереем Н. Добронравовым — можно суммировать следующим образом: 1. На Соборе должна быть представлена вся полнота церковная, не только архиереи. 2. Собор, состоящий из одних епископов, “не принесет пользы Русской Церкви...” 3. “Каждая епархия должна выбрать своих представителей на Собор от клира и мирян”. 4. “Все члены Собора — епископы, клир и миряне — должны быть равноправными на Соборе. Не может быть и речи о решающем голосе одних и совещательном других”¹⁹.

Требования Комиссии тесно перекликаются с записками группы молодых белых петербургских священников с академическим образованием, поданных митрополиту Антонию (Вадковскому) в феврале 1905 года, после того, как они устно изложили ему свои весьма радикальные взгляды на необходимые реформы в Церкви. Митрополит благословил пастырей-реформаторов на дальнейшие обсуждения и разработку проектов реформ для будущего Собора. 15 марта 1905 года митрополиту была представлена первая записка “О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России” уже от имени 32-х столичных священников (подписанная, правда, только 30), которую митрополит принял благосклонно и, ознакомив с ней членов Синода, собравшихся у него, разрешил опубликовать записку в органе Петербургской Духовной Академии — Церковном вестнике. Записка требовала широкой и принципиальной автономии Церкви от правительства и его политики, восстановления соборности управления на всех уровнях, указывала на абсурдность положения, когда все религии обретают в империи свободу, кроме господствующей — православной, государственными узами лишенной самостоятельности, свободы учительства, проповеди и общественной деятельности. Требовала, чтобы Церковь “возвратила себе всю силу плодотворного

¹⁹ Труды Комиссии по церковным вопросам. Перед церковным собором. М.: Правоведение, 1906. С. III—XIII, 367—368.

влияния на все стороны жизни человеческой и всю мощь своему голосу ... она должна действовать всегда как свободная благодатная сила..." Записка требовала отмены внешних наград для духовенства, постоянства пребывания епископа на одной кафедре, так как епископ "навсегда неотделим от своей паствы, не может иметь повышений и понижений, ибо сан епископский равен повсюду". В среднем, согласно этим запискам, в России Синод переводил епископов с кафедры на кафедру примерно каждые 4 года. Как и московская комиссия, Записки 32-х были за самоуправляющиеся митрополичьи округа ²⁰, требовали, чтобы на Поместных Соборах были представители от клира и мирян с правом решающего голоса, ссылаясь на апостольские деяния, свидетельствующие о том, что апостолы обсуждали свои предположения "при содействии всей Церкви... и на Вселенских Соборах встречаем пресвитеров, диаконов и мирян". Выборы предлагалось проводить через благочиннические и епархиальные съезды, ступенчато, но выбирать на них делегатов от клира и мирян одновременно, чтобы не было сословного разделения.

Дальнейшие записки, в том числе и уже упомянутые исследования Аксакова, сделанные по заказу 32-х, или "Союза церковного обновления", как он вскоре стал называться, осуждают связанность Церкви с государственной властью, ибо Церковь "должна быть свободна ... при всех формах правления. Церковь выше и шире всякого государства, всякой национальности, всякой партийности". Союз обновления решительно против ограничения состава Поместного Собора епископатом, поскольку епископат в России не выборный, а бюрократически назначаемый и, следовательно, представляет только самого себя, а не всю полноту церковную. Союз требует восстановления выборности духовенства на всех уровнях, ибо "пастырь, поставленный вне стада, обязательно от него отрешенный ... не действует уже как пастырь", и свободы в Церкви, внешней и внутренней, без которой невозможно обсуждение и осуществление ее задач ²¹. Повторение почти всех предложений Союза обновления мы

²⁰ Инициатива возбуждения вопроса о разделении Русской Церкви на самоуправляющиеся округа принадлежит митрополиту Филарету (Дроздову) в царствование Александра II. См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. I. СПб.: Синодальная типография, 1906. С. 110.

²¹ К церковному Собору. С. II—IX, 1—7, 9—11, 16—18, 22—31, 50, 58—181.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

встретим снова и снова в отзывах многих архиереев на синодальный опросник, а также в проектах Предсоборных Присутствия, Соединения и Совета. Союз выступал против восстановления патриаршества, опасаясь, что патриаршество грозит архиерейским самовластием, новой пирамидальностью церковной структуры, которую Аксаков называет “полипапизмом”, который, по его словам, хуже римского “монопапизма”.

Весь пафос записок Союза и исследований Аксакова направлен на восстановление канонов, по которым никакой епископ, будь он главой митрополичьего округа или даже патриарх, не имеет персональной власти над другими епископами его области и не может вмешиваться в дела их епархий иначе как через Собор всех епископов своей области (округа или государства), ибо нет на земле единоличного главы Церкви, кроме Господа Иисуса Христа. Только поэтому, пишет Аксаков, Восточная Церковь отвергает папство. Кстати, Аксаков утверждал, что “Соборы вплоть до ... седьмого, патриаршего титула ... не знают ... епископов главных городов «великих областей» ... они именуют только епископами, архиепископами или экзархами”. Патриаршество — изобретение Юстиниана и его бюрократии для сопоставления патриарха и императора по формуле симфонии²². Единственное, чем Союз обновления отличался от остальных “реформаторов”, это предложением восстановить брачный епископат, отменить монашескую монополию в руководстве Церковью, подчеркивая несовместимость монашеского призвания затвора и аскезы с функциями и обязанностями архиерея²³.

²² К церковному Собору. Соборы и патриархи. С. 159, 152—156.

²³ Аксаков приводит 4-е правило IV Вселенского Собора: “Монашествующие в каждом граде и стране ... да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отрелись от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела и да не принимают в них участия”. На возможные аргументы о монашестве Иоанна Златоуста, Василия Великого и пр. Отцов Церкви, которые занимали и архиерейские кафедры, Аксаков утверждает, что “они не были монахами в позднейшем значении этого слова: ... не давали обетов на всю жизнь ... и в своем пустынножительстве видели только ... временное духовное упражнение”. Затем приводит слова Исаака Сирина о том, что инок не вправе отказываться от своего высшего иноческого служения во имя низшего епископского. Отсюда он делает вывод: “Каноны церковные ... прямо не допускают [монашество епископов], усматривая в монашестве обязательное отречение от всякого вмешательства ... в дела мирские ... и церковные. Отсюда явствует, что монашество епископов ...

Главным оппонентом Союза обновления был епископ Антоний Волынский (Храповицкий), будущий глава так называемого Зарубежного Карловацкого Синода. Это в значительной степени на его "Докладную записку" митрополиту С.-Петербургскому отвечал Аксаков цитированными выше работами. Епископ Антоний выступал решительно против белого духовенства и мирян в Поместных Соборах, защищая идею монашеского епископата и пирамидальную структуру церковного управления, возглавляемую папой-патриархом. Подробнее мы коснемся этого вопроса, анализируя ответы ведущих и нас наиболее интересующих епископов на опросник "О церковной реформе".

Взглянем теперь на несколько обособленный документ, раскопанный замечательным молодым петербургским историком-архивистом Сергеем Фирсовым лет 5 назад. Это письмо анонимного священника редактору Церковного вестника, епископу Сергию (Страгородскому), от 16 мая 1905 года, которое, кстати, он просит не публиковать, поэтому оно и пролежало в рукописи почти 90 лет, никем не замеченное. Судя по некоторым особенностям его грамматики, автор — украинец, по-видимому, клирик Волынской епархии, поскольку упоминает епископа Волынского, т. е. того же Антония (Храповицкого). Следующий пассаж показывает, что он из числа не последних в епархии: "Давным-давно, — лет 10 тому назад, вырвалось из души моей: Ваше императорское величество! Спасайте Православную Церковь!" Письмо интересно тем, что, не сговариваясь ни с какими столичными группировками, волынский священник фактически предлагает законченную обновленческую программу церковных реформ. Кроме того, в письме содержится очень горькая критика и пессимистическая оценка состояния Церкви; и пишет это не какой-нибудь юный радикал, а старик с 40-летним пастырским стажем, по его же словам. Он говорит о "постоянной" потере Церковью своих чад, уходящих в секты, расколы и особенно "в штунду": "... интеллигенция отшатнулась от Церкви... [да и] простой народ не подвергается влиянию православного духовенства" ... Причину всего этого он видит в "застое, консерватизме", который, в свою очередь, есть порождение раскола между христианским Востоком и Западом, после которого "Восточная Церковь

явление ... антиканоническое". См.: Церковное ведомство и Церковный Собор // Там же. С. 136—137, 142—143 и 144—147.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

остановилась на одной и той же точке... Кто ... не идет за духом времени, не принимает нововведения... — пишет он, — при первом удобном случае претерпевает неудачу”. И с горечью замечает, что в то время как мы осуждаем Запад, называем его гнилым, Россия “отстает, а Запад идет и идет вперед”. В посланиях Апостолов, в писаниях Восточных Отцов Церкви автор видит движение, интеллектуальную динамику, кипучесть жизни. “И только при такой работе вышла Церковь победительницей”. “Почему у нас Церковь неподвижна? — спрашивает автор и отвечает: — Потому, что она закрепощена ... обер-прокурор, без которого нельзя и шагу ступить. Церковь Православная имеет архиереев-монахов — крайних консерватистов... Раз установлено, что[-либо] 1000 лет тому назад, самое малейшее ... сегодня ненужное, надо сохранять как святыню ... Из этого-то и происходит вся мертвечина”. К наступающей свободе вероисповеданий, пишет он, Русская Церковь не готова, будучи скована государством.

Только Поместный Собор может вернуть ей динамичность, жизненность. Затем должен быть немедленно созван Вселенско-Православный Собор. Соборы нужны хотя бы для того, чтобы решить вопрос всеобщего календаря, внешности и одежды священников, вопросы о постах и обрядах, “управление Церкви согласно с канонами, [решить вопрос] языка при богослужении”. Дальше говорит о необходимости восстановления подлинных приходов и мирянских братств в них, “соборов и соборчиков” на всех уровнях, усилить дисциплину духовенства, внедрять регулярное проповедничество; предлагает иконостас вынести за престол, ибо “Богослужение надо служить ... у всех на глазах ... [Тогда] литургия будет более понятна и услышана ... священнодействующий не будет постоянно думать о закрытии и открытии царских дверей, о занавесе, а все внимание сосредоточит на самом священнодействии: всеми будут услышаны его молитвы...” Затем рекомендует сократить некоторые богослужения. Должен быть выработан приходской богослужебный устав в отличие от монастырского, который может оставаться неизменным. Необходимо сокращение постов, кроме монахов их и так почти никто не соблюдает, даже белое духовенство. Считает, что и неопрятный внешний вид священнослужителей, с нестриженными волосами и бородой, отталкивает и мешает им в общении в светском мире. Приводит любопытный рассказ о волынском епископе (Антонии Храповицком), который умолял одного из своих священников (не автора ли?): “... не подстригайте

волос, в длинных волосах вся наша сила". Наш автор печально смотрит на будущее Церкви до тех пор, пока в ней нет внутренней свободы: один епископ видит силу Церкви в длине волос, другой выбрасывает на улицу священника с тремя детьми лишь за то, что он в докладной записке на имя Государя высказал мысль, что оздоровления Церкви не наступит, "пока монахи будут управлять Православной Церковью"²⁴.

К счастью, волынский священник оказался не совсем прав в своем обезнадеживающем взгляде на современный ему епископат. Как мы уже сказали, ответы архиереев на опросник о реформах выявили немалый процент мыслящих и весьма прогрессивных владык, предлагавших далеко идущие реформы. Среди наиболее передовых были сам митрополит С.-Петербургский Антоний (Вадковский), архиепископы Сергей (Страгородский) и Тихон Алеутский и Северо-Американский; взгляды этих трех архиереев тесно соприкасались с "обновленческими" платформами и волынского батюшки, и "Союза церковного обновления" — характерно, что архиепископы и Сергей, и Тихон обладали опытом работы в неправославных странах: архиеп. Тихон в Америке, архиеп. Сергей в Японии и Финляндии. Оба предлагают широкое применение выборного начала в Церкви, в том числе и постепенное возвращение к выбору настоятелей и благочинных прихожанами. Как и большинство архиереев, оба стоят за разделение Церкви на автономные митрополичьи округа, внутри которых были бы отдельные епархии, возглавляемые архиепископами и епископами, в зависимости от значимости епархиального центра. Викарные епископы, по мнению архиеп. Тихона, должны иметь свои резиденции действительно в тех городах, титул которых они носят. Характерно, что будучи архиереем американским, архиепископ Тихон хлопочет о статусе автокефалии или, во всяком случае, митрополичьего экзаршего округа с еще большей самостоятельностью, чем предполагаемые внутрироссийские округа. Он видит американскую Церковь как многонациональную, в которой каждая значительная этническая группа имела бы своего епископа в составе единой

²⁴ Положение нашей Православной Церкви должно измениться самым существенным образом. 16/III 1905 / Вводная статья и комментарии С. Л. Фирсова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб.: Логос, 1994. С. 10—19.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

Церкви, возглавляемой пока русским архиепископом или митрополитом. Епископы каждого этноса обеспечивали бы сохранение местных особенностей данной Церкви, носили бы титул одного из американских городов (например, Бруклинский для православных арабов), но в отношении приходов данной национальности имели бы права широкой автономии. Бюрократические епархиальные консистории он предлагает заменить советами пресвитеров, избираемыми на епархиальных съездах. Существующие съезды архиеп. Тихон критикует за их казенность, сосредоточенность только на изыскании средств для епархии и школ²⁵. Архиеп. Тихон напоминает, что главное в священстве — «служение слову Божьему», и на съездах должно уделяться время «поговорить о предметах духовной жизни, пастырского руководства, миссионерства ... о вере, просвещении, благотворении...». Он рекомендует избирать и представителей от мирян на эти съезды, в особенности для совместного решения хозяйственных вопросов. В качестве модели для таких расширенных епархиальных или окружных съездов предлагает модель американских епископальных церковных конвенций, на которых имеют место и общие заседания представителей мирян и духовенства, и отдельные заседания одного духовенства, «касающиеся дел чисто духовных». Как и большинство духовенства, архиепископ Тихон не удовлетворен постановкой судебного дела в Церкви. Он предлагает сузить сферу юрисдикции церковных судов до чисто внутрицерковных дел, а, например, бракоразводные дела и общие преступления и проступки духовенства передать гражданским судам. В отношении разводов оставить за Церковью только признание или непризнание постановлений светского суда. Что касается преступлений духовенства, то церковные суды часто выносят «своим» слишком мягкие приговоры, что отрицательно влияет на отношение мирян к Церкви и ее учреждениям. Архиеп. Тихон требует «реформировать [церковные суды] применительно к новейшим приемам судопроизводства», т. е. сделать их открытыми, состоя-

²⁵ Съезды эти были введены обер-прокурором Дмитрием Толстым в царствование Александра II именно с целью добывания средств на церковно-приходские школы, когда выяснилось, что земства не желали делиться своими доходами с церковными школами, предпочитая тратить их на земскую систему начального образования.

зательными, с применением принципа выборности судей и заседателей духовенством на епархиальных съездах.

Владыку Тихона особенно беспокоили духовные вопросы: духовная жизнь прихода, богослужение, духовная дисциплина прихожан. Он сокрушается о вялости приходской жизни в России, положительно воспринимает приходскую структуру в Америке, рекомендует ее для России. Это, во-первых, самостоятельность прихода как юридического лица с правом собственности на движимость и недвижимость, широкое выборное начало, ответственность выборного церковного совета перед приходом и финансовая ответственность прихожан за храм и его духовенство. Он сокрушается о непонятности богослужения на архаическом славянском языке и о неправильных переводах с греческого. Рекомендует русифицировать богослужебный язык, "чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке". О предрасположении архиепископа Тихона к богослужению на живых языках, равно как и о его видении миссионерской задачи Православия в Америке свидетельствует его забота о переводе православных богослужений на английский язык, осуществление этого замысла по его поручению госпожой Хапгуд и опубликование тома в 1905 году²⁶. В области литургических реформ архиепископы Тихон и Сергей предлагают сократить богослужения за счет повторений, в частности ектений. Он осторожно предлагает читать некоторые тайные молитвы вслух, допускает возможность сокращения постов, упрощения процедуры снятия священного сана и его восстановления. Архиеп. Сергей делает те же предложения гораздо решительнее: читать все тайные молитвы вслух, снятие сана не должно сопровождаться ограничением гражданских прав. И, перекликаясь с волынским "обновленцем", оба предлагают решить "вопрос о календаре". Причем архиеп. Сергей прямо говорит о переходе на Григорианский календарь в местностях, где преобладает инославное население и о разрешении православному духовенству в таких местностях носить гражданское платье. Несомненно, оба говорят на основании личного заграничного опыта. Этим же опытом вызвано пожелание архиеп. Тихона, чтобы представители Православных Церквей за рубежом согла-

²⁶ Leonid Kishkovsky. Archbishop Tikhon in America. St. Vladimir's Theological Quarterly (Crestwood, N.Y.). Vol. 19/1, 1975. P. 22.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

совали “практику в литургической и канонической областях”, чтобы инославные видели, что у них действительно “единая вера”. Как и многие их собратья, архиепископы Тихон и Сергей хлопочут о снятии клятв 1666 года со старообрядцев. На предстоящий Собор архиеп. Тихон предлагает пригласить представителей всех Поместных Православных Церквей, а затем созвать Всеправославный Собор.

Как и большинство архиереев, оба обеспокоены состоянием пастырского образования. Оба предлагают открыть широкий доступ к богословскому образованию выпускникам как семинарий, так и гражданских средних школ. С этой целью архиеп. Тихон предлагает преобразовать семинарии в общеобразовательные гимназии Духовного ведомства для детей духовенства, диплом которых давал бы выпускникам свободный выбор поступления либо в гражданские вузы, либо в богословские училища, открытые для представителей всех сословий со средним образованием, желающих посвятить себя церковному служению. При такой системе богословские школы станут очагами духовности, и из них будут выходить пастыри, подлинно преданные Церкви²⁷. Проекты многих других архиереев, в частности митрополита Московского Владимира и архиепископа Сергея, отличались от тихоновского лишь в деталях. В своем проекте архиеп. Сергей дает одну из наиболее беспощадных картин сословной замкнутости духовных школ. Замкнутость и отсутствие у детей духовенства выбора, пишет архиепископ Сергей, образовали кадры семинарских и академических преподавателей поневоле, ненавидящих свою профессию, озлобленных и соответствующим отрицательным образом влияющих на семинаристов, среди которых опять же много бурсаков поневоле, которые все и всех ненавидят, бунтуют, разлагают духовные школы... Все это прекратится с открытием равных возможностей образования, духовного и светского, для детей всех сословий. Интересно, что все эти рекомендации, в основном, соответствовали рекоменда-

²⁷ Преосв. Тихон, архиеп. Алеутский и Северо-Американский // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть I. СПб.: Синодальная типография. С. 530—536; Архиеп. Сергей Финляндский // Там же. Часть III. С. 259—290.

циям синодальной комиссии 60-х гг. XIX века, отвергнутой обер-прокурором Дмитрием Толстым²⁸.

В ответе архиепископа Тихона нет рекомендаций относительно состава будущего всероссийского Собора, но о том, что видел он будущий Собор с самым широким представительством клира и мирян с правом решающего голоса, свидетельствует I Всеамериканский Поместный Собор духовенства и мирян, созванный им в Пенсильвании в 1907 году, на 10 лет раньше, чем в России. На этом Соборе был утвержден приходский устав, полностью соответствовавший выше приведенным рекомендациям. Более того, этот устав послужил моделью для Примерного приходского устава, принятого Российским Поместным Собором в 1918 году²⁹. Правда, возрождение самостоятельных приходов с соборной структурой в Российской империи началось еще до 1905 года в Рижской и Финляндской епархиях.

Как показывают "Отзывы епархиальных архиереев", заключения Предсоборного Присутствия 1906 года и определения Великого Московского Собора, позиции архиепископа Тихона были схожи с мнениями большинства епископов. Даже такой архиконсерватор, как митрополит Московский Владимир³⁰, признает выборность духовенства, но, как и архиеп. Тихон, считает, что вводить ее следует не сразу, так как прихожане, особенно в селах, будут избирать не лучшего, а того, "что подешевле" — это митр. Владимир пишет по опыту своего экзаршества в Грузии, где сохранилась практика избрания кандидатов в священство населением, — а священники, зависящие от прихожан, будут подлаживаться под их настроения, а не нравственно руководить приходом. Реформу семинарий он предлагает ту же, что и архиеп. Тихон, и сетует, что в семинариях вместо духовного воспитания наличествует только дисциплинарное. Рекомендует,

²⁸ Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 194—195; Смолич И. Ук. соч. (I). С. 453—459.

²⁹ Leonid Kishkovsky, Vasily Lickwar, Alexander Schmemmann et al. *Orthodox America, 1794—1976*. / Ed. by: Alexander Doumouras. Syosset, N.Y., 1975. P. 95—101.

³⁰ За свою оппозицию Распутину смещенный позднее в Киев, где был расстрелян бандой большевистских матросов 26 января 1918 года. Консерватизм его сказался в том, что после "Кровавого Воскресения" он выпустил брошюру, в которой осуждал рабочих, а не тех, кто их расстреливал; а в 1917—1918 гг. не признавал церковных учреждений, созданных Временным правительством и не допускал украинский язык в богослужении.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

чтобы у каждого класса семинарии был свой инспектор, который сопровождал бы этот класс от первой до последней ступени образования, сжился, сдружился с ним и вошел в доверие ребят³¹. Он выступает за участие клира и мирян в Поместном Соборе, ратует за установление соборного управления Церковью на всех уровнях, подчеркивает, что как бы ни назывался будущий предстоятель Церкви, управлять он будет не единолично, а соборно, и верховной властью в Церкви будут регулярно созываемые Поместные Соборы.

В отношении судов митр. Владимир еще радикальнее архиепископа Тихона, предлагая привести их в соответствие с современными открытыми гражданскими, с присяжными заседателями и профессиональными защитниками, под председательством епархиального архиерея, но с участием представителей от белого духовенства. Он, однако, не уверен, следует ли клиру и мирянам предоставить решающий голос на Поместном Соборе или только совещательный³².

Одним из самых больших ретроградов оказывается еп. Антоний Волынский (Храповицкий). Он тоже за радикальные реформы, но его радикализм — это уход из жизни общества: надо покрывать все семинарии и вместо них пооткрывать пастырские и богословские школы в монастырях, далеко от развращенных городов. Крайний апологет и монашества, и абсолютной власти епископата, еп. Антоний ратует за восстановление патриаршества в виде папистского единовластия. Соборы, да, но только архиерейские, и всеильный патриарх над собором; он властен вмешиваться во внутренние дела епархий и командовать архиереями. Таков весь пафос отзыва еп. Антония Храповицкого. Мирянам отводится роль бессловесных овец. Главные враги в его глазах — это “Союз церковного обновления” и булгаковское “Христианское братство борьбы”, на которых — да и вообще на церковных либералов — он нападает поименно, особенно за их антимонашеский пафос³³.

Как мы уже сказали, судя по Отзывам, большинство епископов оказалось ближе к Аксакову и “Союзу обновления”, чем

³¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть III. СПб.: Синодальная типография. С. 230—259.

³² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть III. С. 83—174.

³³ Там же. Часть I. С. 112—135.

к позиции епископа Антония. Единственное, в чем “Союз обновления” не получил поддержки у епископата, это в призыве ввести женатый епископат. Некоторые, правда, допускают хиротонию вдовых священников без совершения монашеского пострига; а архиеп. Сергей (Страгородский) идет еще ближе навстречу “Союзу обновления”, предлагая хиротонисать и женатых священников на условии их развода с женами по обоюдному полюбовному согласию. Вообще архиеп. Сергей, явно сочувствуя направлению “Союза обновления” в целом, проявил и больше всего внимания к его запискам в своем отзыве. Рассматривая их серьезно, без враждебно-полемиического накала епископа Антония, архиеп. Сергей принимает их критику того, что Русской Церковью нарушен порядок избрания епископов, но напоминает, что и приходское духовенство тоже назначается бюрократически, а рукополагается теми самими епископами, в каноничности которых существуют сомнения. Соглашаясь с записками Союза обновления, что церковная история знает Соборы с участием клира и мирян, архиепископ Сергей указывает, что Книга правил “всюду, где говорит о Соборах ... говорит только об епископах и никогда о пресвитерах, клириках и мирянах”. Собор епископов — высший и решающий авторитет для всей Церкви — говорит от имени всей церковной полноты. Однако для того, чтобы церковная полнота приняла решения архиерейского Собора, необходимо, чтобы епископат пользовался всеобщими доверием и любовью. При российском централизованно-бюрократическом назначении епископов последние ни любовью, ни доверием в народе не пользуются, и при малом числе епископов на такую огромную территорию они просто слишком далеки и оторваны от широкой паствы. Поэтому до тех пор, пока не будет в России восстановлена выборность как священников, так и епископов, Поместный Собор, чтобы быть авторитетным, должен включать в свой состав выборных представителей от мирян и клира. Он предлагает, чтобы общее число мирян было пропорционально общему числу духовенства. Чтобы в этих условиях не потонул голос епископов, архиеп. Сергей предлагает двухпалатный Собор: в общей палате идут прения, голосования и разработка определений, которые затем идут на утверждение в архиерейскую палату, долженствующую дать определению оценку с богословско-канонической точки зрения. Он указывает на необходимость духа открытости и свободы как на

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

Поместных Соборах, так и на Соборах митрополичьих округов и епархиальных съездах. Доступ на Соборы, без права решающего голоса, должен быть открыт любому православному человеку. Соборы являются высшим законодательным учреждением, они должны быть местом свободной творческой дискуссии, разработки и принятия определений, а не сводиться к механическому голосованию по решениям, разработанным и принятым комиссиями.

“Для избрания епископа, — пишет архиеп. Сергей, — митрополитанский Собор собирается в кафедральном соборе вдовствующей епархии”, выслушивает мнение паствы, если у нее есть свои кандидаты, и ее отзывы о возможных кандидатах, предлагаемых епископами, после чего епископами принимается решение, кого хиротонисать из этих кандидатов. Аналогичным образом предлагается на епархиальных или благочиннических съездах избирать кандидатов в настоятели. Окончательное решение остается за епископом, которому предлагаются на выбор несколько кандидатов. Для укрепления соборности и внедрения традиций выборности архиеп. Сергей видит в начале необходимости в частых Поместных Соборах, даже через год, а в дальнейшем — не реже раза в 5 лет. Митрополитанские и епархиальные Соборы должны собираться гораздо чаще. Архиепископ Сергей вполне принимает точку зрения “32-х”, что, когда епископат будет полностью выборным и возродится соборность на всех уровнях, Поместные Соборы смогут ограничиваться архиерейским составом. Суды он тоже видит открытыми, современными. Ратует за приход, как юридическое лицо с правом собственности, но и как за духовную общину.

Из реформ, предлагаемых архиеп. Сергием, видны, с одной стороны, его близость к взглядам архиепископа Тихона, с другой — близость их обоим к большинству требований *«Союза обновления»*. Но архиеп. Сергей радикальнее и решительнее архиеп. Тихона, да иногда даже и записок “32-х”. Так, “32” и “волынский священник” только жалуются на непонятность славянского языка для верующих, архиепископ Тихон рекомендует лишь исправление переводов и русификацию славянского, архиеп. Сергей же прямо говорит: “... на предстоящем Соборе обсудить вопрос об упрощении богослужебного славянского языка и о предоставлении права, где того пожелает приход, совершать богослужение на родном языке”. В противовес епископу Анто-

нию, категорически возражающему против участия священнослужителей в законодательных и иных выборных государственных учреждениях, архиеп. Сергей, как и архиеп. Тихон, считает, что такое право должно духовенству быть “предоставлено, как одно из средств для проведения христианских начал в жизни”. В области богослужения он предлагает не только сокращения, но и отмену “некоторых некрасивых обрядов, вроде дуновения и плюновения в чине крещения”. Он за право священников, овдовевших в возрасте моложе 45 лет, на повторный брак, за уничтожение монастырских тюрем, за право избирать в епископы овдовевших иереев без обязательного пострига. Как и архиеп. Тихон, архиеп. Сергей предлагает поднять на Соборе вопросы о снятии клятв со старообрядцев, о старокатоликах. Архиеп. Сергей еще более четко, чем архиеп. Тихон и митр. Владимир, упирает на возрождение соборности на всех уровнях, подчеркивая, что Церковь — это не епископ, не патриарх, не духовенство сами по себе, “а вся она”, т. е. полнота Церкви это духовенство и миряне вместе. Соответствовать этому ведению должны и новые исполнительные органы Церкви: Синод должен избираться Поместным Собором сроком на 5 лет, до будущего Собора: одна треть Синода избирается из епископов, одна треть — из белого духовенства и одна треть — из мирян. Как мы знаем, структура Собора 1917—1918 гг. в основном соответствовала проекту архиепископа Сергея, верховное руководство тоже, да и исполнительные органы при патриархе были воплощением идей архиеп. Сергея с небольшими изменениями ³⁴.

* * *

Великий Московский Собор — особая тема, требующая отдельного исследования. Здесь же мы перейдем непосредственно к Патриарху Тихону в его взаимоотношениях с левыми течениями эпохи гражданской войны и с собственно обновленчеством советского времени. В связи с конфликтом между Патриаршей Церковью и обновленцами нам следует установить, стали ли Тихон, реагируя на революцию, гражданскую войну и большевистский террор, более консервативным, более бескомпро-

³⁴ Отзывы. Часть III. С. 259—290 и 441—444.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

миссным, или он оставался таким же терпимым, широким и открытым, каким был в 1905—1906 гг.?

Как указывает участник Собора Карташев, по мере развития катастрофических политических событий в России, эйфория радикального реформаторства в Церкви, характерная для первых месяцев после падения царского режима, все более уступала консервативным настроениям, особенно после захвата власти большевиками. Не могло это настроение обойти и Патриарха Тихона³⁵. Отсюда и такие его указы, как “Запрещение *обязательного* (выделено Д. П.) введения нового стиля в богослужебную практику Русских церквей в Финляндии” и “О недопустимости нововведений в церковно-богослужебной практике”³⁶. Не реагирует Патриарх и на письмо архиепископа Евдокима (Мещерского, будущего главы обновленцев) в конце 1921 года “О необходимости нового церковного курса”³⁷. Очевидно, Патриарх растерялся перед лицом нарастающего антицерковного террора и не видел возможности как-то повлиять на этот правительственный курс, названный позднее Ярославским “штурм и натиск”.

С падением царского режима возродилась “Группа 32-х” под новым названием Союза петроградского прогрессивного духовенства, и по всей стране, как грибы после дождя, появились всевозможные “левые” церковные движения, некоторые весьма радикальные, например Всероссийский союз демократического православного духовенства под председательством армейского духовника — священника Александра Введенского, будущего вождя обновленцев. Нам не известна непосредственная реакция Патриарха Тихона на эти церковные течения. Но мы знаем о его благосклонном отношении к некой Христианско-социальной рабочей партии, зарегистрированной в июне 1917 года в Москве ткачом Федором Жилкиным — бывшим гапоновцем, которая с приходом к власти большевиков была переименована в Христианско-социалистическую рабоче-крестьянскую партию. Программа партии была весьма радикально-социалистической, но в отличие от марксистов она отрицала классовую борьбу, призы-

³⁵ Карташев А. В. Революция и Собор 1917—1918 гг. // Богословская мысль. Париж, 1942. С. 75—101.

³⁶ Соответственно, 31.X.1921 и 17.XI.1921. Акты. С. 179 и 181.

³⁷ Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка “обновленческого” раскола РПЦ. Изд-во Казанского ун-та, 1970. С. 80.

вала к социальному миру и прекращению гражданской войны, которая, по пророческому предсказанию партии, унесет миллионы жизней. Таким образом, ее установка была ближе к экциклике папы Льва XIII Regum pax и солидаризму, чем к классическому социализму. Руководство партии — состоявшее из Жилкина, известного деятеля Великого Московского Собора профессора канонического права юриста Н. Д. Кузнецова, бывшего миссионера И. Глазунова и протоиерея Калиновского (будущего обновленца), которого Патриарх Тихон назначил духовником партии — обратилось к Патриарху благословить партию на деятельность в Церкви. Патриарх мудро ответил отказом на том основании, что “Церковь не преследует политических целей”, но выразил свое и Патриархии благосклонное к партии отношение, поскольку задачи, поставленные ею, служат “на пользу целям святой Православной Церкви”. Партия просуществовала до начала 1920 года, внося регулярные протесты в советское правительство против притеснений религии. Но после того как Кузнецов посмел в записке правительству осудить ленинский декрет “Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви”, он был отправлен в концлагерь, а партия закрыта³⁸.

Так что политически-радикальные религиозные течения были спокойно терпимы Патриархом, пока они не выходили за рамки официальной Церкви и не нарушали церковно-канонических традиций. Гораздо суровее отнесся Патриарх Тихон к своему бывшему другу — епископу Антонину (Грановскому), наложив на него в 1921 году прещение за богослужебные нововведения — вынесение престола на середину храма, совершения таким образом евхаристии в гуще верующего народа, окружающего престол со всех сторон, и составление им двух новых русскоязычных литургий на основании древнейших литургических текстов³⁹. Тут дело было явно не в русском языке

³⁸ Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. С. 242—243; Куров М. Н. Христианско-социалистическая рабоче-крестьянская партия в России (1917—1920) // Вопросы научного атеизма. Выпуск 10. М.: Мысль, 1970. С. 331—347.

³⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона / Состав. Губонин М. Е. М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1994. С. 181—182. Анатолий Левитин, Вадим Шавров. Очерки по истории Русской церковной смуты. Т. 1. Kuesnacht: Institut Glaube in der 2 Welt, 1978. С. 153—158.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

— ведь сам Патриарх был сторонником некой осторожной русификации богослужебного языка, да и Великий Московский Собор подошел вплотную к решению языкового вопроса, разрешив, например, ограниченное употребление украинского языка в литургии, буквально накануне своего вынужденного закрытия. Причина такой строгости по отношению к епископу Антонину была в изменении порядка и текстов литургии, что шло, конечно, несоизмеримо дальше, чем скромные предложения Тихона 1905 года о сокращении литургии и постов и чтении вслух еucharистических молитв. Очевидно, Патриарх считал, что такие радикальные нововведения могут решаться лишь соборно, а не единолично.

Более или менее так же он относился и к вопросу о календаре. Теперь в российских консервативных церковных кругах юлианский календарь возносится до уровня богословской доктрины, и готовность Патриарха Тихона принять его в 1923 году толкуется только как результат насилия большевиков. Но это упрощение. Напомним: уже в 1905 году архиеп. Тихон говорит о необходимости решать вопрос о календаре, а 21 января 1919 года, за четыре года до перехода Вселенской Патриархии на новый стиль, Патриарх Тихон предлагает Вселенскому Патриарху несколько вариантов календарной реформы. Во-первых, он указывает, что с 1917 года Русский Синод разрешил православным финнам перейти на григорианский календарь; предвидит необходимость перехода на новый стиль в тех странах, где православные составляют меньшинство населения. К календарю подход у него явно не мистический, а государственный. Так, Патр. Тихон указывает, что поскольку советское правительство перешло на новый стиль с января 1918 года, то можно ожидать, что со временем оно либо вообще отменит выходные в дни религиозных праздников, либо и их переведет на новый календарь. В первом случае надобности в переходе Русской Церкви на новый стиль не будет, а во втором церковный календарь менять придется ⁴⁰. Далее он высказывает предпочтение, чтобы

⁴⁰ Действительно, в 1920-х гг. главные христианские праздники были в СССР официальными выходными *по новому стилю*, что привело к постановлению Патриарха в 1923 году о переходе Церкви на новый стиль. Отмена нового стиля Патриархом в том же 1923 году была продиктована двумя факторами: а) выяснением, что переход Вселенской Патриархии на новый стиль был односторонним, а не согласованным с остальными Поместными Православными

менять календарь лишь соборно, снесясь со всеми Поместными Православными Церквами и заручившись их согласием, и предлагает три варианта: 1) сохранение юлианского календаря без изменений, что — пишет Патриарх Тихон — вряд ли удастся; 2) перевод всех православных праздников, в том числе и Пасхалии, на новый календарь, что наиболее нежелательно; 3) вполне приемлемый вариант принятия григорианского календаря для постоянных праздников, но с сохранением Пасхалии по православно-юлианскому исчислению. И эта реформа может быть проведена соборно всеми Поместными Церквами или быть оставлена на усмотрение каждой Поместной Церкви⁴¹. О серьезности намерений Патриарха говорит то, что 31 января 1919 г. Н. Кузнецов ходатайствует от имени Патриархии в Совнарком о разрешении делегации от РПЦ отправиться в Константинополь для консультаций со Вселенским Патриархом о введении в церковный обиход нового стиля “в связи с принятием его государством”. Наркомюст Курский дает свое разрешение, но “железный Феликс” отказывает на том основании, что “духовенство... с патриархом Тихоном во главе ... было всегда враждебно [к советской власти] и входило в непосредственную связь с врагами России, содействуя планам англо-американских империалистов”⁴². Таким образом, в православном мире Русская Церковь и лично Патриарх Тихон были пионерами в вопросе календарной реформы.

Относительно ныне такого большого в России вопроса межхристианских экуменических связей Московский Собор закончил свои сессии призывом Божьего благословения на дальнейшие труды старокатоликов и англикан, направленные на воссоединение с православием “на почве учения и предания древней Кафолической Церкви. Собор уполномочивает Священный Синод создать постоянную комиссию, с отделениями в России и за рубежом, для изучения путей и препятствий к их скорейшему преодолению, чтобы воссоединение осуществить как можно ско-

Церквами; б) отказом советской власти (Смидовичем) дать гарантии РПЦ, что она в будущем не исключит христианские праздники из государственного календаря. См. Проф. Виноградов В. П. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона по личным воспоминаниям // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 22—32.

⁴¹ ГАРФ, фонд 6343, дело 252, листы 135—140.

⁴² РЦХИДНИ, ф. 76 (Дзержинского), д. 48, л. 4—6 об.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

рее”!⁴³ В феврале 1921 года Патриарх дает благословенную грамоту Джону Мотту, одному из основоположников экуменического движения и руководителю Христианской ассоциации молодых людей, который позже помог Русскому студенческому христианскому движению за рубежом и становлению главного русского издательства православной богословской литературы — парижского YMCA-Пресс. В ответ на послание русских протестантов, выражающих соболезнование гонимой Русской Православной Церкви, Патриарх пишет о единомыслии и заканчивает от имени Собора: “В вашем любезном послании мы желали бы видеть ... залог того, что христиане всех исповеданий ... подвигнутся заедино противостать «во всеоружии Божиим ... вратам ада»”, т. е. над земными разделениями он видит высшее единство христиан⁴⁴, аналогично митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), который писал в своей книжке — Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной греко-российской Церкви — почти сотней лет раньше, что он отказывает себе в праве называть ложною любую Церковь, которая верит, что Иисус есть Христос⁴⁵. И наряду с этим в его “Завещательном послании” от 7 апреля (н. с.) врагами Православия названы “сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники”. Упоминание католиков было явно вызвано тем, что польское правительство заставило местную Православную Церковь порвать с Московской Патриархией, а также массовым закрытием православных церквей (правда, Патриарх был дезинформирован, обвиняя поляков в том, что из многих тысяч православных храмов в Польше осталось открытыми лишь 50 — это число относилось только к Холмщине, в то время как на всей территории Польши даже к концу 1930-х гг. оставалось около 2,5 тысяч открытых православных храмов). Кроме того, известно, что это послание было составлено, в основном, митрополитом Петром, а не Патриархом⁴⁶; так что из одного этого послания нельзя заключить, что Патриарх Тихон к концу жизни стал врагом западного христианства.

⁴³ Обратный перевод из: Aspects of Church History. Volume Four in the Collected Works of George Florovsky. Belmont, Mass.: Nordland, 1975. P. 272.

⁴⁴ Акты, соответственно 105 и 136 // Там же. С. 361—363.

⁴⁵ Aspects. P. 217.

⁴⁶ Акты. С. 361—363.

Что касается политических настроений духовенства, то это, в соответствии со своим посланием от 8 октября 1919 года, Патриарх считал после отделения Церкви от государства личным делом и духовенства, и мирян как граждан⁴⁷. Именно поэтому, нам кажется, Патриарх, будучи под арестом, так спокойно согласился временно доверить свою канцелярию явившимся к нему 12 мая 1922 года петроградским обновленцам — их политическое лицо его не смущало. И все же феномен обновленчества явно повлиял на Патриарха Тихона в сторону большего консерватизма. Так в 1923 году Патриарх наставлял одного священника: "... если встретите священнослужителей: стриженных свои волосы на голове, бреющих бороды, ходящих в штатских одеждах ... курящих, посещающих ... клуб, кино — хотя и поминают Патриарха как главу Российской ... Церкви, — не верьте им, ибо они явные обновленцы, скрывая себя только в поминании Патриарха..." Не напоминают ли эти слова еп. Антония Волинского (Храповицкого) в выше цитированном письме волинского священника?⁴⁸

* * *

Здесь не место подробно рассматривать обновленчество 20-х гг. Этому феномену и его деятельности мы посвятили несколько публикаций⁴⁹; укажем однако, что из первоначальной

⁴⁷ Там же. С. 163—164. Парадоксально, что активнее всего добивались канонизации и Патриарха Тихона, и, особенно, митрополита Филарета (в биографии которого многих смущает оправдание смертной казни в его *Катихизисе* и притеснение Федора Бухарева) наиболее консервативные круги в Православии, в частности "карловчане", одновременно решительно осуждая межхристианский экуменизм, поддерживавшийся обоими архипастырями, и объявив григорианский календарь, прагматически принимавшийся Тихоном, чуть ли не богословской ересью!

⁴⁸ Акты. С. 308—309. В оправдание Патриарха следует лишь напомнить, что тут была типичная реакция на обновленчество. Многие опасались тогда, что своим поведением, беспринципностью обновленцы надолго дискредитируют саму идею необходимых преобразований в Церкви. См. также самиздатскую рукопись "Острая лука", цит.: *Pospielovsky. The Russian Church under the Soviet Regime*. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. P. 55.

⁴⁹ Русская Православная Церковь... С. 62—102; Обновленчество: переосмысление движения в свете архивных документов // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 197—227; Православная Церковь в истории... С. 240—258; The

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

“Группы 32-х петербургских священников” в обновленческое движение 20-х гг. вошел, кажется, только один священник Е. Х. Белков. Нет среди советских обновленцев ни Григория Петрова, ни Михаила Чельцова, активного участника “Союза обновления” 1905—1907 гг., который в 1922 году будет приговорен к смертной казни вместе с митрополитом Вениамином, но помилован, и в конце концов будет расстрелян в начале 30-х гг.⁵⁰ Что же касается программ советских обновленцев, то они отличались от “Группы 32-х” лишь более детальной разработкой принципов и идей той группы, не говоря, конечно, о социально-политических установках, которые принципиально расходились с установками “32-х” своей политической ангажированностью, в то время как “Союз обновления” говорил о политическом нейтралитете и независимости от государственной политики. Теперь из ставших доступными архивов и особенно из сборника все еще недоступных “простым смертным” документов так называемого “Президентского архива”, собранных и аннотированных академиком Н. Н. Покровским и С. Г. Петровым, уже доказано, что как раскол обновленчество запроектировано, спланировано и разработано Троцким, а проводилось в жизнь ГПУ по распоряжению и инструкциям Политбюро⁵¹. План был таков. В антицерковной пропаганде воспользоваться тем, что Патриарх Тихон, призывая всю Церковь, всех православных жертвовать на спасение голодающих все, кроме евхаристических сосудов и риз на образах, заострить все внимание народа на этих патриарших ограничениях жертвы, чтобы представить церковное руководство как шкурников, ставящих материальные ценности выше жизни человеческой⁵². Записка Троцкого в Политбюро от

Renovationist Movement in the Orthodox Church in the Light of Archival Documents // Journal of Church and State (Waco, Tx). Winter. 1997. Vol. 39. P. 85—105.

⁵⁰ Прот. Владислав Цыпин. История Русской Церкви, 1917—1997. Кн. IX. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. С. 190.

⁵¹ См. особенно Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в Шуе и политике в отношении Церкви (19 марта 1922) и письма Троцкого в Политбюро, особенно от 17—20 и 30 марта 1922 г. в: Политбюро и Церковь, 1922—1925, сост. Покровским и Петровым. Новосибирск-Москва, 1997. С. 133—138, 140—144 и 161—165.

⁵² Согласно обвинительному заключению советского суда в феврале 1922 года Патриарх рассылал доверительно еще “Секретную инструкцию”, в которой говорилось: “Мы ... отвергаем и караем отлучением от Церкви даже доб-

30 марта требовала воспользоваться голодом, разногласиями в среде духовенства по поводу изъятия ценностей и вообще существованием правого и левого течений в духовенстве, толкая последнее на раскол. Левое духовенство он называет сменовеховским по названию движения в среде интеллигенции, которая ошибочно приняла нэп за отказ от коммунистической идеологии и поэтому пошла на прагматическое сотрудничество с властью во имя восстановления страны. Это сменовеховское духовенство надо толкнуть на полный разрыв с Патриаршей Церковью. Убедить их выпускать журнал с самыми резкими обвинениями против тихоновцев и заострить борьбу с ними на почве спасения голодающих и изъятия церковных ценностей. Это на сегодняшний день. Но как только ВЧК расправится "с контрреволюционными попами", надо будет взяться за сменовеховцев, ибо "принимая ... советскую окраску, "передовое" духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения в ... передовые слои трудящихся, которые ... должны составлять нашу опору ... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опаснейшего врага завтрашнего дня ... Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников". Он рекомендует в конечном итоге созвать собор, но "к моменту собора нам надо подготовить ... пропагандистскую кампанию против обновленческой церкви ... Надо ... обратить ее в выкидыш". Так что замысел обновленческого собора у Троцкого был в том, чтобы на нем произошла борьба всех против всех, что даст возможность их и прихлопнуть. Это подтверждает и хвастливый рапорт Е. Тучкова, заведовавшего в ГПУ церковным отделом: "Углубить раскол церковных групп и создать среди них полную непримиримость в каноническом и догматическом отношениях, дабы новая церковь не представляла из себя сплоченную единую организацию" ⁵³.

На момент появления обновленчества как "самостоятельного" церковного движения оно состояло из ряда группировок, главные из которых: "Живая Церковь" ⁵⁴, выступившая с таки-

ровольное пожертвование священных риз и чаш: важно не что давать, а кому давать". См.: Акты. С. 191.

⁵³ Политбюро и Церковь. С. 51.

⁵⁴ Этой "Живой Церкви" предшествовала "Живая Церковь", образованная в 1921 году в Царицыне монахом Илиодором, который когда-то был завзятым распутицем, но затем порвал с ним и написал книгу о нем «Святой черт», за

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

ми тезисами, выработанными на ее первом съезде в августе 1922 года: допускается богослужение на русском и других национальных языках; духовенство может носить гражданское платье, короткие волосы, посещать театры; "патриаршество должно быть уничтожено ... епископат должен быть брачным ... монахи священниками быть не могут ... признание советской власти и справедливости Октябрьской революции", воплощающей якобы идеалы первоначального христианства. "Упрощение богослужения, приближение его к народному пониманию..." Отмена тех канонов, "которые потеряли свою жизненность ... приходская реформа. Соборное управление Церковью ... Широкое вовлечение мирян в богослужение до церковного учительства включительно"⁵⁵. Уже на этом съезде, в основном из-за антимонашества "Живой Церкви", от нее откололась группа "Церковное возрождение" под руководством епископа Антонина (Грановского), которое видело в "Живой Церкви" не соборность, а клерикализм, отличавшийся от старой Церкви только тем, что на место гегемонии епископата устанавливалась гегемония белых священников. Еп. Антонин же стремился к простоте и соборности первохристианских общин. Из всех обновленческих групп еп. Антонин больше всех настаивал на богослужении на разговорном языке и, единственный из обновленцев, составил литургии на живом русском языке. Он был также защитником аскетического монашества и подлинно монашеского епископата. Третьей группой было движение, возглавляемое Введенским, под названием "Союза общин древле-апостольской

что подвергся преследованиям в царское время. Илиодор провозгласил большевикам "многая лета". Но еще в 1918 году Владимир Путята, лишенный сана патриаршим судом, провозгласил в Пензе некую "Народную Церковь" с программой "восстановления во всей своей чистоте евангельского учения" и полной поддержке советской власти и ее законов о Церкви. В царское время, будучи епископом, Путята прославился скандалами по женской линии, но Церковь была против него бессильной, ввиду его старой дружбы с Николаем II, который его защищал. См.: Акты. С. 115 и 125; а также письма Путяты Смиловичу с жалобой, что обновленцы его не принимают, в которой он заверяет в своей преданности советской власти и изображает себя жертвой царского режима за то, что всегда стоял за угнетаемых (!), и от пензенских рабочих в Президиум ВЦИК в его защиту: ГАРФ, ф. 1235, оп. 97, д. 88, л. соответственно: 117—120 и об. и 109 и об.

⁵⁵ Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка "обновленческого" раскола Русской Православной Церкви. Изд-во Казанского университета, 1970. С. 102—105 и 165.

Церкви" (СОДАЦ). По политической направленности и лояльности по отношению к советской власти между этими группировками разногласий не было; а в богословском смысле группа Введенского была наиболее традиционной, за исключением приятия второбрачного духовенства и брачного епископата. При этом, в отличие от "Живой Церкви", СОДАЦ под давлением еп. Антонина принимал и монашеский епископат ⁵⁶.

Вместо ожидавшихся Лениным и Троцким "сотен миллионов золотых рублей, а может быть и несколько миллиардов", изъятие церковных ценностей дало менее 4,7 миллионов, из которых Троцкий приказал выделить 1 миллион на закупку хлеба для голодающих и поднять вокруг этого колоссальную пропагандную шумиху. Николаю Николаевичу Покровскому удалось еще разыскать сумму расходов Комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) на собственные расходы за апрель 1922 года, а именно 1.559.592 рубля, т. е. одна треть всех собранных средств пошла на собственные нужды комиссии за 1 месяц ⁵⁷. Есть еще один пикантный момент: 30 мая ГПУ жалуется ЦК, что у него нет достаточных средств на содержание обновленцев — их издания, поездки, съезды. В ответ ЦК рекомендует чекистам обратиться за финансированием в КИЦЦ, т. е. борьбу против Церкви оплачивали средствами, отобранными у Церкви! ⁵⁸

А вот еще пример предельного цинизма Троцкого. В Политбюро, по крайней мере, до 12 мая Троцкий со Сталиным и Лениным всегда, а в большинстве случаев и Зиновьев голосовали за одобрение расстрельных приговоров духовенству; Каменев, Томский и Рыков в большинстве случаев голосовали либо против, либо пытались сократить число приговоренных к расстрелу. Еще 4 мая 1922 года строго секретное постановление Политбюро (Троцкий, Каменев, Бек) гласит: "1) немедленно привлечь Тихона к суду; 2) применить к попам высшую меру наказания". И вдруг 12 мая Троцкий предлагает опубликовать "от имени прогрессивной части духовенства" воззвание к советской власти о помиловании приговоренных к смерти. В ответ следует отменить смертную казнь некоторым приговоренным. Этим он наде-

⁵⁶ Там же. С. 191—242 и пр.

⁵⁷ Там же. С. 81—82.

⁵⁸ Поспеловский Д. В. Обновленчество. С. 209—210. Так что выше указанный 1 миллион был единственной из отобранных суммой ценностей, использованной по назначению.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

ется убить двух зайцев: представить обновленцев населению в более симпатичном виде и одновременно создать впечатление некой независимости обновленчества от советской власти тем, что большинство из тех приговоренных, за которых хлопочут обновленцы, все же расстреливается. И действительно, посыпались десятки ходатайств обновленческого духовенства о помиловании приговариваемых к расстрелу "тихоновцев". Тут и письма Введенского, и групповые. Но вряд ли обновленцы смогли завоевать себе этим популярность среди населения, так как тон писем был противный, подленький: каждое письмо оправдывало приговоры, обливало приговоренных грязью, унижало их, а затем призывало советскую власть к великодушию и милосердию⁵⁹. Встает вопрос, писали ли обновленцы по собственной инициативе или по прямой инструкции Троцкого? Вероятно, было и то, и другое. Поскольку ходатайства открываются письмом Введенского того же 12 мая, следует предположить, что здесь был какой-то сговор между ГПУ и Введенским, который мог дать команду еще двум-трем ближайшим сотрудникам, например Белкову и Красницкому, а дальнейшие письма уже могли идти непосредственно от пишущих, "вдохновленных" ходатайствами своего начальства.

Что касается Патриарха Тихона, то подготовка к его процессу шла полным ходом, хотя сам процесс откладывался. Между тем 31 марта 1923 года был расстрелян католический епископ Будкевич, что вызвало большой шум за рубежом. Наркоминдел Чичерин уведомляет о том, что этот расстрел — удар по внешней политике СССР, и умоляет не ухудшать положения расстрелом Патриарха Тихона. Депеши Чичерина не производят на Политбюро особого впечатления, но присоединение к мнению Чичерина веского слова Дзержинского приводит к решению Патр. Тихона не расстреливать.

Между тем 29 апреля 1923 г. открылся I Собор обновленцев, который они назвали Вторым Всероссийским Поместным. Поскольку тихоновскую Церковь добить так быстро Троцкому не удалось, то и назначение этого обновленческого Собора было, скорее, объединить обновленцев, чем рассорить. Собор постановил перейти на новый календарь, разрешил второбрачие священников и брачный епископат, отлучил карловацкое духо-

⁵⁹ Политбюро... С. 197—304.

венство и заочно судил Патриарха Тихона, приговорив его к лишению всех церковных званий, в том числе и монашества⁶⁰. Патриарх Тихон, несмотря на то, что находился в тюрьме под угрозой смертного приговора, отказался признать легитимность обновленческого Собора, поскольку он не представлял всю Церковь, а приговор, вынесенный без вызова подсудимого, не допускается канонами.

Ноты советскому правительству Великобритании, Ватикана и сделавшего так много для спасения голодающих в России Фритьофа Нансена, требующие освобождения Патриарха Тихона, приводят к его освобождению на известных условиях покаяния и лояльности его по отношению к советской власти⁶¹.

Неожиданный выход Патриарха на свободу 25 июня 1923 года был самым сокрушительным ударом для обновленцев. Последовало лавинообразное возвращение в Патриаршую Церковь духовенства и храмов. В панике обновленцы созвали в августе экстренный съезд, на котором переименовали ВЦУ в "Священный Синод Российской Православной Церкви", "забыли" о русском языке, вернулись к юлианскому календарю. Верен своему курсу остался только епископ Антонин, резко и публично осуждавший "Живую Церковь" и за это интригами Красницкого снятый с поста председателя обновленческого Синода в июне 1925 года⁶².

В числе первых возвратился в Патриаршую Церковь через публичное покаяние митрополит Сергей (Страгородский). И тут возникают несколько недоуменных вопросов. Владыка Сергей был одним из первых епископов, присоединившихся к обновленцам, опубликовав 16 июня 1922 года так называемый "Меморандум трех" — он, митр. Евдоким Нижегородский (Мещер-

⁶⁰ Согласно прот. Цыпину, чтобы преодолеть нежелание многих епископов подписать приговор этого "шемякина суда", Красницкий объявил, что тот, кто не подпишет, отправится прямо с собора в тюрьму. Источник этой информации автор не указывает. См. *Прот. Цыпин*. С. 98.

⁶¹ Политбюро... С. 87 (сн. 60), 262—286.

⁶² "На I съезде «Союза Церковное возрождение» в июле 1924 г. еп. Антонин говорил: "Программа Живой Церкви ... говорящая только о материальной власти, деньгах и женщинах для духовенства, свидетельствует об окончательном падении до степени животности этого сословия ... Живую Церковь [следует] признать христоубийственным поповским синагедрином, душегубным для Церкви Христовой скопищем". *Шишкин*. С. 223—224. См. также: *Поспеловский Д. В.* Русская... С. 73—74.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

ский) и архиеп. Серафим Костромской — в котором обновленческое ВЦУ было названо “единственной канонически законной церковной властью”. Но уже 25 августа митр. Сергей письменно выражает свое несогласие с курсом ВЦУ и требует независимости для своей епархии, а 23 октября заявляет о своем выходе из ВЦУ, за что попадает во второй раз в тюрьму, и поэтому его имени нет ни в числе участников обновленческого Собора 1923 года, ни под “соборным” приговором Патриарху Тихону⁶³. Это его поведение показывает, что не из трусости митр. Сергей пошел к обновленцам. Существует версия, что якобы митрополит Сергей и архиепископ Серафим оправдывали свой шаг в надежде захватить руководство в ВЦУ и повести церковный корабль по правильному пути. Ведь никто не мог в то время предположить, что Патриарх выйдет на свободу. В этих условиях митр. Сергей, вероятно, просто не видел иного выхода, кроме признания ВЦУ, чтобы вывести затем Церковь из-под контроля этих конъюнктурщиков. В общем, обстановка была подобна той, с которой Владыке Сергию придется иметь дело после смерти Патриарха и ареста митрополита Петра — он тогда действовал так же решительно⁶⁴. Но вот версия самого митр. Сергия, если верить обновленческому журналу, о состоянии церковного управления накануне ареста Патриарха:

В 1922 году стало совершенно очевидно, что дни нашего церковного управления сочтены. 24 марта я специально приезжал из Нижнего к Патриарху ... Я заявил ему: “Для спасения высшего церковного управления нужно немедленно восстановить Священный Синод и Высший церковный совет” ... Патриарх мне отвечал: “Синода не нужно, так как у нас нет никаких дел, за исключением наградных. Мы пользуемся проезжающими через Москву архиереями”. Я так был поражен этим ответом ... церковный корабль тонет, а Патриарх говорит, что у нас нет никаких церковных дел. Через полтора месяца произошло то, что произошло⁶⁵.

⁶³ Там же. С. 70.

⁶⁴ См. также: *Поспеловский Д. В.* Митрополит Сергей и расколы справа // Вестник РХД. 1990. № 158. С. 59.

⁶⁵ “Мигр” *Евдоким*. Соборный разум или единоглавие? // Христианин. Июль. 1924. Т. 1. № 2-3. С. 3.

Сомнительно, чтобы митр. Сергей говорил именно так. Ведь “произошло то, что произошло” совсем не потому, что действовал или не действовал Синод. И не распустил ли Патриарх Синод из-за постоянных арестов его ближайших сотрудников и членов Синода? Архивные документы, кстати, рисуют совсем иную картину. В письме Рыкову от 8 мая 1924 года Патриарх Тихон пишет:

До привлечения меня к суду и до ареста при мне действовали Священный Синод и Высший Церковный Совет, в состав которых входили избранные верующими епископы, пресвитеры как представители белого духовенства и миряне. Правильное течение церковной жизни ... и деятельность органов Церковного управления были нарушены моим арестом ... по освобождении из-под стражи и заключения я вступил в управление вверенной мне Российской Церковью. За моими служениями храмы не вмещают желающих со мной молиться ... народ признает ... законным главой Русской Церкви только меня, признает своими архипастырями только тех архиереев, кои находятся со мной в общении...

Далее он пишет, что организовал при себе Синод из лиц абсолютно лояльных советской власти, но советское правительство отказывается зарегистрировать эту Церковь, зарегистрировав, однако, обновленческую Церковь, которую не признает церковный народ. Патриарх также жалуется, что в то время как с него судимость снята, епископы, арестованные по его делу, продолжают находиться в заключении, и приводит список 25 архиереев⁶⁶.

Так кто же говорит правду, Патриарх или митр. Сергей, или просто обновленческий журнал врет? Скорее, последнее.

В 1923 году стало ясно, что обновленчество обречено: число верных ему храмов и духовенства катастрофически сокращалось, и ГПУ начало давить на Патриарха Тихона и на вождей обновленцев, требуя церковного воссоединения. Замысел был весьма прозрачен: во-первых, Церковь без паствы была совет-

⁶⁶ Председателю Совета народных комиссаров А. Н. Рыкову, 8 мая 1924 года. См.: ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д. 57, л. 45—51, 83.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

ской власти ни к чему; во-вторых, проникновение в руководство Патриаршей Церкви обновленческих вождей обеспечило бы ГПУ лучшую осведомленность и более прочный советский контроль за Церковью; в-третьих, наличие в церковном руководстве бывших хулителей Патриарха и доносчиков создало бы очень нездоровую атмосферу недоверия и разногласий в церковном руководстве, приближая осуществление плана Троцкого — добиться в церковной среде борьбы всех против всех, правда, в варианте, несколько отличавшемся от первоначального, поскольку скорой гибели Патриаршей Церкви не произошло, и обновленцы поэтому были еще нужны. Патриарх соглашался принимать обновленческое духовенство только через личное покаяние; но под давлением Тучкова, грозившего ему новым арестом, нехотя согласился начать переговоры с Красницким и 19 мая 1924 года сделал официальное заявление, что “ради мира церковного” принимает в общение протопресвитера Владимира Красницкого и предлагает “Синоду обсудить вопрос о включении его в Высший церковный совет”. Однако это вызвало такое сопротивление тихоновского епископата, клира и мирян, что Патриарх должен был отменить эту затею весьма “хитрым” способом: в интервью газете “Известия” он заявил, что это назначение недействительно, поскольку у Патриархии нет ни средств, ни помещения на содержание и проведение сессий Синода или Высшего церковного совета; а 23 июля [5 августа] 1924 года была разослана “Для сведения Архипастырей, пастырей и верующих Резолюция ... от 26 июня, № 523”, в которой говорилось: “Если всякие слухи и толки о примирении ... с Красницким и др. возбуждают в сердцах верующих скорбь и тревогу, что подтверждается и многочисленными заявлениями архипастырей, пастырей и мирян, то ... почитаем благовременным прекратить всякие переговоры о примирении с Красницким и подписи от 21 мая об организации при нас ВЦУ считать недействительными”⁶⁷. Это, однако, не помешало Патриарху обратиться в фев-

⁶⁷ Акты. С. 325. У автора этой работы имеется копия машинописного текста, по-видимому, в таком виде рассылавшегося по епархиям. При сравнении его с текстом в “Актах” выясняется, что составлена эта резолюция была 26 июня ст. ст., по-новому — 9 июля, но тогда, вероятно, и дата рассылки, 23 июля, вписанная от руки в машинописной копии тоже по ст. ст., т. е. резолюция рассылась 5 августа. Интересно, чем был вызван такой длительный промежуток времени между составлением и рассылкой резолюции? Но и этот

рале 1925 года в НКВД с вышеприведенным ходатайством о регистрации Священного Синода⁶⁸.

Советский религиовед Шишкин справедливо замечает, что к концу 1923 года как во внутренней структуре и церковной политике, так и в лояльности по отношению к советской власти между обновленцами и Патриаршей Церковью разницы как будто никакой уже не было, за исключением второбрачия священников и брачного епископата, но, как мы знаем, и эти вопросы ставились и Союзом обновления, и на Соборе 1917—1918 гг., и вполне удовлетворительно разрешались митрополитом Сергием. Более того, признание Вселенским, Александрийским и Иерусалимским Патриархатами обновленцев православными свидетельствует о том, что они не видели непреодолимых препятствий даже в том, что обновленцы узаконили развод и второбрачие священников при живой жене, равно как и семейный епископат⁶⁹.

В 20-х гг. Шишкин видит еще разницу между обоими течениями в том, что просоветская политика Патриаршей Церкви была чисто внешним приспособлением, в то время как обнов-

вывод не обязательно точен, т. к. дата оговоре с Красницким, 21 мая, дана по григорианскому календарю.

⁶⁸ Акты. С. 317, 325 (официальной резолюцией, соответственно 1 и 9 июля 1924 г., закрытие Синода и ВЦС объясняется отказом властей регистрировать их); С. 326 (интервью "Известиям"), 10 июля. Обращение за регистрацией 28 февраля 1925 г. (С. 354).

⁶⁹ Относительно Вселенского Патриарха Григория VII все ясно: он, вопреки канонам (что Патриарх Тихон в ответном письме поставил ему на вид) вмешался во внутренние дела РПЦ и в 1924 г. рекомендовал Патр. Тихону уйти в отставку, отменить патриаршество и передать власть обновленцам. После отрицательного ответа Патриарха Константинополь прервал отношения с Русской Патриархией, поддерживая отношения с обновленцами, по крайней мере, до 1928 года (см. ответ Патриарха Тихона: Акты. С. 322—325). О фактическом признании обновленцев Александрией пишет "митр." Евдоким (Мещерский). См.: Представители Восточных Патриархов у Председателя Священного Синода // Христианин. 1924. № 2—3. С. 51—52. Там же говорится о ходатайстве Патриархов Антиохийского и Иерусалимского установить отношения с Обновленческой церковью. О Грамоте признания обновленцев Патриархом Дамианом Иерусалимским см.: Церковная жизнь в России // Вестник РСХД. № 2 (Париж, 1 февраля 1927). С. 23. Можно вполне обоснованно считать признание обновленцев Восточными Патриархами действием конъюнктурным. Однако В. В. Болотов приводит достаточно примеров из эпохи Вселенских Соборов не только женатых епископов, но и разведенных и второбрачных. См. Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. III.

Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон

ленцы приняли эту власть органически, рассчитывая на ее постепенную “буржуизацию” (по примеру Французской революции), на что рассчитывали и сменовеховцы, и евразийцы. Но и это различие весьма спорно, если судить по выступлениям Патриарха с июля 1923 года, с требованием от всех, занимающих какие-либо посты в Церкви, от старост до архиереев, лояльности по отношению к советской власти “не за страх, а за совесть”, а тем, кому это недоступно, приказывается отойти от активного участия в жизни Церкви. А в Донском монастыре на дверях квартиры Патриарха в августе 1923 года было вывешено объявление: “Всех посетителей с контрреволюционными и антисоветскими предложениями к Патриарху Тихону не являться и в приемной не бывать” ⁷⁰. А если бы Шишкин коснулся конца 20-х гг. и всей последующей истории Церкви под советской властью, то должен был бы признать, что к тому времени и следа того различия, о котором он говорит, уже не осталось, хотя до последних дней своего существования обновленцы продолжали публично обвинять тихоновское и затем сергиевское духовенство в подспудной контрреволюционности.

В заключение, хотя историки избегают сослагательного наклонения, хочется поразмыслить о том, что было бы, если бы советская власть действительно не вмешивалась во внутреннюю церковную жизнь. Из всего рассмотренного нами материала напрашивается вывод, что роли Политбюро (особенно лично Троцкого) и ГПУ были решающими в церковном расколе 1920-х гг. Недаром современный российский исследователь М. Одинцов называет действия Троцкого и Политбюро внесением “раскола в православное духовенство” ⁷¹. Не будь их дирижерской палочки, а вернее дубинки, наверное, возникали бы небольшие местные самозванные схизмы, вроде путятовской или илиодоровской, как это всегда бывает во время смут и междувластия. Но вряд ли произошел бы раскол таких масштабов. Принятием Патриархией в 1919 году решительного нейтралитета по отношению к политическим взглядам духовенства и предоставлением Собором 1917—1918 гг. представителям белого духовенства и мирян участия в высших органах управления Церковью, а на местах широкой автономии и самоуправления приходов, снима-

⁷⁰ Акты. С. 295.

⁷¹ Дело патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1993. Вып. 6. С. 48.

ли объективные и субъективные мотивы расколов. С одной стороны, возрожденная соборность в центре и на местах эффективно ограничивала архиерейский произвол; а с другой — возможность архиерейской хиротонии без принятия монашеских обетов разрушала стену отчуждения и антагонизма между белым и черным духовенством. Даже вопрос второбрачия овдовевших священников не был тупиковым, если вспомнить проект митрополита Сергия. Не будь гонений, в 1921 году состоялся бы очередной Поместный Собор, на котором решались бы вопросы, не получившие своего разрешения на предыдущем, неоконченном Соборе. Даже возникновение самостийной церкви Липкивского и К° на Украине вряд было бы возможно. Не будь активной поддержки со стороны советской власти, такие факторы, как полное отсутствие епископата на учредительном “Соборе” самосвятов в 1921 году и верность подавляющего большинства православного населения Украины Патриарху Тихону, предотвратили бы развитие этой схизмы. Ведь в начале 20-х годов самосвятство внедрялось насильственно, при поддержке местных советских властей и комсомольских активистов⁷².

⁷² См. воспоминания о насильственном насаждении “липкивщины” очевидца — епископа Автономной Украинской Православной Церкви Леонтия: *Leonty, Bishop of Chile. Political Controls over the Orthodox Church in the Soviet Union // Research Program of the USSR. Bakhmeteff Archives. Butler Library, Columbia University*; а также: *Фотиев Кирилл. Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке. Мюнхен* (переиздано недавно Крутицким Подворьем в Москве); и *Поспеловский Д. В. Русская... С. 85—88. ГПУ “изменяет” липкивцам лишь после появления обновленчества, решая поддерживать последних. 31.10.1922 г. Красиков дает распоряжение ГПУ: “Не поддерживать украинскую автокефалию до собора”. Имеется в виду обновленческий Собор 1923 г. Поспеловский Д. В. Обновленчество // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 212.*

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

**Главному редактору журнала «Церковь и время»,
митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу**

Ваше Высокопреосвященство, глубочтимый Владыко!

В прошлом году я обращалась к Вам как к постоянному члену Священного Синода, и Вы были единственным, кто прислал мне ответ, за который благодарю Вас.

Еще хочу принести Вам слова благодарности за журнал «Церковь и время». Мне подарили № 3 (6) этого журнала, я с большим интересом прочла его и с радостью отметила, что этот официальный журнал, издающийся Отделом внешних сношений Московского патриархата, достойно представляет русское Православие. В выходных данных не указано, каков тираж журнала. Хотелось бы, чтобы этот журнал продавался во всех православных храмах России, объединяя христиан, предлагая высокие примеры служения Церкви наших современников, освещая важнейшие проблемы, стоящие перед Церковью, с позиций современного человека.

Ознакомившись на последней странице с предполагаемым содержанием следующего номера журнала, я обрадовалась вдвойне. Дело в том, что весной прошлого года вышла книга «Человек Церкви» (о митрополите Никодиме), и мне захотелось откликнуться на эту книгу. Но когда я попыталась опубликовать свой отзыв, ни одно церковное издание не стало его печатать (больше всего мне хотелось опубликовать отзыв в ЖМП). Мне казалось, что необходимо как можно большее количество людей познакомиться с этим выдающимся человеком.

Я понимаю, что не будучи журналистом или профессиональным богословом, может быть, и не могу рассчитывать на внимание прессы. Но на всякий случай посылаю Вам свою рецензию — вдруг Вы сочтете возможным опубликовать ее...

Прошу Ваших святых молитв.

Остаюсь Ваша смиренная послушница

М. Силонова

Отзыв о книге
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия
«Человек Церкви»
(Издание Московской епархии, 1998 г.) *

Весной 1998 года вышла книга «Человек Церкви», посвященная 20-летию со дня смерти и 70-летию со дня рождения митрополита Никодима. Автор книги — Преосвященнейший митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

Труд митрополита Ювеналия вызывает уважение, будучи образцом как проявления личной любви и благодарной памяти о друге и брате во Христе, так и воздаяния достойной памяти человеку, так много сделавшему для христианства и, в частности, для Русской Православной Церкви в нашем веке.

Книге предпослано посвящение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в котором дается высокая оценка деятельности митрополита Никодима. Среди авторов воспоминаний, вошедших в книгу — выдающиеся деятели Русской Православной Церкви: Патриарх Московский и всея Руси Пимен, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим, митрополит Ставропольский и Бакинский Гedeон и многие другие. Поэтому предлагаемые свидетельства являются особенно весомыми и авторитетными.

Воспоминания рисуют Владыку Никодима как человека гениальных дарований и трудолюбия, феноменальной памяти, умевшего ясно и осознанно воспринимать и анализировать события и явления, принимать смелые решения. Особая роль Владыки Никодима и неизгладимый след, который он оставил в церковной истории и в истории русского общества, объясняются тем, что митрополит Никодим постоянно искал и находил новые и эффективные пути к осуществлению призвания и нахождению места Церкви в нашем современном обществе, нес свидетелст-

* Печатается в сокращении.

во самой сути Евангелия, являл пример беззаветного служения Церкви разделенному человечеству. Считая, что надо жить не прошлым, а будущим и для будущего нашей Церкви, митрополит Никодим был горячим поборником единства всех православных народов, а также и сотрудничества с христианскими народами Запада и развивающихся стран.

Для внутреннего домостроительства Православия важнейшим стало пастырское служение владыки Никодима, в котором он являл пример повседневного отречения от личных интересов ради паствы.

Рассматриваемая книга знаменательна еще и тем, что ведущие российские иерархи нашего времени предстают перед нами по-человечески благодарными и благородными, чтящими память брата во Христе, друга, духовного отца, благодетеля. Эти их воспоминания делают архиереев ближе нам, понятнее и дороже. А это важно: между архипастырями и российской паствой необходимо единение сердец во Христе Иисусе.

В своем посвящении к книге Святейший Патриарх Алексий II пишет, что в новых условиях подвергаются нападкам и очернению труды митрополита Никодима некоторыми деятелями, усердными не по разуму. Новые условия заключаются в том, что РПЦ получила внешнюю свободу от государства, получила возможность развиваться в соответствии со своими собственными истинными заветами, преданиями и канонами. Новые условия заключаются в том, что в Церковь приходят новые люди, в Церковь приходит интеллигенция и молодежь, верующими становятся люди, стремящиеся к истинному богопознанию, желающие молиться не только сердцем, но и умом, взывающие к Богу: «Открой нам Твоего богоразумия нетленный свет!» Эти люди ждут от священнослужителей искреннего неотступного следования в жизни заповедям Евангелия. После десятилетий лжи и насилия над человеческими душами невыносимо видеть фальшь и двоедушие в людях, облеченных иерейским, а тем более архиерейским саном. Эти пришедшие в Церковь новые православные христиане ждут от священнослужителей глубоких проповедей, серьезной богословской подготовки, высоты духа — всего того, чего требовал и за что ратовал Владыка Никодим. Митрополит Никодим предвосхитил будущее, он является духовным отцом нового поколения как образованных священнослужителей, так и образованных верующих. Критики митропо-

Редакционная почта

лита Никодима по своему уровню, видимо, не соответствуют неизмеримо возросшим требованиям к эрудиции, к духовным, моральным и интеллектуальным качествам современного священнослужителя. И вот вместо того чтобы увидеть бревно в собственном глазу и постараться дотянуться до высоты ярчайшего верного сына Русской Православной Церкви, некоторые деятели предпринимают гигантские усилия для того, чтобы постараться зачеркнуть великий вклад Владыки Никодима в развитие Православной Церкви, чтобы уничтожить саму очевидную причину выявления своей неполноценности, чтобы резко снизить уровень требований к вступающим на поприще церковной карьеры. «Сегодня, к сожалению, слишком легко некоторые люди, являя “ревность не по разуму”, берутся судить о служении и деятельности покойного Владыки», — пишет в своем посвящении Святейший Патриарх Алексий II. Подводя итог, приведем слова митрополита Ювеналия: «...я уверен, что не пройдут мимо нашей Церкви многие вопросы, которые стояли перед митрополитом Никодимом. И тогда его опыт, его жизнь и служение могут быть снова в центре внимания».

М. Силонова

**Главному редактору журнала «Церковь и время»,
митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу**

По поводу антистарообрядческих публикаций

Антистарообрядческие публикации, появившиеся в последнее время в некоторых изданиях (журналы «Москва», «Благодатный огонь», газета «Радонеж»), выдержанные в резком, непримиримом тоне, вызывают недоумение не только у самих старообрядцев, но и у чад Русской Православной Церкви. Какова же позиция Церкви в этом вопросе?

Знакомство с официальными церковными определениями последних трех столетий по вопросу отношения к старообрядчеству свидетельствует, что Церковь последовательно и неуклонно ведет линию на развитие добрых отношений со старообрядчеством, направленных к ликвидации великого раскола, этого «трехвекового церковного бедствия» (архиеп. Уфимский Андрей), выражая сожаление по поводу всего того негативного, что было в прошлом во взаимоотношениях с приверженцами старой русской церковности.

«Да приведет Господь расстаяшая паки воедино» — этот призыв прозвучал в 1971 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви. Призвав к ликвидации великого русского церковного Раскола, Собор 1971 года отменил клятвы Московских Соборов 1656 и 1667 годов на старые обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, чем подвел итог многолетней дискуссии по старому обряду. В частности, он утвердил решения Священного Синода 1929 года, в том числе и «о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им».

Еще до революции профессор Московской духовной академии Н. Ф. Каптерев писал: «Осуждение Собором 1667 года русского старого обряда было, как показывает более тщательное и беспристрастное исследование этого явления, сплошным недоразумением, ошибкою и потому должно вызвать новый соборный пересмотр всего этого дела и его исправление, в видах

умиротворения и уничтожения вековой распри между старообрядцами и новообрядцами, чтобы Русская Церковь по-прежнему стала единою, какою она была до патриаршества Никона».

Уже в 1765 году в «Увещании православной кафолической Церкви» митрополита Платона (Левшина) признавалась православность старых обрядов и спасительность их употребления. Иначе и быть не могло, поскольку церковная жизнь русского народа всегда зиждилась на вере святых равноапостольных Владимира и Ольги, преп. Сергия Радонежского, святителей Петра, Алексия, Ионы и Ермогена, этих несомненных двуперстников, и в этом смысле Русская Церковь укоренена в старообрядчестве.

В 1800 году, по рассмотрении митрополитом Платоном, было разрешено и утверждено императором Павлом Петровичем так называемое единоверие. «Быть по сему» — начертал император на прошении старообрядцев о дозволении им иметь священников для совершения богослужения и треб по старому обряду.

По Определению Собора 1917—1918 годов: «Единоверцы суть чада Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, кои, с благословения Поместной Церкви, при единстве веры и управления, совершают церковные чинопоследования по богослужебным книгам, изданным при первых пяти русских патриархах, — при строгом сохранении древнерусского бытового уклада».

Единоверцы, или, как их еще иначе называют, «православные старообрядцы», канонически подчинены священноначалию Русской Православной Церкви, единоверческие приходы входят в состав православных епархий.

А. В. Карташев в «Очерках по истории Русской Церкви» пишет: «Со времени учреждения единоверия русская церковная власть, а за ней и вся Русская Церковь *de facto* отменила навязанный нам греками на соборе 1667 года взгляд на старый обряд, как на ересь. Остается теперь лишь формально, *de jure*, *post factum* санкционировать это молчаливое и правильное решение Русской Церкви опять же на Поместном Соборе и с формальной же отменой клятв Собора 1667 года» (Т. 2. М., 1991. С. 182).

Необходимость формального санкционирования отмены клятв усиливалась желанием этого старообрядцев-единоверцев, хотя митрополит Филарет в свое время и объяснял им, что они,

как находящиеся в общении с Церковью, фактически под клятвою Собора 1667 года не состоят.

Отмена клятв Московских Соборов 1656 и 1667 годов должна была совершиться еще на Поместном Соборе 1917—1918 годов, чему предшествовало длительно предсоборное изучение этих вопросов. Уже в 1906—1907 годах IV Миссионерский съезд в Киеве и VI Отдел Предсоборного Присутствия признали равночестность старого и нового обрядов.

В докладе VI Отделу Предсоборного Присутствия говорилось: «Для успокоения старообрядцев и православных, но молящихся двоеперстно, необходимо уже не разъяснение... а совершенная отмена этих клятв, как положенных от “простоты и неведения”... Вместе с этим необходимо высказаться Собору Русской Церкви и по вопросу о порицаниях на так называемые старые обряды в полемических книгах прежних писателей против раскола. И здесь необходимо не разъяснение, а полная отмена этих порицаний».

Проект соборного постановления об отмене клятв был уже подготовлен, однако Поместный Собор 1917—1918 годов, ввиду известных событий того времени, успел принять лишь Определение о единоверии, приведенное выше.

Решениями от 23 (10) апреля 1929 года Священный Синод подтвердил православность и спасительность старых русских обрядов, а также богослужебных книг, напечатанных при первых пяти российских патриархах; отменил клятвенные запреты; отверг порицательные выражения о старых обрядах.

И, наконец, подводя итог многолетней дискуссии по старому обряду, Поместный Собор 1971 года утвердил решения, принятые по этому вопросу Священным Синодом в 1929 году. «Рассмотрев вопрос... с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, — говорится в “Деянии” Собора, — торжественно определяем:

1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к ста-

рым обрядам и, в особенности, к двуперстию, где бы они ни встречались и кем бы они ни изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православных христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовью объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру...

Да приведет Господь растоящаяся паки воедино, и в любви друг ко другу да исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущую и Нераздельную».

Поместный Собор 1988 года подтвердил решения Собора 1971 года в отношении старообрядчества.

Развитие историко-богословской науки в последнем столетии, труды профессоров Московской духовной академии Н. Ф. Каптерева, Е. Е. Голубинского, профессора Вандербильского университета С. А. Зеньковского, профессора Парижского богословского института Б. И. Сове, профессоров Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенского и протоиерея Иоанна Белевцева и других ученых во многом изменили взгляд на старообрядчество и вообще на проблематику церковной реформы и раскола XVII века.

Многие критические высказывания, сделанные в прошлом в адрес старообрядчества, признаны несправедливыми и отвергнуты Церковью как частные мнения, обусловленные духом своего времени и порой чисто политическими причинами, что ныне, по соборной формуле, вменяется «яко не бывшее». Это относится, прежде всего, к порицательным высказываниям относительно двуперстия.

Кличка «раскольники» была запрещена к употреблению Российским законодательством еще в XVIII веке («Манифест» Екатерины II от 3 марта 1764 г.).

В Обращении Поместного Собора Русской Православной Церкви 1988 года к старообрядцам говорится: *«Вы, наши едино-*

кровные и единоверные братья и сестры...» «Поместный Собор Русской Православной Церкви, — говорится в Обращении, — в 1971 году в Троице-Сергиевой Лавре от гроба печальника земли Русской преподобного игумена Сергия подтвердил равночестность древних обрядов. Сердца многих с благодарностью Богу восприняли эту благую весть... Освященный Собор Русской Православной Церкви призывает все возлюбленные о Господе старообрядческие согласия к братскому диалогу с Московским Патриархатом ради утверждения нашего единства в Христовой Церкви, ради провозглашения исконных духовных ценностей, сохраняемых нами преемственно от благочестия Древней Руси, ради наших общих святынь».

«Объединиться во взаимном прощении с нашей самой исконной ветвью [старообрядцами. — *Б. К.*]» — призывал на Третьем Съезде Зарубежной Церкви в 1974 г. А. Солженицын.

В 1974 г. Поместный Собор РПЦЗ также снял клятвы со старообрядцев.

Совсем недавно, на заседании 29 декабря 1998 года, Священный Синод принял следующие определения по вопросу отношений со старообрядчеством:

1. *Считать важным развитие и углубление сотрудничества между Русской Православной Церковью и старообрядчеством, которые будут способствовать укреплению традиционных духовных ценностей и норм в жизни нашего общества.*

2. *Поручить Отделу внешних церковных сношений тщательно изучить формы и перспективы дальнейшего сотрудничества Московского Патриархата и старообрядчества и сделать соответствующие предложения по развитию двустороннего диалога.*

Отсюда видно, что линия Церкви по вопросу о взаимоотношениях со старообрядчеством после Соборов 1971 и 1988 годов отнюдь не изменилась: и дальше следует *развивать двусторонний диалог и укреплять сотрудничество* во имя сохранения общих духовных ценностей и ликвидации церковного раскола.

В этом отношении очень ярко выявляется деструктивная деятельность некоторых, декларирующих себя православными, но не желающих подчиняться церковным соборным решениям издателей и публицистов.

Б. Кутузов

20 марта 1999 г.

В следующем номере:

•
Архимандрит КИПРИАН (Керн)

Беседы на молитву «Отче наш»
(публикуется впервые)

•
Епископ Диоклийский КАЛИСТ (Уэр)

Кенозис и богоподобное смирение
по учению преподобного Силуана Афонского

•
Митрополит Пергамский ИОАНН (Зизулас)

Богословие преподобного Силуана Афонского

•
Священник Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

Благодарение жизни.
От биоэтики к премудрости.

•
Священник Николай БАЛАШОВ

К истории созыва
Всероссийского Церковного Собора